



ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

ВЕСТНИК ВЛАДИВОСТОКСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ЭКОНОМИКИ И СЕРВИСА

ISSN 2073-3984

3

[9]

2017

2017 № 3..... [9]

ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Вестник
Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса

.....

Учредитель и издатель:
Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса

Издается с 2009 г.



Владивосток
2017

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3

ISSN 2073-3984

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Т.В. Терентьева* – *председатель совета*, доктор экономических наук, профессор, ректор Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Владивосток, Россия)
- Г.И. Лазарев* – доктор экономических наук, профессор, президент Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Владивосток, Россия)
- Nguyen An Ha* – associate professor, PhD, доцент, директор Института Европейских исследований Вьетнамской академии социальных наук (Ханой, Вьетнам)
- Do Huong Lan* – PhD, заместитель директора по исследовательской и учебной работе, преподаватель факультета международной экономики и бизнеса Университета внешней торговли (Ханой, Вьетнам)
- W.L. Clayton* – профессор Международной экономики университета Джонса Хопкинса, Школа передовых международных исследований (САИС) (Балтимор, США)
- С.Ю. Алимов* – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин Российско-таджикского (славянского) университета (Душанбе, Таджикистан)
- П.Я. Бакланов* – доктор географических наук, академик РАН (Владивосток, Россия)
- Т.М. Бойцова* – доктор технических наук, профессор (Владивосток, Россия)
- Ю.Г. Евтушенко* – доктор физико-математических наук, академик РАН, директор Вычислительного центра им. А.А. Дородницына Российской академии наук (Москва, Россия)
- В.В. Желтов* – доктор философских наук, профессор (Кемерово, Россия)
- Н.А. Смирнова* – доктор технических наук, профессор Костромского государственного технического университета, председатель КРО ООО «Союз дизайнеров России» (Кострома, Россия)
- Г.П. Старкова* – *заместитель председателя совета*, доктор технических наук, профессор (Владивосток, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- А.П. Латкин* – *главный редактор*, доктор экономических наук, профессор (Владивосток, Россия)
- А.Ю. Ворожбит* – доктор экономических наук, профессор (Владивосток, Россия)
- Л.И. Курсанова* – доктор философских наук, профессор (Владивосток, Россия)
- Н.А. Коноплева* – доктор культурологии, профессор (Владивосток, Россия)
- В.В. Крюков* – доктор экономических наук, профессор (Владивосток, Россия)
- С.Ф. Литвинова* – доктор юридических наук, доцент (Владивосток, Россия)
- Л.С. Мазелис* – доктор экономических наук, профессор (Владивосток, Россия)
- А.Ю. Мамычев* – доктор политических наук (Владивосток, Россия)
- Л.М. Медведева* – доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)
- Г.В. Петрук* – кандидат педагогических наук, доцент (Владивосток, Россия)
- В.П. Смагин* – доктор физико-математических наук, профессор (Владивосток, Россия)
- К.С. Солодухин* – доктор экономических наук, доцент (Владивосток, Россия)

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется положениями гл. 70 «Авторское право» Гражданского кодекса Российской Федерации и рекомендациями международного Комитета публикационной этики (COPE) – <http://publicationethics.org/resources/flowcharts>.

Публикуемые материалы, мнения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы несут ответственность за оригинальность публикации, подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также использование данных, не предназначенных для открытой печати.

При цитировании и копировании публикаций ссылка на журнал обязательна.

2017 № 3..... [9]

THE TERRITORY OF NEW OPPORTUNITIES

The Herald of Vladivostok State
University of Economics and Service

.....

Founder and publisher:
Vladivostok State University
of Economics and Service

Published since 2009



Vladivostok
2017

DOI [dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3](https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3)

ISSN 2073-3984

EDITORIAL COUNCIL MEMBERSHIP

- T.V. Terentieva – *Chairman of the Editorial Council*, Doctor of Science, Economics, President Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russia)
- G.I. Lazarev – Doctor of Science, Economics, Professor, Chancellor Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russia)
- Nguyen An Ha – Associate Professor, PhD. Institute For European Studies, Vi Vietnamese Academy of Social Sciences, Director (Vietnam, Hanoi)
- Do Huong Lan – PhD, Deputy Head of Research and Academic Affairs; Lecturer of Faculty of International Economics and Business Foreign Trade University (Vietnam, Hanoi)
- W.L. Clayton – Professor of International Economics, Johns Hopkins University School of Advanced International Studies (Baltimore, SAIS)
- S.Y. Alimov – Doctor of Law (Jurisprudence Sciences), Professor, Head of Department of State and legal disciplines, Russian-Tajik (Slavonic) University (Dushanbe, Tajikistan)
- P.Ya. Baklanov – Doctor of Geographical Sciences, member of the Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
- T.M. Boytsova – Doctor of Engineering Science, Professor (Vladivostok, Russia)
- Y.G. Evtushenko – Doctor of Physico-Mathematical Sciences, member of the Academy of Sciences, Director of computer center of A.A. Dorodnitsyn of the Academy of Sciences (Moscow, Russia)
- V.V. Zheltov – Doctor of Philosophy Sciences, Academician of the Academy of Political Science, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia)
- N.A. Smirnova – Doctor of Technical Sciences, Professor cathedra design, technology, materials and examination of consumer goods Kostroma State Technical University (Kostroma, Russia)
- G.P. Starkova – *Vice-chairman of the Editorial Council*, Doctor of Engineering Science, Professor, (Vladivostok, Russia)

EDITORS

- A.P. Latkin* – *Head Editor*, Doctor of Economic, Professor (Vladivostok, Russia)
- O.Y. Vorozhbit* – Doctor of Economic, Professor (Vladivostok, Russia)
- L.I. Kirsanova* – Doctor of Philosophy, Professor (Vladivostok, Russia)
- N.A. Konopleva* – Doctor of Culturology, Professor (Vladivostok, Russia)
- V.V. Kryukov* – Doctor of Economic, Professor (Vladivostok, Russia)
- S.F. Litvinova* – Doctor of Law, Associate Professor (Vladivostok, Russia)
- L.S. Mazelis* – Doctor of Economic, Professor (Vladivostok, Russia)
- A.Yu. Mamychev* – Doctor of Political Science, (Vladivostok, Russia)
- L.M. Medvedeva* – Doctor of Historical Sciences, Professor (Vladivostok, Russia)
- G.V. Petruk* – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Vladivostok, Russia)
- V.P. Smagin* – Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Vladivostok, Russia)
- K.S. Solodukhin* – Doctor of Economic, Associate Professor (Vladivostok, Russia)

The editorial Board is guided by the provisions of Chapter 70 “Copyright” of the Civil code of the Russian Federation and recommendations of the International Committee on publication ethics (COPE) – <http://publicationethics.org/resources/flowcharts>.

Published materials, opinions and conclusions may not coincide with the point of view of the publisher. The authors are responsible for the originality of the publication, selection and accuracy of facts, quotes, statistics, personal names, geographical names and other information, as well as the use of data that is not intended for the press.

Copying or quoting the publications needs a direct link to the journal.

Содержание

Навстречу 50-летию ВГУЭС

Лазарев Г.И.

Веги истории и векторы перспективного развития Владивостокского государственного университета экономики и сервиса

7

Терентьева Т.В.

ВГУЭС в фарватере успеха: новое направление подготовки кадров для оборонно-промышленного комплекса

14

Территория опережающего развития

Бакланов П.Я., Авдеев Ю.А., Романов М.Т.

Новый этап в развитии г. Владивостока и его агломерации

27

Латкин А.П.

Сравнительная стоимость жизни как ключевой фактор развития российского Дальнего Востока

47

Верещагина А.В., Гусева А.С.

Территориальное зонирование во Владивостокской агломерации: некоторые вопросы

57

Гомилевская Г.А., Петрова Г.А.

Морской туризм как составляющая туристского бренда «Восточное кольцо России»

71

Экономические науки

До Хьонг Лан, Нгуен Хонг Ча Ми, Евсева Т.В., Старкова Г.П.

Обеспечение конкурентоспособности продукции логистического предприятия в свете реализации Соглашения о свободной торговле между Вьетнамом и странами Евразийского экономического союза

86

Шашло Н.В., Хамзе Махмуд Аль-Равашдех

Обеспечение продовольственной безопасности на макро- и микроэкономическом уровнях как важнейший приоритет аграрной политики государства

109

Лю Чан, Вэнь Минмин, Е Цзыси, Лю Юн, Чжао Сяюю

Исследование «облачной» автоматизированной парковки как разновидности электронных административных услуг

121

Вэнь Минмин, Лю Чан, Фань Чуаньхун, Ван Бин

Исследование эффективности процесса обучения работников микро- и малого бизнеса в научно-инновационной отрасли Дацина (с использованием метода моделирования структурными уравнениями)

128

Contents

50th anniversary of Vladivostok State University of Economics and Service

Lazarev G.I.

Historic landmarks and prospective development vectors of the Vladivostok State University of Economics and Service

Terentieva T.V.

VSUES is in the wake of success: a new development direction is training of personnel for the state's military-industrial complex

The Territory of Advanced Development

Baklanov P. Ya., Avdeev Yu. A., Romanov M. T.

A new phase in development of vladivostok City and its agglomeration

Latkin A. P.

The comparative cost of living as a key factor in the development of the Russian Far East

Vereshchagina A. V., Guseva A. S.

The issue of establishing territorial zones within Vladivostok agglomeration

Gomilevskaya G. A., Petrova G. A.

Sea tourism as a component of the tourist brand «The Eastern Ring of Russia»

Economics Science

Do Huong Lan, Nguyen Hong Tra My, Starkova G. P., Evseeva T. V.

Logistics companies' products competitiveness provision in relation to implementation of the Free Trade Agreement between the Vietnam and the Eurasian Economic Union

Shashlo N. V., Hamza Mahmoud Al-Ravashdeh

Food security ensuring at the macro- and microeconomic levels as the most important priority of the state agricultural policy

Liu Chang, Wen Mingming, Ye Zixi, Liu Yong, Zhao Xiaoyu

Research on Cloud Service Platform of the Smart Park from the Perspective of the Smart City

Wen Mingming, Liu Chang, Fan Chuanhong, Wang Bing

Investigation and Research on Training Effect of Small and Micro Enterprise Staff in Daqing High-tech Zone Based on AMOS Analysis

Голобоков А.С., Сергеева В.И., Пономарева П.А.
Проблемы энергетического сотрудничества на Корейском полуострове в условиях угроз региональной безопасности

Политические науки

Мамычев А.Ю., Уханов А.Д.

Социокультурное измерение институциональных и функциональных характеристик публично-властных отношений

Волынчук А.Б., Волынчук Я.А.

Япония и Китай в Северо-Восточной Азии: поиски стратегического равновесия

Современное образование

Греско А.А., Солодухин К.С.

Выбор смешанных типов стратегий взаимодействия университета с иностранными студентами на основе нечеткой многопериодной модели

Петрук Г.В.

Публикационная активность университетов Дальнего Востока России как фактор интеграции в международное научное пространство

Лозицкий В.Л., Яковлев А.Н.

Дидактическая роль электронного учебно-методического комплекса на первой ступени высшего образования (на примере учебной дисциплины «Спортивно-педагогическое совершенствование»)

Технические науки

Данилова О.Н., Слесарчук И.А., Зайцева Т.А., Юань Фэнхуа

Формообразование современной одежды на основе использования национальных традиций

Гетманцева В.В., Гусева М.А., Андреева Е.Г., Колиева Ф.А.

Методика параметрического моделирования одежды из различных материалов в автоматизированной интеллектуальной среде

Правила оформления статей

137 *Golobokov A.S., Sergeeva V.I., Ponomareva P.A.*
Problems of energy cooperation on Korean peninsula in terms of regional security threats

Political science

144 *Mamychev A.Yu., Ukhanov A.D.*
Sociocultural dimension of institutional and functional characteristics of public power relations

156 *Volynchuk A.B., Volynchuk Ya.A.*
Japan and China in Northeast Asia: seeking strategic balance

Modern Education

164 *Gresko A.A., Solodukhin K.S.*
Selecting mixed types of university engagement strategies with foreign student based on fuzzy multi-period model

179 *Petruk G.V.*
Public activity of university of the Far East of Russia as the factor of integration in the international scientific space

191 *Lozitsky V.L., Yakovlev A.N.*
Didactic role of an electronic educational and methodical complex at the first step of the higher education (on the example of the subject matter «Pedagogics and psychology of the higher school»)

Technical science

201 *Danilova O.N., Slesarchuk I.A., Zaytseva T.A., Yuan Fenghua*
Formation of modern clothing based on the use of national traditions

215 *Getmantseva V.V., Guseva M.A., Andreeva E.G., Koliyeva F.A.*
The technique of parametric modeling of clothing from different materials in an automated smart environment

226 **Rules of formatting articles**

.....

Навстречу 50-летию ВГУЭС

.....

УДК 378

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3/7-13

Г.И. Лазарев

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия



Вехи истории и векторы перспективного развития Владивостокского государственного университета экономики и сервиса

Предметом исследования является история регионального вуза Дальнего Востока на протяжении 50 лет. Систематизированы этапы становления и развития Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, приведены основные достижения научно-педагогического коллектива. Проанализированы тенденции развития отечественного образования и вызовы современного общества. Определены основные направления среднесрочной и долгосрочной стратегии развития в условиях глобализации мировых политических, экономических и общественных процессов и кардинального изменения подходов к реализации образовательных программ высшего профессионального образования.

Ключевые слова и словосочетания: высшее профессиональное образование, региональный университет, система практико-интегрированного обучения, траектории образовательного процесса.

G.I. Lazarev

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Historic landmarks and prospective development vectors of the Vladivostok State University of Economics and Service

A regional Far Eastern university's history for the 50 years is a subject of the study. The establishment and development stages of the Vladivostok State University of Economics and Service are systematized, the main academic staff's achievements are introduced. National education development stages and modern society challenges are analyzed. Main courses of medium and long term development strategy amid political, economic and social processes' globalization and drastic change of education programmes of higher professional education appliance approaches are stated.

Keywords: higher professional education, regional university, practice-integrated education, educational process' trajectory.

Лазарев Геннадий Иннокентьевич – д-р экон. наук, профессор, президент Владивостокского государственного университета экономики и сервиса; e-mail: gennadiy.lazarev@vvsu.ru.
Gennady I. Lazarev – Doctor of Economics, Professor, President of Vladivostok State University of Economics and Service; e-mail: gennadiy.lazarev@vvsu.ru.

Качественное, престижное высшее образование сегодня можно получить не только в известных столичных вузах, но и в региональных университетах. Эту современную тенденцию российской высшей школы подтверждает история успеха Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Институт, который когда-то числился рядовым, провинциальным вузом, в 2000-х годах решительно вырвался на лидерские позиции, опередив многие вузы Дальневосточного федерального округа, и, самое главное, сохраняет взятый темп вопреки все возрастающей конкуренции в образовательном пространстве, экономическим кризисам и демографическим ямам.

В 2017 учебном году студенческое братство ВГУЭС пополнили молодые люди из 42 регионов нашей страны и 8 зарубежных государств. Выбор в пользу ВГУЭС, расположенного за 9000 километров от Москвы, на Дальнем Востоке России, можно объяснить многими причинами, но безусловное первенство за качеством обучения и востребованностью выпускников университета на рынке труда. ВГУЭС, которому исполнилось всего лишь полвека, за это время вышел на уровень самых современных университетов.

Исторический ракурс: от технологии к инновациям

ВГУЭС как Дальневосточный технологический институт (ДВТИ) был создан по решению правительства СССР 26 августа 1967 года. Вуз задумывался как кузница кадров для предприятий быстро развивающейся сферы обслуживания региона. Под институт выделили пятиэтажное здание в историческом центре Владивостока, где разместились два факультета, шесть учебных кабинетов и 11 лабораторий. Первый звонок в стенах нового вуза прозвенел для 200 студентов.

В 1995 году ДВТИ был включен в систему Госкомвуза и получил новое название: Дальневосточный государственный технологический институт (ДВГТИ). В этом же году вуз на государственном уровне признали лидером бизнес-образования на Дальнем Востоке, утвердив в качестве головного регионального вуза для подготовки специалистов для малого и среднего бизнеса. Спустя год, в 1996-м, ДВГТИ получил статус университета и стал Владивостокским государственным университетом экономики и сервиса (ВГУЭС).

В середине 90-х, в сложнейшее для страны время, ВГУЭС взял курс на прорывное развитие. Причем по всем направлениям – от кардинальной перестройки образовательных процессов до масштабного строительства, развернувшегося на территории университета. Современная мощная инфраструктура ВГУЭС – передовые лабораторные комплексы, новейшие компьютерные классы, современные учебные центры, комфортный студенческий кампус, общежития, гостиницы, спортивный комплекс «Чемпион», уникальный театрално-концертный комплекс «Андеграунд», дендрарий, медицинский центр «Лотос» – все это создано всего лишь за четверть века современной истории вуза.

Успехи университета получили высокую оценку авторитетной Международной ассоциации СЕЕМАН (Ассоциация развития менеджмента в Центральной и Восточной Европе), признавшей ВГУЭС абсолютным победителем конкурса в номинации «Выдающиеся достижения в управлении организацией».

Основные этапы на пути развития ВГУЭС

1998 – начало большого строительства кампуса.

1999 – ВГУЭС посетил Председатель Правительства РФ Владимир Путин. Книга почетных гостей вуза хранит его пожелание: «Образование и наука — это будущее России. Успехов!»

2009 – ВГУЭС присуждена Премия Правительства РФ в области качества «За достигнутые значительные результаты в области качества продукции и услуг и внедрение высокоэффективных методов менеджмента качества».

2010 – ВГУЭС выиграл конкурс Оргкомитета «Сочи - 2014», получив право стать центром подготовки волонтеров для зимних Олимпийских игр в Сочи.

2013 – в кампусе ВГУЭС открылся образовательный кластер мирового уровня: Международная школа гостиничного менеджмента ВГУЭС-RIHMS, Международная лингвистическая школа и Физкультурно-оздоровительный комплекс.

2014 – сайт ВГУЭС вошел в сотню самых цитируемых университетов России в рейтинге Webometrix.

2015 – ВГУЭС выиграл конкурс Минобрнауки РФ «Новые кадры для оборонно-промышленного комплекса»; стал единственным экономическим вузом в России, вошедшим в перечень организаций, готовящих кадры для ОПК.

2016 – ВГУЭС вошел в 100 лучших российских университетов по итогам национального рейтинга ИА «Интерфакс»; стал единственным региональным вузом в ДФО, видимым на мировом научном пространстве, по итогам предметного рейтинга научной продуктивности университетов России по направлению «Экономика»; ВГУЭС впервые в России принял участников XX Летнего университета влиятельного Азиатско-Европейского Фонда (АСЕФ).

2017 – ВГУЭС – победитель «Всероссийской открытой Интернет выставки-смотр образовательных учреждений-2017» в номинации «Университет»; лауреат-победитель Всероссийского конкурса «100 лучших предприятий и организаций России-2017» в номинации «Лучшее учреждение высшего образования».

Сегодня многоуровневая система образования во ВГУЭС включает: школу-интернат для одаренных детей, три колледжа, реализующих 52 программы среднего профессионального образования, семь институтов и 20 кафедр, реализующих 63 программы бакалавриата, 16 магистратуры, 10 аспирантуры и программы дополнительного образования. В университете работают более 350 научно-педагогических работников, 72% из них имеют ученую степень доктора или кандидата наук.

Конечно, на фоне ведущих вузов России, история которых исчисляется столетиями, ВГУЭС совсем молодой университет, но именно это обстоятельство более всего и помогает его коллективу ставить перед собой амбициозные задачи и со свойственной молодости энергией решать их.

Сегодня ВГУЭС заслуженно считается одним из самых передовых университетов Дальнего Востока, что подтверждают многочисленные отечественные и международные награды, гранты и премии. Из года в год университет укрепляет свои позиции весомыми победами в престижных общероссийских и международных рейтингах.

ВГУЭС – единственный вуз в России, где в полном объеме работает система практико-интегрированного обучения (ПИО). Четвертый курс бакалавриата ВГУЭС с ноября по май проходит восьмимесячную стажировку в ведущих компаниях и корпорациях региона, дополняя теоретические знания ценным практическим опытом. Такая модель обучения заметно увеличивает капитализацию выпускников ВГУЭС и, соответственно, шансы на достойную работу, хорошую зарплату и карьерные перспективы.

На равных с высшей лигой образования

В 2015 году ВГУЭС стал победителем Всероссийского конкурса кафедр и образовательных программ «Экономика и управление – 2015», который традиционно проводится Вольным экономическим обществом России. Университет первенствовал по всем направлениям подготовки экономистов и менеджеров, еще раз подтвердив, что по праву носит статус университета экономики и по качеству образования способен на равных конкурировать с ведущими экономическими вузами России.

Сегодня выпускники ВГУЭС – это молодые профессионалы с современными практическими навыками и опытом работы. 97,2% из них трудоустраиваются после окончания вуза в государственных структурах и ведущих коммерческих компаниях, как в России, так и за рубежом. Почти 5% выпускников ВГУЭС открывают свой бизнес, в то время как по статистике в отечественных вузах этот показатель составляет в среднем всего 2%. Этот факт служит еще одним подтверждением статуса нашего университета как инновационного, предпринимательского вуза.

География трудоустройства выпускников ВГУЭС охватывает многие регионы России, но большинство из них связывают свое будущее с родным краем, находят здесь работу и возможность профессионального и карьерного роста. В последние годы в Приморье реализуются такие мощные государственные проекты, как Территории социально-экономического развития, Свободный порт Владивосток, что делает край очень перспективной территорией – для работы, карьеры и жизни.

В рамках четко продуманной стратегии развития университет не только бережно выращивает человеческий капитал как инвестиции в будущее Дальнего

Востока, но и находит ему применение во взаимодействии с реальным сектором экономики. В новом учебном году учиться во ВГУЭС пришли более 3000 человек: от первоклассников и лицеистов до студентов, магистрантов и аспирантов. Это будущая элита общества, люди, успешные во всем – в бизнесе, в политике и жизни.

Векторы перспективного развития университета

Запас прочности, который усилиями всего коллектива университета создавался и укреплялся на протяжении 50 лет истории вуза, позволяет оптимистически смотреть в будущее. Однако следует учитывать, что современное образование развивается в условиях глобализации мировых политических, экономических и общественных процессов и подходы к реализации образовательных профессиональных программ меняются в соответствии с вызовами времени. Поэтому университету необходимо постоянно развиваться, сопоставляя вектор своего развития с общемировыми тенденциями и тенденциями развития национального образования.

Важно правильно определить на этом пути среднесрочные и долгосрочные стратегии. Среднесрочные стратегии очевидны – обеспечение востребованности трудоустройства наших выпускников, их активного карьерного продвижения – при сохранении высокого уровня экономической эффективности вуза. Это два обязательных и необходимых условия перспективного развития университета. Долгосрочная стратегия заключается в разработке и внедрении инновационных решений и предложений, реализация которых позволит достичь целей среднесрочного развития. Представляется полезным для этого организация исследовательских рабочих групп из высококвалифицированных преподавателей, сотрудников и талантливых студентов для определения перспективных, востребованных бизнесом научно-образовательных проектов, последующей детальной их разработки, вплоть до пошаговых регламентов, – в целях достижения максимально высоких результатов.

Надо менять в корне сам подход к оценке работы преподавательского состава, акцентируя ее на достижение конечных целей – параметров, по которым оценивают университет. Важен не сам процесс деятельности, а ее результат, например, не написание научной статьи, а ее востребованность научным сообществом. Необходимо менять технологии обучения, развивая новые формы, вовлекая в учебно-научный процесс студентов, магистрантов и аспирантов. Ввиду сложившейся высокой нагрузки преподавателей активное привлечение к совместным научным исследованиям обучающихся будет способствовать получению высоких количественных и качественных результатов этой деятельности. Все это должно быть неотъемлемой частью учебного процесса.

Другое направление состоит в том, что учебный процесс необходимо переориентировать с излишней академичности, зачастую при невостребованности

выпускниками получаемых знаний, на приобретение ими компетенций и навыков, имеющих научную и практическую ценность. Наши студенты должны обучаться именно тем технологиям, которые применяются на современном производстве. Актуальная задача при этом заключается в том, чтобы руководители образовательных программ и преподаватели четко понимали, чему и как надо учить студентов. Стремительно возникающие потребности общества и производства надо оперативно исследовать, чтобы разрабатывать и предлагать востребованные образовательные программы.

Учебный процесс необходимо перестраивать, исходя из того, как меняется парадигма образования. Сегодня студентам предоставлены широкие возможности и траектории образовательного процесса, в том числе с применением дистанционных и виртуальных форм получения знаний. И эти новые технологии высшего профессионального образования надо определять, разрабатывать и активно применять, чтобы сохранять статус-кво современного, динамично развивающегося университета.

Анализ тенденций развития отечественного образования позволяет сделать вывод о том, что в недалеком будущем университет станет не только местом, где получают образование, но и центром концентрации и обмена индивидуальными образовательными ресурсами, где создаются крупные и мелкие коммуникационные площадки для решения задач, стоящих перед современным обществом.

-
1. Богдан Н.Н., Масилова М.Г., Парфёнова И.Ю. Организационная культура вуза: теория, исследования, практика: монография. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014. 228 с.
 2. Лавренюк К.И., Мазелис Л.С., Крюков В.В. Оптимизационные модели инвестирования в человеческий капитал кафедры университета: монография. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2016. 160 с.
 3. Терентьева Т.В., Лазарев И.Г., Арнаут М.Н. Управление устойчивым развитием университета как социально-экономической системой: монография. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014. 148 с.
 4. Приходько Р.В. Создание образовательных кластеров как фактор повышения инновационного потенциала регионов // Россия в ВТО: проблемы, задачи, перспективы: сб. науч. ст. / под общ. ред. В.В. Тумалева. СПб.: НОУ ВПО Институт бизнеса и права, 2012. Вып.13. С. 343–346.
 5. Региональный вуз: выбор пути: монография / Г.И. Лазарев и др. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2016. 240 с.
 6. Российское образование: федеральный портал. URL: <http://www/edu.ru>

Транслитерация:

1. Bogdan N.N., Masilova M.G., Parfenova I.Yu. Organizatsionnaya kul'tura vuza: teoriya, issledovaniya, praktika: monografiya, *Vladivostok: Izd-vo VGUES*, 2014, 228 p.

2. Lavrenyuk K.I., Mazelis L.S., Kryukov V.V. Optimizatsionnye modeli investirovaniya v chelovecheskii kapital kafedry universiteta: monografiya, *Vladivostok: Izd-vo VGUES*, 2016, 160 p.
3. Terent'eva T.V., Lazarev I.G., Arnaut M.N. Upravlenie ustoichivym razvitiem universiteta kak sotsial'no-ekonomicheskoi sistemoi: monografiya, *Vladivostok: Izd-vo VGUES*, 2014. 148 p.
4. Prikhod'ko R.V. Sozdanie obrazovatel'nykh klasterov kak faktor povysheniya innovatsionnogo potentsiala regionov, *Rossiya v VTO: problemy, zadachi, perspektivy: sb. nauchn. st.*, pod obshch. Red. V.V. Tumaleva, SPb: NOU VPO Institut biznesa i prava, 2012, iss.13, pp. 343–346.
5. Regional'nyi vuz: vybor puti: monografiya / G.I. Lazarev i dr., *Vladivostok: Izd-vo VGUES*, 2016, 240 p.
6. Rossiiskoe obrazovanie: federal'nyi portal. URL: <http://www.edu.ru>

© Г.И. Лазарев, 2017

Для цитирования: Лазарев Г.И. Вехи истории и векторы перспективного развития Владивостокского государственного университета экономики и сервиса // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9, № 3. С. 7–13.

For citation: Lazarev G.I. Historic landmarks and prospective development vectors of the Vladivostok State University of Economics and Service, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, Vol. 9, No 1, pp. С. 7–13.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3/7-13

Дата поступления: 11.09.2017.

Т.В. Терентьева

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия



ВГУЭС в фарватере успеха: новое направление развития – подготовка кадров для оборонно-промышленного комплекса страны

Одним из приоритетных направлений модернизации системы образования в России является развитие целевой подготовки студентов по направлениям оборонно-промышленного комплекса (ОПК), отвечающих новым требованиям, на паритетных условиях финансирования со стороны государства и предприятий ОПК.

В статье представлены вклад Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в подготовку кадров для предприятий ОПК региона, виды и способы целевой подготовки в университете, перспективы дальнейшего развития этого направления. Исследования показали, что ВГУЭС с каждым годом наращивает обороты подготовки кадров для оборонной отрасли, реализуя как проекты Минобрнауки РФ по целевому обучению, так и собственные проекты с предприятиями ОПК. Уникальная модель практико-интегрированного обучения, высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав, современная материально-техническая и ресурсная база университета обеспечивают качественную реализацию программ целевой подготовки, расширение практики участия работодателей в разработке и реализации образовательных программ, формировании образовательной инфраструктуры и создании совместных проектных команд для решения актуальных для организаций ОПК научно-производственных задач.

Опыт университета в подготовке студентов-целевиков является уникальным. ВГУЭС – единственный экономический вуз в стране, который участвует в проектах и программах подготовки кадров для ОПК, не являясь при этом профильным вузом в этой области.

Участие в программе «Новые кадры ОПК» способствует интенсификации усилий по совершенствованию и актуализации образовательных программ высшего и среднего профессионального образования в интересах предприятий оборонной отрасли региона. Как результат – с каждым годом растет спрос со стороны предприятий на подготовку кадров по программам технического направления, реализуемым во ВГУЭС. Созданы и совершенствуются образовательная инфраструктура, учебные программы и модули, программы повышения квалификации преподавательского состава, работа по профессиональной ориентации. Опыт ВГУЭС может быть транслирован на другие региональные вузы, имеющие в своей структуре программы подготовки кадров технического направления.

Ключевые слова и словосочетания: развитие оборонно-промышленного комплекса, целевое обучение в интересах организаций ОПК, целевой прием, практико-интегрированное обучение, подготовка кадров для организаций ОПК.

Терентьева Татьяна Валерьевна – д-р экон. наук, доцент, ректор Владивостокского государственного университета экономики и сервиса; e-mail: tatyana.terenteva@vvsu.ru.

T.V. Terentieva

Vladivostok State University of Economics and Service

Vladivostok, Russia

VSUES is in the wake of success: a new development direction is training of personnel for the state's military-industrial complex

Students' target preparation in the sphere of defense industry complex (DIC) is one of the priority development fields of education in Russia. The mentioned development direction corresponds to new requirements and is funded through the budget of the state and DIC enterprises.

The contribution of the Vladivostok State University of Economics and Service to the training of personnel for the regional defense industry complex enterprises, types and methods of target preparation in the university, further prospects of this sphere development are presented in the article. Researches have approved that VSUES increases the turnover of personnel training for defense industry annually by means of realization of the Ministry of Education and Science projects and the university's and DIC enterprises' consolidated plans. The high quality of the target preparation program realization, expansion of employers' participation practice at preparation and implementation of educational programs, educational infrastructure development and creation of consolidated project teams for solving of the DIC enterprises' modern research and production problems are provided by means of a unique type of practice-integrated education process, the highly qualified teaching personnel and a modern material and technical resources base.

VSUES has a unique experience at the student's target preparation; it is the only economic university in the country that take part in the projects and training programs for defense industry complex, though VSUES doesn't specialize in the defense industry field.

Our university participation in the "New personnel of defense industry complex" program encourages efforts intensification and aimed at improvement and modernization of education programs of higher and secondary professional education to meet the interests of the defence industry of the region. Annual demand increase on the education programs of technological field in VSUES is the result achieved by the university. Education infrastructure, training programs and modules, programs of the teaching staff qualification improvement, career guidance provision are created and progressing.

Keywords: defense industry complex development, target education for DIC enterprises, target admission, practice integrated education, personnel training for defense industry complex.

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС) – один из сильнейших экономических вузов страны, расположенный на территории Дальневосточного федерального округа. Из 66 вузов, признанных в 2016 году победителями конкурса правительства России на подготовку новых кадров для оборонно-промышленного комплекса РФ [4], только ВГУЭС имеет специализацию в области экономики и сервиса, все остальные вузы технического профиля.

В рамках выигранного уже во второй раз проекта Минобрнауки РФ по целевому обучению ВГУЭС осуществляет подготовку 19 специалистов для предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК) по программам: судостроение, информационные системы и технологии, прикладная информатика, техническое обслуживание и ремонт радиоэлектронной техники. Кроме конкурса «Новые кадры ОПК», университет с 2015 года готовит кадры с высшим и средним профессиональным образованием для организаций оборонно-промышленного комплекса Министерства промышленности и торговли Российской Федерации в рамках государственного плана по договорам о целевом приеме [6]: 23 студента-целевика для АО «Восточное оборонное предприятие «Гранит» и ОАО «Центр судоремонта «Дальзавод».

Лидирующие позиции ВГУЭС в реализации программ обучения новых специалистов для ОПК обеспечивают уникальная модель практико-интегрированного обучения, активное привлечение работодателей к разработке и реализации программ обучения в оборонно-промышленной сфере, стратегический ориентир ВГУЭС на реализацию государственных интересов в области образования [9].

За 50 лет своей истории Владивостокский государственный университет экономики и сервиса подготовил более 46 тысяч специалистов с высшим образованием для органов власти, отечественных и зарубежных компаний – государственных и частных. Сегодня в университете проходят обучение около 13 тысяч студентов из России, стран СНГ и дальнего зарубежья, в том числе студенты по линиям межгосударственных обменов.

ВГУЭС ежегодно участвует в международном и национальных рейтингах университетов: Европейский ARES (в 2017 году подтверждена категория BB – Good quality performance – свидетельство надежности качества преподавания, качества научной деятельности, востребованности выпускников работодателями), Национальный рейтинг ИА «Интерфакс» (42-е место по рейтингу брендов университетов России, 37 место по интернационализации образования), 23 место в предметном рейтинге научной продуктивности АЦ «Эксперт» в области «Экономика». В рейтинге качества бюджетного приема, представленном Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» в 2016 году, ВГУЭС опережает все приморские вузы, в том числе, федеральный университет. Средний балл ЕГЭ абитуриентов, зачисленных на бюджетные места во ВГУЭС, составил 68,2.

В состав университета входит единственный в Приморском крае Институт информационных технологий (ИИТ), где будущие ИТ-специалисты получают уникальные профессиональные компетенции теоретического и прикладного

характера, что помогает им стать высококвалифицированными специалистами, востребованными на рынке труда, в том числе, предприятиями оборонно-промышленного комплекса.

В 2014 году в целях обеспечения взаимодействия академической науки с образовательным процессом ВГУЭС, повышения качества фундаментального образования и практической подготовки обучающихся создана Базовая кафедра современной оптики и фотоники (БК СОФ) в ФГБУН Институт автоматике и процессов управления Дальневосточного отделения Российской академии наук (ИАПУ ДВО РАН), который входит в перечень организаций ОПК и является партнером ВГУЭС. Основной деятельностью БК СОФ является проведение учеными ИАПУ ДВО РАН совместно с научно-педагогическими работниками ВГУЭС учебных занятий при подготовке магистров и бакалавров, а также осуществление научной деятельности в области современной оптики и фотоники, лазерной физики и волоконной оптики с привлечением студентов, аспирантов и научно-педагогических работников ВГУЭС. ИАПУ выделяет оборудование и помещения для обеспечения учебного процесса, прохождения практик, научно-исследовательской и проектной деятельности.

В 2016 году программа «Современная ИТ-инфраструктура предприятия: проектирование и эксплуатация», разработанная сотрудниками института информационных технологий ВГУЭС, прошла Конкурсный отбор дополнительных профессиональных программ повышения квалификации инженерно-технических кадров в рамках Ведомственной целевой программы «Повышение квалификации инженерно-технических кадров на 2015–2016 годы». В сентябре 2016 года в Институте информационных технологий ВГУЭС по этой программе прошли обучение 20 сотрудников предприятий «Восточная верфь», «Лидер Электро Прибор», «Альта-К», «Битроникс», «ИНФО-ТРЕЙД», «ИНФО-СЕРВИС», «Пасифик Компьютер Групп» и «Технический информационный центр». Финансирование программы осуществлялось за счет средств федерального бюджета и средств софинансирования предприятий, направивших своих сотрудников на обучение, в размере не менее 50% полной стоимости обучения и стажировок.

Во время обучения слушатели получили знания и навыки построения ИТ-инфраструктуры предприятия на базе технологий виртуализации, изучив следующие профессиональные модули: общий обзор современных ИТ-решений, сравнение различных решений и обзор технологий, планирование и развертывание ИТ-инфраструктуры, эксплуатация ИТ-инфраструктуры.

За последние 10 лет Владивостокский государственный университет экономики и сервиса сделал уверенный шаг в сторону виртуализации серверных мощностей и построения инфраструктуры виртуальных рабочих столов (Virtual Desktop Infrastructure, VDI), что позволило обеспечить высокий уровень практических навыков обучающихся. В рамках программы слушатели прошли стажировку в Институте автоматике и процессов управления ДВО РАН, в Институте информатики NEUSOFT (г. Далянь, КНР), который является государственной экспортной

базой программного обеспечения, играют ведущую роль в области компьютерных технологий на территории КНР и за её пределами.

Одно из приоритетных направлений развития университета – интернационализация образования. ВГУЭС имеет более 150 договоров с зарубежными вузами, организациями и фондами из 15 стран мира. ВГУЭС входит в 1000 лучших бизнес-школ мира, что подтверждает рейтинг фонда EDUniversal. В университете реализуется шесть программ двойных дипломов. В настоящее время доля иностранных студентов, обучающихся в университете, составляет более 6 % от общего приведенного контингента студентов.

Международное научное сотрудничество ВГУЭС развивается путем студенческих обменов с университетами Китая, Кореи, Японии и США по 23 программам грантов и стипендий правительств, неправительственных фондов, зарубежных организаций. Студентам доступны также языковые стажировки, участие в летних школах, поездки в университеты-партнеры с учебно-ознакомительными целями. В 2015 году совместно с Национальным университетом Лаоса (НУЛ) при поддержке правительства Лаоса в столице страны Вьентьяне открыт Центр русского языка и культуры – инициативный проект НУЛ и ВГУЭС.

С 2013 года ВГУЭС является членом «Ассоциации вузов Дальнего Востока, Сибири и Северо-Восточных регионов КНР», «Российско-китайской ассоциации экономических университетов», соорганизатором и постоянным участником ежегодного российско-корейского Дальневосточного форума знаний. Среди других крупных научных мероприятий, проводимых на базе или с участием ВГУЭС, – международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых исследователей «Интеллектуальный потенциал вузов – на развитие Дальневосточного региона России и стран АТР»; международный магистерский форум; международная научная конференция «Обновление механизмов и моделей сотрудничества в науке, технологиях и инновациях между СРВ и РФ, Казахстаном и Беларусь» и др. ВГУЭС выступил организатором Первого международного молодежного форума «Стратегия. Лидерство. Перспектива-2015», Международного симпозиума «Экологические проблемы природопользования и охрана окружающей среды в Азиатско-Тихоокеанском регионе».

ВГУЭС: наука и инновации

В числе основных направлений научно-исследовательской деятельности университета – исследования в области наноструктур, автоматизации и процессов управления, региональной экономики и стратегического планирования, этнокультурной специфики, речевой коммуникации, современной российской публично-властной организации. Ученые университета участвуют во всех инициативах федеральной, региональной и местной власти, связанных с развитием дальневосточных территорий, таких как законодательство по вопросам создания свободного порта во Владивостоке, развитие круизного морского туризма, проблемы захода в порты Приморья маломерных судов.

Научно-исследовательская инфраструктура университета включает научные лаборатории, студенческие научные общества, базовые кафедры, научные коллаборации (межведомственный научно-образовательный центр «Перспективные технологии материаловедения», научно-образовательный центр «Развитие социально-экономических систем», научно-образовательный клинический центр). В сфере научных интересов ведущих ученых университета: физические поля в океане, фазовые переходы и критические явления в неупорядоченных ферромагнитных средах (доктор физико-математических наук, профессор В.П. Смагин, кандидат физико-математических наук С.В. Сёмкин); физика наноструктур на поверхности полупроводников (доктор физико-математических наук, профессор А.В. Зотов); гидродинамика вихревых течений (кандидат физико-математических наук А.И. Шавлюгин); механика деформируемого твердого тела (кандидаты физико-математических наук Г.Л. Панченко, А.Л. Мазелис, Е.П. Дац); химические технологии (кандидат химических наук С.Б. Ярусова); технологии конструирования и производства швейных изделий (доктор технических наук, профессор Г.П. Старкова, доктор технических наук, профессор И.А. Шеромова); информационные системы обеспечения безопасности судоходства (кандидат технических наук В.М. Гриняк); стратегическое планирование, стейкхолдер-организации (доктор экономических наук, профессор К.С. Солодухин); государство, право, власть (доктор политических наук А.Ю. Мамычев); исследования в области конкурентоспособности социально-экономических систем (доктор экономических наук, профессор А.П. Латкин, доктор экономических наук, профессор Т.В. Терентьева, доктор экономических наук, профессор О.Ю. Ворожбит).

Спрос на научно-исследовательские разработки университета растет. Так, в 2014 году ВГУЭС выполнил научно-исследовательских работ на сумму 44 млн. рублей, в 2015 году – более 48 млн рублей. За 2016 год ВГУЭС выполнил НИР по заказам предприятий и организаций реального сектора экономики на сумму более 40 млн рублей. В 2011–2015 годах в рамках разработки стратегии социально-экономического развития Приморского края на перспективу до 2025 года по заказу органов региональной исполнительной власти разного уровня ВГУЭС выполнил более 10 научных исследований.

Результаты прикладных исследований и экспериментальных разработок, выполненных в университете, передаются в сектор реальной экономики. В 2016 году было заключено 17 лицензионных договоров на использование результатов интеллектуальной деятельности.

Целевые программы ВГУЭС в интересах «оборонки»

С 2014 года Минобрнауки России проводит открытый конкурс на предоставление поддержки программ развития системы подготовки кадров для ОПК в образовательных организациях высшего образования в соответствии с поручениями Военно-промышленной комиссии при Правительстве РФ в части реализации ведомственного плана. Программа расширяет возможности целевого обучения

студентов по направлению ОПК на приоритетных условиях финансирования со стороны государства и предприятий ОПК.

В 2015 году ВГУЭС впервые смог принять участие в конкурсном отборе, так как был включен в перечень образовательных организаций, осуществляющих подготовку кадров со средним профессиональным и высшим образованием для организаций оборонно-промышленного комплекса [8]. Всего в перечень вошли 144 из 950 вузов страны, и только один из них экономический – ВГУЭС.

По результатам конкурсного отбора 2015 года [5] в число лучших вошёл проект по целевому обучению ВГУЭС «Подготовка высококвалифицированных специалистов среднего звена в области судостроения [7] для АО «Восточная верфь», которое более 10 лет является предприятием-партнером ВГУЭС. Это перспективное судостроительное предприятие ДФО играет ключевую роль в судостроительной отрасли региона, выполняет госзаказ на постройку кораблей класса корвет, малых кораблей, катеров и вспомогательных судов водоизмещением до 2500 тонн для Тихоокеанского флота, Морских пограничных сил ФСБ России и на экспорт; заказы по строительству и ремонту рыбопромысловых, транспортных и вспомогательных судов. Имеет налаженные связи с крупными проектно-конструкторскими организациями страны. АО «Восточная верфь» кооперировано по ряду работ с такими дальневосточными предприятиями, как ОАО ЦСК «Звезда», ОАО «Радиоприбор», АО «Изумруд», ОАО ЦСС «Дальзавод», ОАО «ЦМКБ «Алмаз», ОАО «ЦНИИМФ» и другими. В рамках проекта прошли обучение 9 студентов специальности 26.02.02 «Судостроение», по окончании проекта в июле 2017 года все студенты были успешно трудоустроены на предприятие АО «Восточная верфь» по специальности.

Проект по целевому обучению ВГУЭС направлен на повышение качества подготовки кадров за счет реализации практико-ориентированной образовательной программы по специальности 26.02.02 «Судостроение» и решает задачи: получение студентами компетенций, востребованных предприятием; реализация образовательного модуля «Подготовка высококвалифицированных рабочих по профессии «сборщик корпусов металлических судов» по индивидуальной траектории; получение практического опыта рабочей профессии «сборщик корпусов металлических судов» с навыками работы с алюминиевым сплавом 1561 (АМг 61); повышение квалификации педагогических работников ВГУЭС в форме стажировок в организациях ОПК (ОАО «Центр судоремонта «Дальзавод» и АО «Восточная верфь») и обучения по программе «Актуальные проблемы совершенствования судокорпусных видов судостроительного производства и организационно-технологические пути их решения» в СПб ГБОУ СПО «Петровский колледж».

Значительную часть работы по проекту составлял блок совместных профориентационных мероприятий ВГУЭС и АО «Восточная верфь», направленных на популяризацию рабочих профессий, повышение мотивации студентов на получение образования и последующую работу в организациях ОПК, обеспечение набора мотивированных студентов на специальность «Судостроение»; расширение практики участия работодателей в разработке и реализации образовательных

программ, создании совместных проектных команд для решения актуальных для ОПК научно-производственных задач.

Образовательный модуль программы включал 560 учебных часов, из них 104 часа теоретических занятий и 456 часов практических лабораторных. Практические занятия междисциплинарных курсов и учебная практика проходили в Учебно-сварочном центре ВГУЭС, расположенном на территории предприятия АО «Восточная верфь». Центр имеет два учебных класса, в которых установлены малоамперные дуговые тренажеры сварщика «Искра» и интерактивные доски, а также сварочный участок, где размещены восемь полностью укомплектованных современным оборудованием сварочных постов. Современный учебно-сварочный центр ВГУЭС дает возможность углубления подготовки, получения дополнительных компетенций, умений и знаний, необходимых для обеспечения конкурентоспособности выпускника.

Выпускники этой целевой программы, молодые кадры «Восточной верфи», приобрели умение производить разметку мест установки деталей, в том числе из алюминиевых сплавов по сборочным и монтажным чертежам, формировать и собирать корпус судна на стапеле, применять программы Autodesk Auto CAD и Autodesk 3ds Max при компьютерном проектировании и моделировании корпусных конструкций судна, а также научились работать в команде.

В 2016 году утверждена новая Ведомственная целевая программа «Развитие интегрированной системы обеспечения высококвалифицированными кадрами организаций ОПК Российской Федерации в 2016–2020 годах» [1, 2], которая является преемницей открытых публичных конкурсов «Новые кадры ОПК», реализованных в 2014–2015 годах.

В текущем году ВГУЭС продолжил работу с предприятиями-партнерами ОПК по целевому обучению студентов и разработал две новые целевые образовательные программы для одного из ведущих предприятий ОПК в Приморье – производителя высокотехнологичных и наукоемких корабельных радиолокационных станций управления оружием (РЛС УО) АО «Изумруд», дочернего предприятия концерна «АО Концерн Моринформсистема-Агат». АО «Изумруд» работает по государственному оборонному заказу и поставляет свою продукцию ВМФ России и ряду стран дальнего зарубежья (Индия, Польша, Югославия и др.).

В сентябре 2016 года совместные проекты по целевому обучению с АО «Изумруд» – «Подготовка высококвалифицированных специалистов среднего звена по монтажу, сборке, регулировке и эксплуатации радиоэлектронной техники для АО «Изумруд»» и «Подготовка высококвалифицированных специалистов в области информационных технологий для АО «Изумруд» – были признаны победителями конкурса «Новые кадры ОПК» в рамках Ведомственной целевой программы [1]. К 2018 году во ВГУЭС будут подготовлены 10 дипломированных специалистов СПО и ВО по договорам о целевом обучении. Подготовка одного студента для АО «Изумруд» финансируется из средств федерального бюджета в объеме 43 тыс. рублей, с одной стороны, и предприятием в размере 100% федеральной бюджетной субсидии – с другой. Подготовка студентов решает актуальную потребность

АО «Изумруд» в высококвалифицированных специалистах в сфере радиоэлектронной техники и в области информационных технологий. Длительность подготовки в рамках проектов составляет два года.

В 2017 году университет в третий раз планирует подавать заявку на конкурс по проекту «Новые кадры ОПК» [3] с новыми партнерами из оборонно-промышленного комплекса региона – ПАО «Дальприбор» и ОАО «Центр судоремонта «Дальзавод».

Помимо участия в конкурсе проектов и выполнения государственного плана по целевому приему ВГУЭС проводит работу с предприятиями ОПК Дальневосточного региона по целевому обучению студентов с приобретением дополнительных компетенций в интересах будущего работодателя. Так, в октябре 2016 года АО «Восточное оборонное предприятие «Гранит»» заключило пять договоров со студентами четвертого курса Колледжа сервиса и дизайна ВГУЭС, обучающимися по специальности 11.02.02 «Техническое обслуживание и ремонт радиоэлектронной техники (по отраслям)». Эти выпускники уже в 2017 году трудоустроены на предприятие в рамках целевых договоров.

Уникальная модель практико-интегрированного обучения

Практико-интегрированное обучение – уникальная для России модель организации образовательного процесса, которая пятый год реализуется во ВГУЭС, является важнейшим конкурентным преимуществом университета и обеспечивает востребованность его выпускников на отечественном рынке труда. ВГУЭС активно сотрудничает с работодателями, и сегодня в базе данных вуза – более 500 партнеров: ведущих компаний и предприятий Приморского края и других субъектов РФ.

В 2015/2016 учебном году стажировку прошли 986 студентов, в 2016/2017 году получать профессиональные компетенции из первых рук отправились 852 человека. Студентов ВГУЭС ждут крупнейшие предприятия Дальнего Востока, компании, представляющие малый и средний бизнес, индивидуальные предприниматели, государственные и муниципальные структуры.

В рамках практико-интегрированного обучения занятия для студентов-целевиков проводят ведущие специалисты предприятий оборонно-промышленного комплекса. Все виды практик организованы на предприятиях, заключивших целевые договоры со студентами [9].

Для популяризации рабочих профессий среди школьников, повышения мотивации студентов совместно с предприятиями ОПК – АО «Восточная верфь», ОАО «Центр судоремонта «Дальзавод», ПАО «Завод «Варяг», АО «Изумруд», АО ВОП «Гранит», ПАО ВП «Электрорадиоавтоматика», АО «Дальприбор», ОАО «Дальневосточный центр судостроения и судоремонта» – ВГУЭС регулярно проводит мероприятия профессиональной ориентации в конкурсном-игровой форме с большим количеством участников. Это игра-задача «Кораблестроение», «Радиотехническое конструирование», профильные смены «ТраекТОрия» для старшеклассников, чемпионат рабочих профессий по стандартам World Skills по компетенции «Сварочные технологии», игра «Шаг в профессию», мероприятие

для родителей старшеклассников «Есть профессия – есть работа», мероприятие «День компании», олимпиада ISFIT («Information Society Functions on Information Technologies»), день профориентации «Маршрут профессионального самоопределения», цикл лекций для студентов и школьников «Радиотехника сегодня и завтра» и многие другие. Такие совместные профориентационные мероприятия позволяют университету получить целевую информацию о заинтересованных в поступлении на специальности для ОПК старшеклассниках, заинтересованных в работе на предприятиях ОПК студентах, помогают в формировании студенческих команд для участия в чемпионатах World Skills, в создании банка данных о старшеклассниках, расширении сотрудничества с предприятиями ОПК, в целом повышают интерес к специальностям технического профиля.

Перспективы взаимодействия ВГУЭС и предприятий ОПК

Реализация ведомственной целевой программы для оборонной отрасли «Развитие интегрированной системы обеспечения высококвалифицированными кадрами организаций ОПК РФ в 2016–2020 годах» [1] предполагает развитие эффективных механизмов взаимодействия вузов и предприятий на всех этапах карьерной траектории студента – от профориентации до совместных НИОКР с привлечением магистрантов и аспирантов. Поэтому в ходе конкурсного отбора образовательных проектов будут оцениваться не только предложения по организации и содержанию обучения, но и совместные инициативы вузов и организаций ОПК в области работы со школьниками, проведения стажировок для преподавателей, занятых подготовкой кадров для оборонной промышленности и науки.

Университетам, которые получают право реализовать свои целевые образовательные модули в рамках новой ведомственной целевой программы с горизонтом до 2020 года, предоставляется возможность в течение пяти лет в условиях финансовой стабильности отработать более совершенные образовательные алгоритмы подготовки специалистов для оборонной отрасли в сотрудничестве с предприятиями-заказчиками. ВГУЭС, используя опыт работы с партнерами из сферы оборонно-промышленного комплекса, намерен участвовать в Ведомственной целевой программе на постоянной основе.

В настоящее время ВГУЭС получает федеральные субсидии на подготовку студентов-целевиков среднего профессионального образования и высшего образования для предприятий Дальневосточного региона, производящих продукцию оборонного значения. Особенность и эффективность работы заключается, во-первых, в совместном решении образовательных задач университетом и предприятием-заказчиком услуги подготовки молодых специалистов требуемой специализации. Учебные программы разрабатываются совместно университетом и предприятием, что гарантирует предприятию получение молодого специалиста, обладающего необходимым специальным набором профессиональных навыков и компетенций.

Во-вторых, при реализации целевых программ речь идет только о тех студентах, которые заключили прямой договор с предприятием ОПК и будут трудоустроены на этом предприятии после завершения обучения, сдачи аттестационных экзаменов,

защиты выпускной квалификационной работы. Трудоустройство выпускников на предприятиях ОПК – один из приоритетов образовательной политики ВГУЭС, поэтому университет намерен и дальше работать над увеличением количества реализуемых целевых программ для «оборонки» и обучающихся по ним студентов.

В-третьих, предприятие-заказчик выступает инвестором наряду с федеральным правительством, софинансируя подготовку нового специалиста. Это интересно и университету, гарантированно получающему оплату за образовательные услуги, и студенту, гарантированно получающему «бесплатное» высококлассное образование, и предприятию, оплачивающему за каждого студента только около половины стоимости обучения.

Модель практико-интегрированного обучения, которая реализуется Владивостокским государственным университетом экономики и сервиса [9], становится важным условием участия университета в целевых программах ОПК. ВГУЭС не только успешно готовит будущих специалистов на собственных технических площадках, но и работает по договоренности с многочисленными предприятиями-партнерами. Заинтересованность и несомненная выгода в таком партнерстве очевидна для всех участников процесса – студентов, предприятия, университета.

Студент целевой подготовки получает оплаченное образование, гарантированную «заводскую» стипендию в случае хорошей успеваемости, постепенное вхождение на предприятие – с точки зрения усвоения профессиональных навыков, знакомства с коллективом, корпоративной культурой и включенности в них. Важно, что по окончании университета студент получает гарантированное рабочее место на «своем» предприятии.

Университет заинтересован в высококачественных учебных программах и технической базе для организации учебной практики, в наиболее квалифицированных преподавателях и наставниках, в максимальном количестве студентов и их гарантированном трудоустройстве, востребованности выпускников на рынке труда, долгосрочном финансировании своей деятельности, в партнерстве с предприятиями, заинтересованными налаживать совместное обучение студентов для ОПК.

Государственная программа «Новые кадры ОПК» помогает университету интенсифицировать усилия по совершенствованию учебных программ для предприятий оборонной отрасли. Созданы и совершенствуются образовательная инфраструктура, учебные программы и модули, программы повышения квалификации преподавательского состава, работа по профессиональной ориентации. Интерес к госпрограмме в сфере образования для «оборонки» есть и со стороны предприятий ОПК, и этот интерес будет взаимно усиливаться. ВГУЭС готов предоставлять свои организационные возможности, учебную базу и научно-интеллектуальный потенциал в целях развития и укрепления обороноспособности России.

-
1. Ведомственная целевая программа «Развитие интегрированной системы обеспечения высококвалифицированными кадрами организаций оборонно-промышленного

- комплекса Российской Федерации в 2016-2020 годах». Утверждена приказом Минобрнауки России от 29 февраля 2016 г. N 170.
2. Государственная программа «Развитие оборонно-промышленного комплекса». Утверждена постановлением Правительства от 16 мая 2016 года №425–8. Действующая редакция госпрограммы «Развитие оборонно-промышленного комплекса».
 3. Положение о порядке проведения конкурсного отбора проектов по совершенствованию содержания и технологий целевого обучения студентов федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, подведомственных Министерству образования и науки Российской Федерации, в интересах организаций оборонно-промышленного комплекса. Утверждено заместителем Министра образования и науки Российской Федерации 30 августа 2017 г.
 4. Положение о порядке проведения конкурсного отбора проектов по совершенствованию содержания и технологий целевого обучения студентов федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, подведомственных Министерству образования и науки Российской Федерации, в интересах организаций оборонно-промышленного комплекса. Утверждено заместителем Министра образования и науки Российской Федерации 5 августа 2016 г.
 5. Положение о проведении в 2015 году открытого публичного конкурса на предоставление поддержки программ развития системы подготовки кадров для оборонно-промышленного комплекса в образовательных организациях высшего образования, подведомственных Министерству образования и науки Российской Федерации. Утверждено заместителем Министра образования и науки Российской Федерации 10 августа 2015 г.
 6. Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 2 июня 2014 г. N 1067 «Об утверждении перечня организаций, включенных в сводный реестр организаций оборонно-промышленного комплекса».
 7. Приказ Минобрнауки России от 24 июня 2015 г. N 619 «Об утверждении перечня специальностей и направлений подготовки, по которым осуществляется подготовка кадров со средним профессиональным и высшим образованием для организаций оборонно-промышленного комплекса».
 8. Приказ Минобрнауки России от 6 июля 2015 г. N 669 «Об утверждении перечня образовательных организаций, осуществляющих подготовку кадров со средним профессиональным и высшим образованием для организаций оборонно-промышленного комплекса».
 9. Региональный вуз: выбор пути: монография / под ред. О.О. Мартыненко: ВГУЭС. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2016. 240 с.

Транслитерация

1. Vedomstvennaya tselevaya programma «Razvitie integrirovannoi sistemy obespecheniya vysokokvalifitsirovannymi kadrami organizatsii oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossiiskoi Federatsii v 2016-2020 godakh». Utverzhdena prikazom Minobrnauki Rossii ot 29 fevralya 2016 g. No 170.
2. Gosudarstvennaya programma «Razvitie oboronno-promyshlennogo kompleksa». Utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva ot 16 maya 2016 goda No 425-8. Deistvuyushchaya redaktsiya gosprogrammy «Razvitie oboronno-promyshlennogo kompleksa».

3. Polozhenie o poryadke provedeniya konkursnogo otbora proektov po sovershenstvovaniyu sodержaniya i tekhnologii tselevogo obucheniya studentov federal'nykh gosudarstvennykh obrazovatel'nykh organizatsii vysshego obrazovaniya, podvedomstvennykh Ministerstvu obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii, v interesakh organizatsii oboronno-promyshlennogo kompleksa. Utverzhdeno zamestitelem Ministra obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii 30 avgusta 2017 g.
4. Polozhenie o poryadke provedeniya konkursnogo otbora proektov po sovershenstvovaniyu sodержaniya i tekhnologii tselevogo obucheniya studentov federal'nykh gosudarstvennykh obrazovatel'nykh organizatsii vysshego obrazovaniya, podvedomstvennykh Ministerstvu obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii, v interesakh organizatsii oboronno-promyshlennogo kompleksa. Utverzhdeno zamestitelem Ministra obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii 5 avgusta 2016 g.
5. Polozhenie o provedenii v 2015 godu otkrytogo publichnogo konkursa na predostavlenie podderzhki programm razvitiya systemy podgotovki kadrov dlya oboronno-promyshlennogo kompleksa v obrazovatel'nykh organizatsiyakh vysshego obrazovaniya, podvedomstvennykh Ministerstvu obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii. Utverzhdeno zamestitelem Ministra obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii 10 avgusta 2015 g.
6. Prikaz Ministerstva promyshlennosti i torgovli RF ot 2 iyunya 2014 g. No 1067 «Ob utverzhdenii perechnya organizatsii, vklyuchennykh v svodnyi reestr organizatsii oboronno-promyshlennogo kompleksa».
7. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 24 iyunya 2015 g. No 619 «Ob utverzhdenii perechnya spetsial'nostei i napravlenii podgotovki, po kotorym osushchestvlyayetsya podgotovka kadrov so srednim professional'nyim i vysshim obrazovaniem dlya organizatsii oboronno-promyshlennogo kompleksa».
8. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 6 iyulya 2015 g. No 669 «Ob utverzhdenii perechnya obrazovatel'nykh organizatsii, osushchestvlyayushchikh podgotovku kadrov so srednim professional'nyim i vysshim obrazovaniem dlya organizatsii oboronno-promyshlennogo kompleksa».
9. Regional'nyi vuz: vybor puti: monografiya / pod red. O.O. Martynenko: VGUES. Vladivostok: Izd-vo VGUES, 2016. 240 p.

© Т.В. Терентьева, 2017

Для цитирования: Терентьева Т.В. ВГУЭС в фарватере успеха: новое направление развития – подготовка кадров для оборонно-промышленного комплекса страны // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9, № 3. С. 14–26.

For citation: Terentieva T.V. VSUES is in the wake of success: a new development direction is training of personnel for the state's military-industrial complex, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, Vol. 9, No 1, pp. С. 14–26. DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3/14-26

Дата поступления: 11.09.2017.

Территория опережающего развития

УДК 327=338/91

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3/27-46

П.Я. Бакланов¹

Ю.А. Авдеев²

М.Т. Романов³

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН
Владивосток. Россия

Новый этап в развитии г. Владивостока и его агломерации*

Отмечается, что изначально Владивосток создавался для выполнения важных общенациональных функций – форпоста России на Тихом океане и города-порта, – которые в течение всех последующих периодов оставались для Владивостока важнейшими, определяя его «генетический код». Основными факторами развития Владивостока на начальных этапах, обусловившими выполнение им этих важнейших функций, несомненно, явились его уникальное географическое и геополитическое положение на Тихоокеанском побережье, в контактной зоне с Японией, Китаем и Кореей, таковыми они оставались и в последующие периоды. Отмечается также, что по мере развития Владивостока и его российского и зарубежного окружения, важными факторами развития стали его выдающиеся экономико-географическое и транспортно-географическое положение, накопленный социально-экономический и научно-технический потенциал. Отмечается большая роль в развитии Владивостока на современном этапе подготовки и проведения саммита АТЭС–2012, а также новых инструментов регионального развития – формирование территорий опережающего социально-экономического развития и статуса Владивостока как свободного порта.

Выделяются основные исторические этапы в развитии г. Владивостока, начиная с 1860 г. – времени его основания. В основе выделения этапов – важнейшие государственные решения, программы развития, события. В 1960–1970 гг. начинается стадия агломерационного развития, когда город начинает выходить за свои границы и воздействовать на развитие ближайших поселений – спутников.

Обосновывается, что в долгосрочной перспективе Владивосток и агломерация будут развиваться как важнейший центр международного сотрудничества России в АТР, как многофункциональное и многосвязное образование с высокой долей международных функций. Приоритетными экономическими видами деятельности на перспективу рассматриваются транспортно-логистические, промышленно-инновационные, научно-образовательные, морехозяйственные. Рассматриваются также направления пространственного развития агломерации, в том числе северное – в качестве основного.

Ключевые слова и словосочетания: Владивосток, агломерация, этапы развития, экономико-географическое положение, функции и факторы развития, приоритеты.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта № 15-I-6-119 в рамках Программы «Дальний Восток» ДВО РАН.

¹ Бакланов Петр Яковлевич – академик Российской академии наук, профессор, д-р геогр. наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук (ТИГ ДВО РАН); e-mail: pbaklanov@tig.dvo.ru.

² Авдеев Юрий Алексеевич – канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник; e-mail: avdyural@mail.ru.

³ Романов Матвей Тихонович – д-р геогр. наук, главный научный сотрудник; e-mail: romanov@tig.dvo.ru.

P. Ya. Baklanov¹
Yu. A. Avdeev²
M. T. Romanov³

Pacific Geographical Institute, Far-Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences (PGI, FEB of RAS)
Vladivostok, Russia

A new phase in development of Vladivostok City and its agglomeration

The main historic periods in the development of Vladivostok city are identified beginning from 1860, time of its establishment. The identification of stages is based on the most important policy decisions, programs and events. During the 1960s–1970s, the stage of agglomerative development starts when the city begins to expand its boundaries and to affect the development of the nearest satellite settlements. The crucial role of the preparation and holding of the APEC-2012 summit meeting as well as new tools of the regional development including the formation of the Priority Social and Economic Development Areas and status of Vladivostok as the free port is also noted. Over the long run, Vladivostok and agglomeration will develop as the multi-function formations with a high share of international and also industrial-innovative, transport-logistic, academic and other functions. The directions of spatial development of agglomeration (including the northern one as basic) are considered.

Keywords: Vladivostok, agglomeration, stages of development, economic and geographical position, functions and factors of development, priorities.

Введение

Рассматривая вопросы долгосрочного развития Владивостока и Владивостокской агломерации, следует отметить, что многие известные люди (А. Герцен [8], Ф. Нансен [24], Д. Менделеев [13] и др.), учитывая уникальное географическое положение этого тихоокеанского региона, прочили ему большое будущее, в какой-то мере даже определяли направление развития. Так, Александр Герцен в связи с этим писал, что «...Тихий океан – это Средиземное море будущего», усматривая, что будущее развитие человеческой цивилизации, в том числе и России, во многом сместится на берега этого великого океана, как в предыдущие периоды – в зону Средиземноморья.

Прогнозы А. Герцена, Ф. Нансена и др. сегодня во многом уже реализуются – мировой экономической и демографической потенциалы все активнее перемещаются в Азиатско-Тихоокеанский макрорегион, в бассейн Тихого океана. Весьма

¹ Baklanov Petr Yakovlevich – Academician of the Russian Academy of Sciences, professor, Dr. Sci. in Geography, academic adviser of the Pacific Geographical Institute, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (PGI, FEB of RAS); e-mail: pbaklanov@tig.dvo.ru.

² Avdeev Yury Alekseevich – Ph D. in Economics, leading research worker of PGI, FEB of RAS; e-mail: avdyural@mail.ru.

³ Romanov Matvey Tikhonovich – Dr. Sci. in Geography, chief research worker of PGI, FEB of RAS; e-mail: romanov@tig.dvo.ru.

показательными индикаторами сдвига глобального баланса сил с трансатлантического пространства в евразийско-тихоокеанское являются достигшие впечатляющего роста значения ВВП в мировом ВВП, которые в 2016 г. уже составили: Китая – 17,76%, Индии – 7,23%, Японии – 4,37%, Индонезии – 2,53%, Республики Кореи – 1,61% [21].

Учитывая общемировую тенденцию неравномерного развития, а также нарастающую геополитическую напряженность в мире, Россия не вправе запаздывать с активизацией развития стратегически важных территорий своего тихоокеанского побережья – от этого во многом будет зависеть ее положение и безопасность в мировом сообществе стран.

Изначально (1860 г.) Владивосток создавался для выполнения важных общенациональных функций – форпоста России на Тихом океане и города-порта. Практически в течение всех последующих периодов данные функции оставались для Владивостока основными, определяя его «генетический код». Владивосток – один из немногих городов, название которого имеет вполне конкретную смысловую нагрузку: в самом названии города заложена его основная, геополитическая, по сути, функция – «владеть Востоком».

Однако чтобы эффективно выполнять геополитические, геоэкономические функции, город должен иметь значительный собственный потенциал – экономический, демографический, инфраструктурный, культурный, научно-технический, военный. Этот потенциал должен быть не ниже, чем у других городов российского Дальнего Востока, и сопоставим с уже сложившимися на настоящий момент региональными «полюсами роста» в АТР. В противном случае он не сможет успешно выполнять стоящие перед ним масштабные функции.

Постановка проблемы

Многие крупные города АТР (Сингапур, Пусан, Шеньян и другие) в последние десятилетия развивались высокими темпами и превратились в реальные «полюса роста» субрегионального значения. Владивосток, в этот период замедливший свое развитие, сегодня не обладает сопоставимыми с ними экономическим, социально-демографическим потенциалами.

В таком состоянии Владивосток не может всерьез рассчитывать на статус крупного регионального центра внешнеэкономического и гуманитарного сотрудничества в АТР. Лишь кардинально увеличив экономический, демографический, инфраструктурный и научно-технический потенциалы, масштабно и эффективно участвуя в международном разделении труда, в международной жизни в целом, наш город может поднять свой международный авторитет, а, опосредованно, и авторитет России. Такая возможность предоставляется Владивостоку, в том числе и в связи с тем, что, как было объявлено Президентом РФ В.В. Путиным в Обращении Федеральному собранию в декабре 2013 г., развитие в целом Востока России является «... национальным приоритетом на весь XXI век» [18].

Выполнение подобных стратегических задач требует серьезных научных обоснований. Проблемам развития Владивостока, начальным стадиям превращения

его в агломерацию посвящено немало научных исследований: А.А. Абрамова [1], Ю.А. Авдеева [2–4], П.Я. Бакланова и М.Т. Романова [5–7], А.П. Латкина [17], П.М. Крылова [12] и др. Разработаны концепции социально-экономического развития Южного Приморья и Владивостока [10, 11]. Однако современная стадия трансформации города в агломерацию специально не рассматривалась.

Основные этапы развития Владивостока

Как известно, история развития Владивостока начинается с создания военного поста в 1860 г. на берегах бухты Золотой Рог. После разграничения российско-китайских территорий по Пекинскому договору (2 (14) ноября 1860 г.) Уссурийский край был определен владением Российской империи, а Владивосток получил официальный статус российского населенного пункта.

На начальных этапах развития Владивостока можно отметить следующие важные исторические факты, ставшие своеобразными его вехами [5, 9, 24].

С 1862 г. Владивосток уже именуется портом, а не военным постом. К концу этого же года (с 25 октября) во Владивостоке разрешена беспошлинная торговля – и Владивосток получил статус «порто-франко» на последующие 50 лет. В 1864 г. во Владивостоке учреждается Управление южных гаваней на Тихом океане, и тогда же впервые ставится вопрос о разработке проекта планировки будущего города. В составе Управления были два подразделения – гражданское и военное, ведавшие вопросами строительства и землеустройства, отвода земель, а также и судебными. В числе особо важных объектов, созданных в 1860-е г. на территории поста, были судоремонтные мастерские морского ведомства.

В 1871 г. правительство принимает решение о переводе главного порта России на Тихом океане с морскими учреждениями из Николаевска-на-Амуре во Владивосток. Это решение способствовало быстрому развитию Владивостока в начале 1870-х г. С этого времени за короткие семь лет население Владивостока увеличилось в 10 раз. Это становится основанием и для создания гражданских органов самоуправления, проведения благоустройства города. В конце 1870-х годов темпы развития Владивостока замедлись, поскольку в правительстве Российской империи рассматривался вопрос о переносе военного порта из Владивостока в залив св. Ольги – считалось нецелесообразным совмещение в одной гавани военного и торгового портов.

Но уже в 1880 г. принято решение о создании особого Владивостокского военного губернаторства и, одновременно, переводе Владивостока в статус города. С этого времени начинается активное фортификационное строительство с целью создания пояса укреплений вокруг Владивостокского порта. Открывается постоянное пароходное сообщение грузопассажирских судов Доброфлота между Владивостоком и Одессой. На этих судах осуществляется перевозка переселенцев в Уссурийский край из южно-русских и украинских губерний России, что способствовало дальнейшему росту Владивостока.

Важным событием для развития Владивостока стало посещение города морским министром Российской империи адмиралом И.А. Шестаковым и первым из

членов правительства и представителем царствующего дома Романовых великим князем Александром Михайловичем. Адмирал заявил о том, что Владивосток был и будет главным портом России на Тихом океане и призвал предпринимателей без боязни вкладывать средства в застройку города, в развитие его промышленности и хозяйства. Правительством были выделены средства на постройку судоремонтного «Механического» завода (Дальзавода), который был введен в строй в 1887 г.

На рубеже 1880–90-х гг. три важных события ускорили развитие Владивостока как форпоста и торгово-экономического и культурного центра Дальнего Востока России:

- 30 августа 1889 г. Владивосток получил статус морской крепости, что предопределило дальнейшее развитие в нем фортификационного строительства;
- 27 июля 1890 г. Владивосток стал административным центром Приморской области, сюда из Хабаровска были переведены все областные учреждения;
- 19 мая 1891 г. в городе состоялась закладка Уссурийского участка Транссибирской железной дороги, призванной связать Уссурийский край и г. Владивосток с центральной частью России. В 1897 г. открывается регулярное движение поездов до Хабаровска и начинается строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

Центр Владивостока приобретает черты портового города с соответствующей инфраструктурой. Строительство коммерческого порта началось в 1896 г. и через три года к его стенке уже могли швартоваться крупные морские суда. В это же время на территории военного порта строится крупный сухой док. Это повысило престиж Владивостока как порта: он вошел в число пяти крупнейших портов России.

Последний период дореволюционного развития Владивостока пришелся на 1899–1916 гг. В связи с приобретением Россией у Китая концессии на Квантунский полуостров и строительством новой военно-морской базы в Порт-Артуре Владивосток лишается правительственных субсидий и государственных капиталовложений, а коммерческий порт – статуса «порто-франко» (1909 г.). Ситуация усугубилась последствиями русско-японской войны 1904–1905 гг. и большими политическими и финансово-экономическими трудностями в стране.

После потери Порт-Артура Владивосток остался единственной российской крепостью на Тихом океане. За два года Первой мировой войны, когда он становится единственным российским портом, через который осуществлялась перевалка военных и гражданских грузов, его грузооборот вырос вдвое. Население города к 1917 г. достигло 130 тыс. человек.

За годы Гражданской войны и интервенции городское хозяйство Владивостока было почти полностью разрушено и разграблено. Из Владивостокского порта было похищено более 1,5 млн тонн казенных грузов. За границу был угнан весь военный и торговый флот, с Дальзавода вывезено более 600 станков и 50 тысяч тонн заводского оборудования. В городе не работала электростанция, не ходили трамваи, не действовали промышленные предприятия, не осуществлялось железнодорожное сообщение. Город покинули более 20 тыс. жителей, население города сократилось до 106 тыс. человек.

К 1925 г. удалось восстановить довоенный уровень грузооборота порта, было принято более 400 иностранных торговых судов. К 1926 г. было восстановлено железнодорожное сообщение, грузовое и пассажирское, в том числе международная экспрессная линия «Владивосток – Париж». В 1927 г. население Владивостока составило 110 тыс. жителей.

В 1931 г. Постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР Владивосток был отнесен к 12 важнейшим городам РСФСР, подлежащим полной хозяйственной реконструкции. После очередной реформы административно-территориального деления края в 1932 г. Владивосток становится областным центром и базой вновь создаваемого Тихоокеанского флота, в эти же годы здесь сооружаются три вузовских учебных корпуса, открывается Дальневосточный филиал Академии наук СССР.

В 1938 г. Дальневосточный край был разделен на Хабаровский и Приморский – с центром во Владивостоке. С этого же времени начинается разработка Генерального проекта реконструкции и развития города, однако этот проект (утвержденный Правительством) не реализуется. Более того, в 1939 г., в канун Второй мировой войны, объем ассигнований на гражданское строительство во Владивостоке сокращается в полтора раза против предыдущего года, а в 1940 г. – в два раза. В годы Великой Отечественной войны во Владивостоке гражданское строительство практически было свернуто, лишь в порту сооружались новые причалы.

В послевоенные годы, когда большая часть средств направлялась на восстановление разрушенных войной западных республик СССР, объем строительства во Владивостоке был крайне незначительным. Назначенный в 1952 г. первым секретарем Приморского крайкома партии Н.Н. Шаталин в записке в ЦК ВКП(б) писал: «Таких запущенных городов, как Владивосток, я еще не видел».

Осенью 1954 г. Владивосток посетили Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин и А.И. Микоян. В результате приезда во Владивосток первых лиц государства в 1955 г. Советом Министров СССР было принято развернутое программное постановление «О жилищном и культурно-бытовом строительстве в г. Владивостоке и его благоустройстве». И с 1956 г. начинается большое строительство во Владивостоке. К концу 1950-х гг. население Владивостока выросло до 293 тыс. человек.

Начало последнего крупного этапа советской истории Владивостока можно связать с постановлением Совета Министров СССР № 181 от 18 января 1960 г. «О развитии города Владивостока». 1960–1985 годы – это время больших количественных и качественных изменений в жизни Владивостока. За это время построено более 8 млн кв. м жилья или около 90 тыс. новых квартир для горожан. К середине 80-х годов XX столетия Владивосток стал самым крупным и развитым городом Дальнего Востока, его культурным, научным и промышленным центром. К 1990 г. численность населения г. Владивостока составила 648 тыс. человек, а перспективы связывались с достижением к 2000 году не менее 700 тыс. человек. В эти же годы (1960–1970-е) г. Владивосток начал фактически перерастать в агломерацию. Основой этого стало строительство, развитие крупных судоремонтных заводов в п. Большой Камень и Славянка, которые, по существу, стали развиваться как

города-спутники Владивостока. В это же время начали усиливаться социально-экономические связи Владивостока с Артемом [10, 11, 14–16, 19, 20, 22]. В 1970–1980-е годы десятки тысяч земельных участков размером около 6 соток в пригородной зоне Владивостока, в удалении до 50–60 км от города, были переданы жителям Владивостока для садово-огороднической деятельности. Это, в свою очередь, резко усилило связи этих территорий с городом.

Развал СССР и кардинальное изменение политико-экономической системы страны, механизмов планирования и управления территориальным развитием, изменение характера взаимодействия между федеральным центром и регионами положили начало деградации региона. Начался массовый отток населения из отдаленных районов, в том числе и из Владивостока. За два десятилетия Приморский край в целом потерял более 360 тыс. человек, Владивосток – около 60 тыс.

Важным рубежом в развитии Владивостока стало получение им в 1991 г., на основе Указа Президента РФ, статуса «открытого города» – для посещения иностранными гражданами, захода иностранных судов, привлечения иностранного капитала и пр. Однако в 1990-е годы, наряду с открывающимися новыми возможностями, город потерял многое из того, что составляло основу его экономического благополучия. Отсутствие государственных заказов на оборонных предприятиях, недофинансирование многих других промышленных предприятий привели к их банкротству или резкому сокращению числа занятых на них. Масштабная потеря рабочих мест на промышленных предприятиях города и активный поиск населением других сфер занятости стали главными особенностями 1990-х годов в истории развития Владивостока. В эти же годы начал активно прорабатываться проект «Большой Владивосток» [1–7, 9, 10–12, 16, 21–23].

Важнейший этап, вызвавший резкую активизацию политической и экономической жизни во Владивостоке, связан с подготовкой и проведением здесь саммита АТЭС–2012. Правительственное решение об этом было принято в 2008 г. и потребовало колоссальных капитальных затрат (объем инвестиций составил около 680 млрд руб.), что существенно повлияло на улучшение социально-экономической ситуации в городе. Здесь был реализован ряд крупных инфраструктурных проектов, коренным образом изменивших облик Владивостока: построены 2 вантовых моста через бухту Золотой Рог и морской пролив Босфор Восточный на остров Русский, низководный мост в кутовой части Амурского залива длиной около 4 км, который соединил город с малодоступным пригородом, сделав более доступными северные территории для городского развития. Другие инфраструктурные объекты, построенные во Владивостоке в связи с проведением саммита АТЭС–2012: новый кампус Дальневосточного федерального университета на о. Русском, ветки газопровода во Владивосток из Хабаровска, новые очистные сооружения, водовода и др. – также создают благоприятные условия для дальнейшего хозяйственного развития города.

2015 год можно считать началом нового, современного этапа развития города Владивостока и агломерации. В 2014–2015 гг. Правительство РФ разработало и утвердило новые инструменты регионального развития: Территории опережающего социально-экономического развития (ТОРы): ФЗ от 29.12.2014 № 473-ФЗ;

Свободный порт Владивосток: ФЗ от 13.07.2015 № 212-ФЗ. В соответствии с этими законами начинает формироваться Надеждинская ТОР – фактически в центре агломерации. По закону о Свободном порте Владивосток большие преференции получают компании-резиденты, размещенные во Владивостоке и его пригородах. Все это создает новые благоприятные предпосылки ускорения социально-экономического развития агломерации в целом.

Основные факторы развития города и агломерации

1. *Уникальное географическое, экономико-географическое и геополитическое положение города.* Благодаря своему размещению на побережье Японского моря с многочисленными незамерзающими бухтами Владивосток стал крупнейшим тихоокеанским городом-портом России, имеющим надежный морской выход ко многим странам АТР, в том числе крупнейшим – КНР, США, Японии. В связи с этим через морской транспорт существует круглогодичная доступность к развивающимся рынкам этих стран. Благодаря подходу крупнейшей железнодорожной магистрали – Транссиб – к портам Владивостока город реализует разнообразные контактные транспортно-транзитные функции в связях России и АТР, стран АТР и Европы. Владивосток имеет и сухопутные выходы: железнодорожные и автодорожные в сопредельные страны – Китай и КНДР.

2. *Владивосток является крупнейшим экономическим центром юго-восточной окраины России,* которая соседствует здесь с крупнейшими (КНР и Япония) и крупными (КНДР и Республика Корея) странами мира с их различными, весьма контрастными политическими системами. Здесь сохранились и некоторые исторически унаследованные геополитические проблемы, например, отсутствие мирного договора и демаркации государственной границы между КНДР и Республикой Корея. В этой связи роль Владивостока как важнейшего форпоста России на Дальнем Востоке возрастает.

3. *Накопленный социально-экономический и научно-технический потенциал.* В городе проживает большое (в сравнении с прочими городами российского Дальнего Востока) население (на начало 2017 года – 633,6 тыс. человек, или 32,9% населения края) с высоким образовательным и культурным уровнем. Здесь действуют 47 тыс. предприятий и организаций (66% общего количества в крае), в том числе 2360 обрабатывающих предприятий и организаций (см. табл.). По основным социально-экономическим показателям доля города Владивостока в Приморском крае составляет 30–40%. Здесь работают 4 собственных университета, 10 филиалов других вузов, 11 государственных средних специальных учебных заведений, 14 научных институтов РАН и более 30 других научно-исследовательских и проектных организаций.

4. *Специфическим фактором долгосрочного развития города Владивостока и южного Приморья в целом стали подготовка и проведение саммита АТЭС–2012.* На выделенные федеральные инвестиции (около 680 млрд руб.) построены такие уникальные объекты, как мосты через бухту Золотой Рог и на остров Русский, подъездные дороги к ним, большое количество других объектов саммита, в том числе

новый студенческий городок на о. Русском для Дальневосточного федерального университета. Построен новый международный аэропорт, новая автомобильная дорога от аэропорта к мосту на остров Русский. Все это придает мощный импульс развитию Владивостока, значительному росту его регионального и международного статуса.

Таблица

Основные социально-экономические показатели Владивостока

Показатели	Значения показателей	В % от Приморск. края
Территория, кв. км (на 1.01.2016 г.)	561,5	0,34
Численность населения, тыс. чел.	633 167	32,8
Число предприятий и организаций	46 651	65,8
в т.ч. обрабатывающие производства:	2360	60,0
- предприятия рыболовства и рыбоводства	314	64,7
- предприятия оптовой и розничной торговли; ремонта автотранспорта и бытовых изделий	19 135	74,9
- предприятия транспорта и связи	5389	61,9
- операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	9058	69,4
- предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг	2328	57,0
Оборот организаций в действующих ценах; млн руб., 2015 г.	639 196,1	63,6
Объем отгруженных товаров собст. пр-ва, выполненных работ и услуг собственными силами	108 084,0	46,2
Объем отгруженных товаров обрабатывающих производств, выполненных собственными силами	81 096,1	50,8
Объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «Строительство»	8949,9	58,5
Оборот розничной торговли	35 495,7	53,4
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций	26 623,3	49,0
Экспорт товаров, млн долл. США, 2015 г.	527,9	25,7
Импорт товаров, млн долл. США, 2015 г.	1611,0	50,5
Основные фонды, млн руб.	1 077 305,1	71,7
Средний возраст населения, лет, 2015 г.	41,5	99,5
Среднесписочная численность работников, чел., 2015 г.	181 692	41,1
Численность индивидуальных предпринимателей, чел.	17 462	33,5

Составлено по: [19].

Геополитические факторы развития

Владивосток по своим выполняемым и перспективным функциям – один из ключевых геополитических центров России на тихоокеанском побережье. Его стратегическое значение многократно возрастает в связи с активно происходящими в мире и, особенно, на сопредельных территориях экономическими,

демографическими, военно-политическими процессами. Остается напряженной геополитическая обстановка на корейском полуострове, обостряются геополитические проблемы между рядом стран по поводу отдельных островов в Тихом океане.

В настоящее время на российском Дальнем Востоке нет значимых альтернатив Владивостоку для выполнения важнейших геополитических, внешнеэкономических функций России в АТР. Уровень развития во Владивостоке производственной и социальной инфраструктуры (включая вузы, театры, объекты торговли) несопоставимо выше, чем в других городах тихоокеанского побережья России.

Здесь также следует упомянуть, что Владивосток в течение всей своей 150-летней истории формировался как форпост России на Тихом океане и как город-порт. В условиях практически перманентной военно-политической напряженности в мире и отсутствия значимых альтернатив, дефицита финансовых средств на развитие других городов, необходимо сохранять и наращивать потенциал, который уже имеется во Владивостоке: экономический, демографический, инфраструктурный, в том числе портово-железнодорожный, оборонный. Учитывая практическое отсутствие территориальных ресурсов для дальнейшего наращивания потенциала в нынешних границах Владивостока, необходимо решать эти проблемы во многом уже в территориальных границах Владивостокской агломерации.

В связи с возрастающей ролью АТР в геэкономике необходимо кардинально усилить значимость Владивостока как наиболее развитого центра внешнеэкономического сотрудничества на российском Дальнем Востоке. Следовательно, здесь необходимо активно развивать и интеграционный потенциал, что в конечном итоге также будет «работать» на наращивание международного авторитета, геополитического «веса» Владивостока в этом регионе мира.

Основные функции и приоритеты Владивостокской агломерации

Уникальное экономико-географическое положение Владивостокской агломерации, природный потенциал и отсутствие значимых альтернатив определяют ее особую роль в реализации геостратегических и экономических интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Выполняющиеся Владивостоком в настоящее время общегосударственные геополитические и общеэкономические стратегические функции обобщенно можно свести к следующим:

– оборонные функции, связанные с дислокацией здесь отдельных структурных единиц Тихоокеанского флота, а также морских частей погранвойск, таможенных и других служб, обеспечивающих военную и экономическую безопасность России на востоке;

– портово-транспортные функции, обусловившие создание и функционирование военно-морского, морского торгового, морского рыбного и пассажирского портов;

– морехозяйственные функции, обусловившие создание портово-транспортных, рыбодобывающих, рыбоперерабатывающих, судостроительных и судоремонтных, приборостроительных предприятий, вспомогательных производств;

– внешнеторговые и транспортно-транзитные функции, состоящие в обеспечении экспорта и импорта, в том числе в транспортном и таможенном их обслуживании;

– научно-образовательные функции, состоящие в проведении фундаментальных и прикладных исследований разнообразных проблем, прежде всего связанных с океаном и рациональным использованием природных ресурсов региона, в подготовке специалистов высшей квалификации для Дальневосточного региона в целом, а также для отдельных стран АТР. Следует отметить, что эти функции резко усилены созданием во Владивостоке Дальневосточного федерального университета и развитием Дальневосточного отделения РАН;

– туристические функции, связанные с историческими объектами города, его широким выходом к морю;

– культурно-просветительские функции – на основе успешно работающих здесь театров, музеев, картинных галерей и т.п.

Таким образом, к началу XXI века сложилась четко выраженная многофункциональная роль Владивостока. Владивосток уже выполняет ряд значительных функций, в том числе:

– международных – на основе работающих здесь генеральных консульств ряда стран АТР (КНР, США, Японии, КНДР, Республики Корея, Вьетнама и др.), представительств крупных зарубежных компаний, проведения международных форумов, фестивалей и т.п.;

– общероссийских;

– общедальневосточных;

– краевых;

– муниципальных.

Практически все основные функции Владивостока имеют большие перспективы, несмотря на то, что развитие многих вышеперечисленных функций как в качественном, так и в количественном отношении в последние десятилетия XXI века тормозилось. Реализация программы подготовки города к саммиту АТЭС–2012 создала благоприятные предпосылки для нового этапа развития этих функций. Необходимость сохранения и значительного усиления данных функций имеет для России в целом не только социально-экономическое, но и важное геополитическое значение.

Город и в перспективе останется многофункциональным: портово-транспортным, промышленным, научно-образовательным и культурным, торгово-финансовым центром, выполняющим международные, общероссийские, общедальневосточные, краевые и муниципальные функции.

Основные конкурентные преимущества Владивостокской агломерации заключаются в возможностях активного использования морского транспорта агломерации, биоресурсов моря, осуществления масштабных внешнеэкономических и гуманитарных связей со странами АТР, в возможностях осуществления военно-морских функций. Успешное выполнение этих функций возможно при условии наличия здесь высокоразвитого портово-железнодорожного комплекса с транспортно-

логистическими функциями, современных судостроительных и судоремонтных производств всех видов судов (рыболовных, транспортных, военных, крупных и маломерных), рыбоперерабатывающих предприятий, научно-образовательных и инженерно-конструкторских центров с развитием наукоемких технологий.

С учетом этого и в соответствии с прогнозными оценками приоритетными функциями для города в долгосрочной перспективе являются следующие:

1. *Контактные функции*: обеспечение освоения разнообразных ресурсов Тихого океана, связей сухопутных видов хозяйств с морскими и, одновременно, обеспечение связей, взаимодействий регионов России через Дальний Восток, Приморский край со странами АТР. Поэтому приоритетным является развитие портовых, логистических, транзитно-транспортных функций и инфраструктуры внешнеэкономической деятельности (терминалы морского и рыбного портов, морской и рыбный обслуживающий флот, судоремонт, складские помещения, подъездные железнодорожные пути, международный аэропорт, дипломатические и экономические представительства других стран и зарубежных компаний).

2. Производство высокоценных товаров на основе наукоемких технологий, в том числе биотехнологий (экологически чистых продуктов питания, биологически активных и лекарственных веществ из сырья дальневосточной тайги и моря).

3. Производство приборов и некоторых видов оборудования, в том числе подводных роботов для изучения и освоения ресурсов океана.

4. Развитие научных исследований и конструкторских разработок для целей освоения и рационального использования ресурсов океана и контактной зоны «суша – океан» в целом для решения экологических проблем.

5. Развитие различных видов туризма, инфраструктуры туризма, объектов туризма, в том числе специфических, связанных с океаном, со странами АТР.

6. Развитие систем образования, науки, объектов культуры.

7. Развитие наиболее рентабельных в сложившихся рыночных условиях видов хозяйственной деятельности: рыбной и пищевой промышленности, производства широкого ряда потребительских товаров.

Рынком для подобных производств и компаний сферы услуг могут быть расширяющийся спрос как в городе и агломерации, так и во многих районах Дальнего Востока в целом, а также в различных странах АТР. Отдельные виды продукции и услуг могут иметь спрос и эффективную реализацию в других районах Российской Федерации и в странах СНГ.

Для обеспечения приоритетных отраслей необходимо развитие высокоэффективного обслуживающего комплекса – энергетики, строительной индустрии, коммунально-бытового обслуживания, торговли, медицинского обслуживания, пищевой промышленности, экологической инфраструктуры, коммуникаций связи. Определенное место в городе должны занимать и оборонные функции (управление военно-морским флотом, погранвойсками, военные причалы, судоремонт).

Стабильное функционирование производственных, коммунально-бытовых и других предприятий города в условиях ускоренного развития невозможно без обеспечения его собственным крупным энергоисточником с низкой себестоимостью.

стью производимой электроэнергии и топливно-энергетических услуг. Одним из вариантов стабильного обеспечения города топливными ресурсами может стать использование газа, поставляемого с Сахалина по трубопроводу.

За весь предыдущий период хозяйственного освоения территории Владивостокской агломерации отраслевая структура промышленных центров формировалась преимущественно под влиянием приморского экономико-географического положения (ЭГП), наличия квалифицированных трудовых ресурсов морских специальностей, потребительского фактора, значительного и уникального природно-ресурсного потенциала прилегающих территорий и акваторий.

Перспективы социально-экономического развития промышленных центров Владивостокской агломерации связываются, прежде всего, с формированием в их структуре наукоемких отраслей экономики, преимущественно предприятий обрабатывающих отраслей промышленности и новых видов деятельности в сфере услуг. Целесообразным направлением развития хозяйственного комплекса агломерации является формирование здесь крупного технополиса – центра научных, технических и технологических разработок, непосредственно поступающих в производственный процесс, которые должны обеспечить ему в будущем существенный экономический и социальный прорыв.

Направления территориального развития Владивостока

В нынешних территориальных границах город Владивосток уже имеет достаточно жесткие ограничения развития. Наиболее экономически и технически оправданным, на наш взгляд, считается «северное» направление территориального развития города – оно имеет несравнимо большие территориальные ресурсы (за счет включения в его состав прилегающих территорий).

«Южное» направление (острова, полуостров Чуркин) в транспортно-географическом и инфраструктурном отношении является тупиковым и, по нашим оценкам, может привести к дальнейшему осложнению транспортно-экономических и экологических проблем города. В то же время именно это направление территориального развития с мостовыми переходами, прежде всего, может обеспечить Владивостоку усиление его имиджа в окружающем мире как основного портового города и центра внешнеэкономического сотрудничества России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Таким образом, территориальное развитие города и формирование агломерации – Большого Владивостока – следует осуществлять в обоих направлениях: с интеграционными, «морскими» и рекреационными функциями город должен «двигаться» преимущественно в южном направлении, а основное развитие города, строительство новых производственных и инфраструктурных объектов, селитьбы преимущественно должно вестись в северном направлении.

«Северное» направление территориального развития Владивостока обеспечит ему дополнительный эффект прежде всего за счет ключевого в этом случае транспортного положения (железнодорожного и автодорожного) на пересечении грузо- и пассажироперевозок направлений «север – юг» и «восток – запад».

В будущем целесообразно расширить границы города, включив в него территорию Артема и левобережную часть Надеждинского района. Близлежащие дачные районы (до 50–60 километров от центра города, с часовой доступностью) следует преобразовать в районы постоянного проживания населения. Для этих целей в новом Генеральном плане необходимо заложить инженерное обустройство этих районов: дороги, энергосети, водопроводы, коммуникации связи и т.д.

Сложившаяся территориальная структура города в будущем должна быть существенно трансформирована на основе функционального микрозонирования агломерации в целом (см. рис.). На этой карто-схеме выделены основные функциональные зоны для территории агломерации. В пределах границ города имеются следующие зоны: 1) деловой центр; 2) прибрежная зона с чередованием хозяйственных и рекреационно-парковых секторов; 3) промышленные зоны; 4) торгово-инфраструктурные зоны; 5) селитебные зоны; 6) рекреационно-парковые зоны; 7) резервные зоны.

На этой основе следует перестроить территориально-отраслевую структуру старой части Владивостока. В частности, с учетом санитарной классификации предприятий, ресурсного, потребительского факторов их размещения, некоторые предприятия из старой части города целесообразно «перенести» на новые площадки. Так, пищевые предприятия целесообразней разместить ближе к источнику сельхозсырья и к потребителю, то есть в «Новом городе», который ближе к сельскохозяйственным предприятиям и где в перспективе будет проживать в 3–4 раза больше населения, чем в старой, лимитированной дефицитом территориальных ресурсов части Владивостока.

С учетом всех этих факторов и ограничений формирование и последующее функционирование Надеждинской территории опережающего социально-экономического развития (ТОР) целесообразно проводить в границах агломерации Владивостока с тесной увязкой приоритетов, а также социально-экономических и транспортно-логистических структур. Целесообразно пересмотреть размещение части предприятий стройиндустрии с учетом того, что основной объем строительства будет вестись на «новых площадках». Необходимо «разгрузить» побережье, в том числе бухту Золотой Рог от некоторых устаревших предприятий и портовых сооружений. На их месте более эффективно могут быть размещены рекреационно-парковые зоны, объекты социальной инфраструктуры, формирующие облик современного приморского города.

В отдельных районах со старым жильем необходимо также предусмотреть размещение рекреационно-парковых зон после сноса старого жилья, в том числе «пятиэтажек» постройки 60-х годов XX века.

В городское подчинение в форме оперативного управления и контроля необходимо включить часть прилегающей акватории залива Петра Великого со всеми бухтами и островами. Тем самым, кроме прочего, будет обеспечен постоянный экологический контроль за прибрежными морскими экосистемами.

Своеобразными хозяйственными осями могут явиться параллельно пролегающие автомобильные и железнодорожные транспортные «полукольца» вокруг

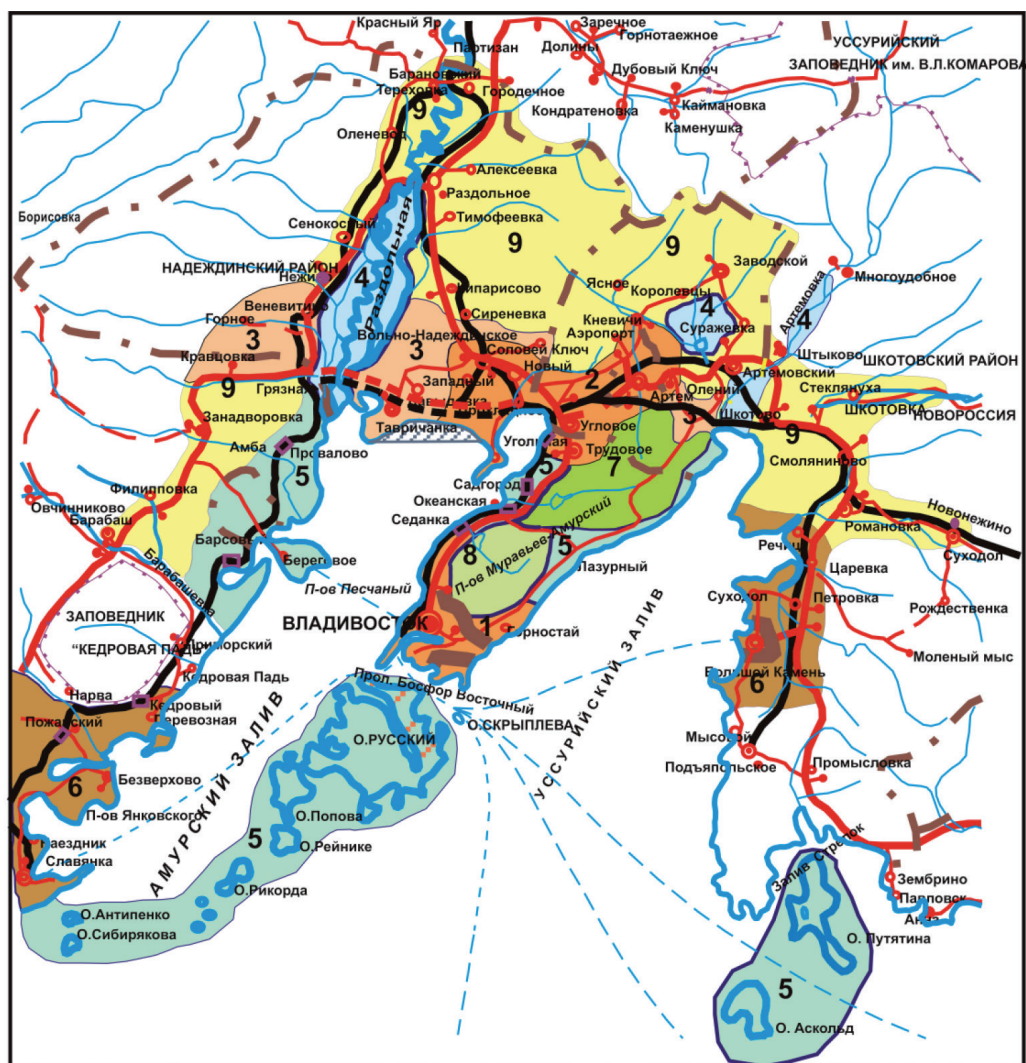


Рис. ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЗОНИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИЙ И АКВАТОРИЙ ВЛАДИВОСТОКСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

Условные обозначения:

- 1 - Деловой центр (Старый город)
- 2 - Промышленно-селитбная зона “Нового города” 1-го этапа развития
- 3 - Промышленно-селитбная зона “Нового города” 2-го этапа развития
- 4 - Водоохранные зоны
- 5 - Рекреационные зоны
- 6 - Зоны влияния Центров агломерации 2-го порядка
- 7 - Территория Природного парка (проектируемого)
- 8 - “Зеленая” горно-лесная зона с водоохранными функциями
- 9 - Периферия Владивостокской агломерации (дачная, сельскохозяйственная и т.п.)

- железные дороги
- рекомендуемые ж.д.
- автодороги
- рекомендуемые автодороги

- Границы функциональных зон
- Территории с научно-образовательными функциями

Амурского и Уссурийского заливов, дополняемые регулярно действующими паромными переправами и прибрежными морскими линиями. Как перспективные могут рассматриваться следующие транспортные звенья:

1. Вокруг Амурского залива:

а) центр Владивостока – Седанка – полуостров Де-Фриз – Тавричанка – Ключевой – полуостров Песчаный – паромная переправа – Вторая Речка или Первая Речка;

б) центр Владивостока – Вольно-Надеждинское – Рыбачий – Ключевой – далее вдоль побережья параллельно железной дороге – полуостров Песчаный – паромная переправа – Вторая Речка.

2. Вокруг Уссурийского залива:

а) проектируемый транспортный комплекс в районе Патрокл–Горностай – далее вдоль побережья до устья реки Ключ Шкотово – Пристань Речица – Большой Камень – паромная переправа – транспортный комплекс «Горностай–Патрокл»;

б) центр старого Владивостока – Угловое – Артем – Смоляниново – Большой Камень – паромная переправа – транспортный комплекс «Горностай–Патрокл» – центр старого Владивостока.

В старой части Владивостока, где более $\frac{3}{4}$ освоенной под промышленную и селитебную застройку территории относится к категории лишь ограниченно пригодной, уже сейчас плотность населения составляет 56 человек на кв. километр. А остальная, хозяйственно не освоенная территория, находящаяся в границах города, по условиям рельефа в принципе не пригодна под промышленную и селитебную застройку (уклоны более 20°). Иначе говоря, территориальные ресурсы здесь практически исчерпаны. Более того, на всех сопках с уклонами более 20° и частично с уклонами 10° – 20° (которые еще не застроены) необходимо проводить лесовосстановительные работы, и в дальнейшем эти территории не следует подвергать хозяйственному освоению. Эти меры не только увеличат площади зеленых насаждений города и улучшат его облик, экологическое состояние, но и предотвратят катастрофические наводнения.

Проведенные расчеты показывают, что в рекомендуемых нами границах Владивостокской агломерации демографическая емкость территории (только территории, получившей наивысшую оценку по условиям рельефа) может составить до 3 млн человек.

Таким образом, в пределах новых границ может развиваться городская агломерация с населением до 3 млн человек и проблема территориальных ресурсов для устойчивого и эффективного развития Владивостокской агломерации как крупного многофункционального центра России на Тихом океане будет снята. Будут созданы условия для активного экономического, демографического и транспортного развития Владивостока, превращения его в крупный центр международного сотрудничества.

Заключение

В истории г. Владивостока было несколько периодов, когда появлялись новые важные предпосылки, факторы, способствовавшие активизации социально-эконо-

мического развития. Это были правительственные решения о развитии Владивостока (1960, 2008, 2015 гг.), открытие города для международных связей (1991 г.) и другие. При этом всегда в основе развития города лежали такие объективные факторы, как его уникальное экономико-географическое и геополитическое положение. Эти факторы и в перспективе будут оказывать большое благоприятное воздействие на комплексное развитие города и его пространственного окружения, то есть всей агломерации.

В 1960–1970-е годы обозначились черты агломерационного развития, которые в последнее время стали проявляться более полно. Эти тенденции необходимо учитывать в территориальном планировании и управлении. Государственные программы, правительственные решения и научные исследования показывают, что Владивосток и его агломерация и в долгосрочном развитии будут оставаться многофункциональными образованиями с большой долей контактных международных функций. Новое инновационное качество должны приобрести промышленные, транспортно-логистические, научно-образовательные и культурно-просветительские функции.

В пространственном отношении Владивостокская агломерация будет развиваться в основном вдоль побережья залива Петра Великого с центром на полуострове Муравьева-Амурского и расширением в северном направлении. В результате г. Владивосток и его агломерация превратятся в крупнейший центр Тихоокеанской России, важнейший центр международного сотрудничества в АТР.

-
1. Абрамов А.Л. Возможные сценарии развития Владивостока в долгосрочной перспективе // Стратегическое планирование на межрегиональном, региональном и городском уровнях: каким будет Дальний Восток после кризиса: глава в колл. монографии. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2010. С. 117–143.
 2. Авдеев Ю.А. Анализ существующих идей стратегического планирования развития Владивостока // Приоритеты Приморья: Интеграция и конкурентоспособность: глава в колл. монографии. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2007. С. 103–110.
 3. Авдеев Ю.А. Агломерация «Большой Владивосток» // Окно в АТР. Общественно-политический журнал ДФО. 2015. № 3, март. С. 28–31.
 4. Avdeev Y. Prospects and Variants of Long-term Development of Vladivostok City as an Integration Center in NEA. The Development of Russian Far East and Search for a New Paradigm for Regional Cooperation in Northeast Asia. The 4th International Conference on Northeast Asian Community Building. Nov. 8–9 2013. P. 65–86.
 5. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 172 с.
 6. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Новый этап в развитии Владивостока // Владивостоку – 150: История и экономика: глава в колл. монографии. Владивосток: Издательство «Валентин», 2010. С. 197–215.
 7. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Основные подходы и принципы формирования концепции стратегического развития Владивостока в новых геополитических условиях //

- Геосистемы в Северо-Восточной Азии: территориальная организация и динамика. Владивосток: Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, 2017. С. 208–216.
8. Герцен А. Былое и думы. Собр. соч.: в 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 256–257.
 9. Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия как объект и субъект российской и международной политики // Вестник ДВО. 2013. № 1. С. 4–9.
 10. Концепция экономического развития Южного Приморья «Большой Владивосток». Владивосток, 1993. 50 с.
 11. Концепция социально-экономического развития г. Владивостока и агломерации: основные положения // Материалы к проекту «Генерального плана г. Владивостока»; под ред. В.И. Ознобихина и В.И. Преловского. Владивосток: ТИГ ДВО РАН, ОАО «Приморгражданпроект», 2002.
 12. Крылов П.М. Концепция выделения Владивостокской агломерации с позиций регионального развития и территориального планирования // Проблемы регионального развития России: глава в колл. монографии / отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий, О.Б. Глезер, С.Г. Сафронов. М.: Издательский дом «Кодекс», 2016. С. 619–634.
 13. Менделеев Д.И. Заветные мысли: Полное издание. М.: Мысль, 1995. С. 413.
 14. Надеждинский муниципальный район [Электронный ресурс]. <http://www.nadezhdinsky.ru/about/poleznye-iskoraemue> (дата обращения 02.06. 2016).
 15. Надеждинскому району – 70 лет: стат. сб. / под ред. В.Ф. Шаповалова. Владивосток, Примстат, 1997. – 94 с.
 16. Основные сведения о Хасанском районе. – URL: http://khasan-district.narod.ru/osn_sved.htm (дата обращения 02.06. 2016).
 17. Перспективы развития г. Владивостока: материалы к проекту Концепции: в 3 ч. / кол. авторов; под науч. рук. проф. А.П. Латкина. Владивосток: Владивостокский городской совет народных депутатов, 1991. Ч. 1. 157 с.; Ч. 2. 97 с.; Ч. 3. 41 с.
 18. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения 26.07.2017).
 19. Приморский край. Основные показатели деятельности городских округов и муниципальных районов: стат. ежегодник. Владивосток: Приморскстат, 2016. 231 с.
 20. Свободный порт Владивосток накроет половину Приморья. 2 марта 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://primamedia.ru/news/424043/> (дата обращения 02.06. 2017).
 21. Список стран по ВВП (ППС) [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_ВВП_\(ППС\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_ВВП_(ППС)) (дата обращения 10.04.2017).
 22. Стратегия социально-экономического развития Шкотовского муниципального района на период до 2010 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://shkotovskiy.ru/home/strategy> (дата обращения 02.06. 2017).
 23. Терский М.В. Интеграционные процессы в Тихоокеанском регионе: проблемы и перспективы экономического сотрудничества России со странами АТР // Разработка и реализация стратегий в новой ситуации: экономика, методология, модернизация. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2010. С. 76–84.
 24. Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / кол. авт.; отв. ред. академик РАН П.Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.

-
25. Фригтоф Нансен. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. С портретом автора, 155 рисунками и 3-мя картами. Авторизованный перевод с норвежского А. и П. Ганзен. Петроград: Издание К. И. Ксидо, 1915. 454 с. (Совр. изд. 2004).

Транслитерация

1. Abramov A.L. Through scenarios of Vladivostok development over the long run, *Strategic planning on the interregional, regional and urban levels: what will be the Far East after crisis. Chapter in the multi-authored monograph*. Vladivostok: Publisher FESU, 2010. Pp. 117–143.
2. Avdeev Yu.A. Analysis of existing concepts of the strategic planning of Vladivostok development, *Priorities of Primorye. Integration and competitive strength*, chapter in the multi-authored monograph. Vladivostok: Publisher FESU, 2007. Pp. 103–110.
3. Avdeev Yu.A. Agglomeration “Greater Vladivostok”, *Window to the APR. Current affairs magazine of the FEFD*, No. 3, March, 2015. Pp. 28–31.
4. Avdeev Yu. Prospects and Variants of Long-term Development of Vladivostok City as an Integration Center in NEA. – The Development of Russian Far East and Search for a New Paradigm for Regional Cooperation in Northeast Asia. The 4th International Conference on Northeast Asian Community Building. Nov. 8–9 2013. Pp. 65–86.
5. Baklanov P.Ya., Romanov M.T. Economic-geographical and geopolitical position of the Pacific Russia. Vladivostok: Dalnauka, 2009. 172 p.
6. Baklanov P.Ya., Romanov M.T. A new phase in development of Vladivostok, *150 years to Vladivostok: History and economy, chapter in the multi-authored monograph*. Vladivostok: Publ. house “Valentin”, 2010. Pp. 197–215.
7. Baklanov P.Ya., Romanov M.T. Osnovnye podkhody i printsipy formirovaniya kontseptsii strategicheskogo razvitiya Vladivostoka v novykh geopoliticheskikh usloviyakh, *Geosistemy v Severo-Vostochnoi Azii: territorial'naya organizatsiya i dinamika*. Vladivostok: Tikhoookeanskii institut geografii DVO RAN, 2017. P. 208–216.
8. Herzen A. My Past and Thoughts, *Collected works in 30 volumes*. Moscow, 1956. V. 8. Pp. 256–257.
9. Larin V.L. Pacific Russia as a object and subject of the Russian and international politics, *Bulletin of FEB RAS*. 2013. No. 1. Pp. 4–9.
10. Concept of the economic development of the South Primorye “Greater Vladivostok”. Vladivostok, 1993.
11. Concept of the social and economic development of Vladivostok and agglomeration: fundamental principles / Collective of authors, edited by V.I. Oznobikhin and V.I. Prelovsky. Materials for project “General Plan of Vladivostok City”. Vladivostok: PGI, FEB of RAS, OJSC “Primorgrazhdanprojekt”, 2002.
12. Krylov P.M. Concept of identification of the Vladivostok agglomeration from the perspective of the regional development and territorial planning, *Problems of geography, Moscow branch of the USSR GS, Russian Geographical society*. Col. 141: Problems of the regional development of Russia / Editors-in-chief V.M. Kotlyakov, V.N. Streletsky, O.B. Glezer, S.G. Safronov / Chapter in the multi-authored monograph. Moscow: Publ. house “Kodeks”, 2016. Pp. 619–634.
13. Mendeleev D.I. *Zavetnye mysli: Polnoe izdanie*. M.: Mysl', 1995. P. 413.

14. Nadezhdinsky municipal district. Official site. URL: <http://www.nadezhdinsky.ru/about/poleznye-iskopaemye> (accessed date 02.06. 2016).
15. 70 years to Nadezhdinsky district. Statistical book. Edited by Shapovalov V.F. Vladivostok, Prim. Statistical department, 1997. 94 p.
16. Basic details of the Khasan district. URL: http://khasan-district.narod.ru/osn_sved.htm (accessed date 02.06. 2016).
17. Perspektivy razvitiya g. Vladivostoka : materialy k proektu Kontseptsii v 3-kh chastyakh / editor-in-chief prof. A.P. Latkin. Vladivostok: Vladivostokskii gorodskoi sovet narodnykh deputatov, 1991. Part 1. 157 p.; Part 2. 97 p.; Part 3. 41 p.
18. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu 12 dekabrya 2013 g. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (accessed date 26.07.2017).
19. Primorsky Krai. Key indicators of the activities of urban and municipal districts. Statistic yearbook. Vladivostok: Prim. Statistical department, 2016. 231 p.
20. Free port of Vladivostok covers with a half of Primorye. March 2. URL: <http://primamedia.ru/news/424043/> (accessed date 02.06. 2017).
21. Spisok stran po VVP (PPS). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Spisok_stran_po_VVP_\(PPS\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Spisok_stran_po_VVP_(PPS)) (accessed date: 10.04.2017).
22. Strategy of social and economic development of the Shkotovsky municipal districts for the period until 2010. URL: <http://shkotovskiy.ru/home/strategy>
23. Tersky M.V. Integration processes in the Pacific region: challenges and opportunities of the economic cooperation of Russia with the APR countries, *Development and execution of strategies in new situation: economy, methodology, modernization*. Vladivostok: Publ. by FESU, 2010. Pp. 76–84.
24. Pacific Russia: pages of past, present and future / editor-in-chief, acad. of RAS P.Ya. Baklanov. Vladivostok: Dalnauka. 2012. 406 p.
25. Fridtjof Nansen. Into the country of future. Great Northern Route from Europe to Siberia through the Cara Sea. With portrait of the author, 155 figures (pictures) and 3 maps. Authorized translation from Norwegian by A. and P. Hansen. Petrograd, Publ. by K.I. Ksido, 1915. 454 p. (Modern publication, 2004).

© П.Я. Бакланов, 2017

© Ю.А. Авдеев, 2017

© М.Т. Романов, 2017

Для цитирования: Бакланов П.Я., Авдеев Ю.А., Романов М.Т. Новый этап в развитии г. Владивостока и его агломерации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9, № 3. С. 27–46.

For citation: Baklanov P.Ya., Avdeev Yu.A., Romanov M.T. A new phase in development of Vladivostok City and its agglomeration, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, Vol. 9, No 1, pp. 27–46.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3/27-46

Дата поступления: 10.08.2017.

А.П. Латкин

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Сравнительная стоимость жизни как ключевой фактор развития российского Дальнего Востока

Исследуется проблема сохранения и развития демографического потенциала российского Дальнего Востока, где за последние 25 лет численность населения сократилась на 26% и продолжает сокращаться. Цель исследования – обосновать основные причины оттока высококвалифицированных кадров и молодежи из дальневосточных в центральные и южные регионы России, а также за рубеж.

На основе обработки статистической информации, результатов авторского социологического опроса и отчетной документации крупной торгово-закупочной компании г. Владивостока сделан вывод о низкой результативности принимаемых в последние годы российским правительством программ и стратегий социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона.

Доказана необходимость создания на Дальнем Востоке условий для существенного улучшения качества жизни людей, включая сравнительную стоимость питания, социально-бытового и коммунального обслуживания, здравоохранения и образования при обеспечении высокого уровня оказываемых государственных услуг. Сделана сравнительная оценка розничных цен на основные продукты питания в Приморском крае, Ульяновской и Московской областях, а также динамика роста оптовых цен на «народную рыбу», поступающую из районов промысла в г. Владивосток.

Предложены пути изменения государственной политики освоения биоресурсов Дальневосточного бассейна с акцентом на организацию их глубокой переработки на российском берегу при повышении производительности труда в действующем рыбопромышленном производстве.

Ключевые слова и словосочетания: Дальний Восток, демографический потенциал, государственное регулирование, стоимость и качество жизни, цены на продукты питания.

Латкин Александр Павлович – д-р экон. наук, руководитель Института подготовки кадров высшей квалификации; e-mail: Aleksandr.LatkinP@vvsu.ru.

A.P. Latkin

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

The comparative cost of living as a key factor in the development of the Russian Far East

The problem of preservation and development of the demographic potential of the Russian Far East, where for the last 25 years the population has been reduced by 26% and continues to decline, is being investigated. The purpose of the study is to substantiate the main reasons for the outflow of highly skilled cadres and youth from the Far East to the central and southern regions of Russia, as well as abroad.

Based on the processing of statistical information, the results of the author's sociological survey and the reporting documentation of a large Vladivostok trading and purchasing company, the conclusion was made that the programs and strategies of the social and economic development of the Far East and the Baikal region, adopted in recent years by the Russian government, have not been effective.

The need to create conditions in the Far East for substantially improving people's quality of life, including the comparative cost of nutrition, social and communal services, health and education, while ensuring a high level of public services provided, was proved. A comparative assessment of retail prices for basic food products in Primorsky Region, Ulyanovsk and Moscow regions, as well as the dynamics of wholesale prices for "national fish", coming from the fishing areas in Vladivostok.

The ways of changing the state policy of development of bioresources of the Far Eastern basin are proposed with an emphasis on organizing their deep processing on the Russian coast while increasing labor productivity in the current fishing industry.

Keywords: The Far East, demographic potential, state regulation, cost and quality of life, food prices.

Введение

На протяжении всей истории развития Советского Союза и России для Дальнего Востока приоритетной была задача рационального освоения его уникальных природных ресурсов путем устойчивого развития производственного, научно-технического и демографического потенциала. Различными были подходы к её решению, и разной ценой достигались поставленные цели, но вместе с тем к началу рыночных реформ в мировом сообществе позитивно оценивались тенденции в увеличении численности дальневосточного населения, создании целого ряда предприятий в сфере авиа- и приборостроения, судостроения и судоремонта, в горнодобывающей, цветной, лесоперерабатывающей, легкой и пищевой промышленности.

Latkin Aleksandr Pavlovich – Doctor of Economics, the Head of the Graduate Study and Research Training Institute;
e-mail: Aleksandr.LatkinP@vvsu.ru.

Самый значительный объем государственных капиталовложений был направлен на социально-экономическое развитие региона в 70–80-е годы прошлого столетия, когда, по сути, здесь создавалась материальная основа для формирования высокоэффективного регионального народно-хозяйственного комплекса с адекватным уровнем социального обеспечения населения [5, 7].

По мнению П.А. Минакира и О.В. Прокапало, именно на этот период приходится активизация государственного регулирования социально-экономического развития Дальнего Востока с использованием крупномасштабных программ и стратегий. В рамках этой политики к настоящему времени вполне сформировалась практика разработки, утверждения и реализации различных по масштабу и срокам стратегических и программных документов, результативность которых, к сожалению, оказывается существенно ниже намеченных целевых критериев [10].

Непродуманность принимаемых на федеральном уровне управленческих решений по сохранению производственного, научно-технического и демографического потенциала Дальнего Востока определила стремительно ниспадающую траекторию его развития в постприватизационный период с потерей многих ранее завоеванных позиций в общенациональном и международном разделении труда. В частности, вместо намеченного первой Долговременной государственной программой увеличения численности населения к 2000 году до 10 млн чел. (от 8,2 млн чел. в 1990 г.) за прошедшие 25 лет она сократилась до 6,1 млн чел, то есть на 26% [4]. По твердому убеждению автора, этот небывалый в мировой экономике и политике прецедент по отношению к отдалённым, но стратегически важным для государства территориям интенсивного хозяйственного освоения должен быть подвергнут тщательному анализу и стратегическому аудиту уже в недалекой исторической перспективе.

Осознание столь критического положения, явно не обеспечивающего решение стратегической задачи поворота вектора развития национальной экономики в АТР, инициировало осуществление в последние годы российским правительством нарастающей системы мер для оздоровления экономики Дальнего Востока и Байкальского региона при радикальном улучшении сложившейся здесь социально-демографической ситуации.

Таким образом, были приняты правительственные решения по проведению в г. Владивостоке в 2012 году очередного саммита АТЭС, по созданию режимов хозяйствования «Территория опережающего социально-экономического развития» (2014 г.) и «Свободный порт Владивосток» (2015 г.) с весьма оптимистичными прогнозами по их вкладу в увеличение ВРП, производственного и демографического потенциала дальневосточных регионов [5, 11].

Сейчас, когда с момента осуществления обозначенных и ряда других проектов прошёл достаточный для оценки их перспективности период, можно признать эти прогнозы явно завышенными.

Так, на Дальнем Востоке только «якорные» инвесторы TOP должны были к 2018 году вложить в реализацию своих бизнес-проектов 257 млрд руб., создав при этом 15 тыс. новых рабочих мест, что в настоящее время представляется совер-

шенно не реальным. Стоит добавить, что после саммита АТЭС в Приморском крае наблюдается отрицательная динамика притока инвестиций в основной капитал, которая в 2016 году составила лишь 82,8% по отношению к предыдущему году.

В данном случае нельзя не согласиться с выводом П.А. Минакира и О.В. Прокапало, что постсоветским программам развития Дальнего Востока и Байкальского региона свойственна размытость целевых установок и распылённость ресурсов, в связи с чем они превратились в индикативные планы социального и экономического развития административно-территориальных образований [9].

Столь неутешительные результаты признаёт научный руководитель ДальИии рынка профессор В.К. Заусаев, который отмечает, что демографическая обстановка на Дальнем Востоке остаётся сложной, уезжают наиболее работоспособные кадры, их замещают низкоквалифицированные рабочие из стран СНГ. Особое беспокойство вызывает реализация государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», которая не выдерживает никакой критики, сохранив в своей новой редакции (март 2017 г.) все прежние недостатки [2].

С учётом этого автору представляется важным акцентировать внимание на части проводимой на Дальнем Востоке государственной демографической политики, прежде всего, на создании в существующих экстремальных климатических условиях территорий комфортной жизни населения, главным критерием признания которых должна стать сопоставимая с центральными регионами России стоимость и качество питания, социально-бытового и коммунального обслуживания, а также уровень оказываемых государственных услуг.

Исходя из этого в настоящей статье автором приводятся результаты исследований состояния и негативных тенденций изменения стоимости «продуктовой корзины» дальневосточного населения, прежде всего традиционно популярной рыбной продукции.

Основная часть

По мнению многих исследователей и представителей предпринимательского сектора экономики, успех любого бизнеса основывается на наличии трёх факторов: бизнес-идеи, квалифицированные кадры, финансовые средства. Нетрудно видеть, что как минимум два фактора из трёх могут быть обеспечены только при наличии креативных и квалифицированных людей, дефицит которых на Дальнем Востоке в последние годы возрастает. Таким образом, главным индикатором успеха реализации правительственных инициатив является полное прекращение оттока населения, особенно выпускников образовательных учреждений, при заселении в дальневосточные регионы указанной категории людей из других регионов страны.

Проведенный автором в 2016 году социологический опрос своих выпускников, проживающих сейчас в центральных и южных городах России, выявил в числе основных причин смены места жительства и профессиональной деятельности сравнительно высокую и постоянно возрастающую стоимость жизни на Дальнем Востоке при снижении здесь, начиная с 2014 года, средней реальной заработной

платы и отсутствие у большей части населения (предприниматели и пенсионеры) дальневосточной надбавки. В число основных составляющих этой стоимости входят высокие затраты на жилищные и коммунальные услуги, здравоохранение и образование, курортно-санаторное лечение и транспорт, но самое главное – доступное по цене качественное питание.

Как отмечает руководитель Дальневосточного рекрутингового агентства «Kelly Services» Е. Горелова, в российском Приморье мало шансов сделать карьеру, вследствие наилучшего сочетания заработной платы, уровня цены, сурового климата. В частности, стоимость потребительской корзины здесь сейчас на 31% выше среднероссийского значения, при том, что среди дальневосточных регионов в Приморье наиболее благоприятные природно-климатические условия [1].

Для подтверждения этого вывода нами была сделана сравнительная оценка соотношения стоимости основных групп продуктов питания в Приморском Крае, Московской и Ульяновской областях, которая позволила установить существенную разницу. В частности, в 2016 году средние розничные цены в указанных центральных регионах России на хлеб были ниже приморских в 2,1 раз, молоко – в 2,0 раз, мясо – в 1,25 раза (табл. 1) [4].

Таблица 1

**Соотношение стоимости основных групп продуктов питания
в Приморском крае, Московской и Ульяновской областях (2016 г.), руб.**

Регионы	Свинина (кроме бескостного мяса), кг	Молоко питьевое цельное пастеризованное 2,5–3,2% жирности, л	Хлеб из ржаной муки и из смеси муки ржаной и пшеничной, кг
Приморский край	348	81,91	71,89
Московская область	311,11	50,39	35,34
Ульяновская область	251,14	40,68	33,96

Стоит добавить, что реальные заработная плата и располагаемые населением доходы в целом ряде регионов Дальнего Востока, включая Приморский край, в последние годы имеют тенденцию к снижению и все больше отстают от уровня Москвы и других центральных городов при затянувшемся решении вопроса установления «дальневосточной надбавки» пенсионерам [8].

Особое беспокойство вызывает тенденция последних лет к резкому и пока никак не обоснованному повышению цен на главную составляющую питания дальневосточников – рыбную продукцию. Вопрос её доступности в широком ассортименте и с высоким качеством всегда был стратегическим в государственной политике развития Дальнего Востока. Однако, являясь «рыбным цехом» России и обеспечивая 60–80% общенационального вылова экологически чистых биоресурсов, сейчас далеко не все дальневосточники могут позволить себе регулярное потребление рыбы и морепродуктов из-за неоправданно высоких цен [3].

В рамках данного исследования автором сделана оценка динамики ценообразования за последние 15 лет. При этом в качестве объекта исследования взята так называемая неразделанная «народная рыба», то есть тот перечень, который могут покупать люди с невысоким доходом: горбуша, кета, тихоокеанская сельдь, минтай, навага, камбала. Информационной базой проведенной оценки явилась отчетно-аналитическая статистика одной из торгово-закупочных посреднических компаний г. Владивостока, а также данные официального сайта fish.ru.

В целях обеспечения корректности оценки рассчитывалась среднегодовая цена, в которую вошли затраты на покупку рыбы у производителя в районе промысла (Охотское, Берингово моря), а также затраты на транспортировку морским путём до порта Владивосток, на выполнение грузовых работ и хранение в холодильниках.

Полученные таким образом данные представлены в таблице 2.

Таблица 2

Динамика среднегодовых оптовых цен на «народную рыбу» в рыбном порту Владивосток, руб./ кг

Продукция с/м	2002	2009	2013	2014	2015	2016	2017	Темпы роста, %	
								2017/2002	2017/2013
Горбуша н/р	20	39	65	108	140	145	160	800	246
Кета ПСГ	45	61	90	135	167	180	240	533	267
Навага н/р 21 см. +	12	38	36	35	49	52	60	500	167
Камбала н/р 21 см. +	15	32	36	37	56	77	80	533	222
Сельдь т/о н/р 200гр. +	13	32	24	29	67	57	50	385	208
Минтай б/г 25 см. +	32	48	42	57	80	81	70	219	167

Анализ данных позволяет сделать следующие выводы.

1. В течение 15 последних лет стоимость «народной рыбы» ежегодно увеличивалась в среднем: горбуша – 53,3%, кета и камбала – 35,5%, навага – 33,3%, сельдь тихоокеанская – 25,6% и минтай – 14,6%, что значительно превышает параметры среднегодовой инфляции. Ещё более высокий темп роста стоимости происходит в последние 5 лет, когда, казалось бы, российским правительством был принят целый ряд мер по поддержке национального рыбного хозяйства, начиная с реализации нового механизма предоставления рыбоводыбывающим компаниям квот на освоение биоресурсов, создания преференциальных режимов «Свободный порт Владивосток» и «Территория опережающего развития», стимулирования привлечения инвестиций в модернизацию основных производственных фондов [6].

2. Выявленное значительное увеличение стоимости рыбы формируется преимущественно производителями, то есть рыбоводыбывающими компаниями. Стоит отметить, что скачок «рыбных цен» был зафиксирован летом 2014 года в условиях неудачной путины на Камчатке. Однако поддержан и усилен этот скачок был спекулятивными действиями рыбоводыбывающего бизнеса и оптового звена, когда недобор в допустимом объеме уловов составил 10%, а рост цен на лосось – от 50 до 100%, при молчаливом одобрении этой тенденции соответствующими пра-

вительственными структурами. Как показывает проведенный анализ, за тот же период затраты на транспорт из районов промысла до порта Владивосток выросли на 200%, на грузовые работы на 240% и на хранение за первый месяц – на 200% при прогрессивной системе оплаты, то есть примерно в 2 раза меньше выявленной динамики стоимости.

3. С позиции сохранения демографического потенциала и прекращения оттока дальневосточного населения совершенно недопустимой является выявленная тенденция существенного превышения темпов роста стоимости «народной рыбы» над средней величиной номинальной начисленной заработной платы и, тем более, минимального размера оплаты труда (табл. 3).

Нельзя не подчеркнуть, что, по данным Российской счётной палаты, по итогам 1 квартала 2017 года количество населения, проживающего за чертой бедности в нашей стране, достигло 22 млн, то есть порядка 14%. В Приморском крае в общей численности населения около 20% составляют пенсионеры, не получающие дальневосточной надбавки. Для этой категории и существенной части работающего населения с гораздо меньшей средней величиной реальной заработной платы выявленная динамика роста цен на рыбную продукцию ставит непреодолимую преграду даже для достижения установленной нормы потребления «народной рыбы», не говоря уже о деликатесах типа палтуса, трески, кижуча, нерки, симы и т.п.

Таблица 3

Динамика среднемесячной номинальной начисленной заработной платы и стоимости Дальневосточного лосося в Приморском крае

Показатели	2007	2008	2009	2013	2014	2015	2016	2007, в %	Темп роста, % 2016/2007
Стоимость горбуши, руб. /кг	28	32	39	65	108	140	145	100	518
Стоимость кеты, руб. /кг	50	55	61	90	135	167	180	100	360
Средняя номинальная начисленная заработная плата, руб.	13174	16805	18997	29965	32431	38644	41238	100	313

Сформулированный автором вывод позволяет назвать главной причиной сложившегося положения уход государства и соответствующих правительственных структур от контроля за формированием обоснованной системы ценообразования на рыбу и рыбную продукцию и вообще за процессом цивилизованного освоения водных биоресурсов. По словам одного из руководителей Госсельхознадзора Н. Власова, нынешние проблемы бумажного документооборота позволяют практически легализовать браконьерство, при этом фрагментация госветслужбы по субъектам резко ухудшила ситуацию в сфере пищевой безопасности, а фальсификация рыбной продукции приняла огромные масштабы [12].

Стремительное повышение цен на рыбную продукцию с 2014 года обусловлено также введением санкций к России, что лишило многие рыбоперерабатывающие предприятия г. Москвы и других центральных городов поставляемого ранее сырья из Норвегии, замещение которого стало обеспечиваться из Дальневосточного бассейна, усилив возможности дальневосточных рыбодобывающих компаний в завышении отпускаемых цен.

Наконец, нельзя не отметить существенного значения в системе ценообразования и реализуемую на рынке Дальнего Востока рыбы и морепродуктов фактора несокращающего объёма экспорта этой продукции на рынки Японии, Китая, Республики Корея и других стран, который для дальневосточных рыбодобывающих компаний пока является сравнительно выгодным. Таким образом объявленный несколько лет назад призыв «Вся пойманная в России рыба – на родной берег» остается не реализованным.

В этой связи наращивание собственных рыбоперерабатывающих мощностей вместо отправки сырья в другие страны, а также обеспечение внутреннего рынка продукцией по умеренным ценам являются главными приоритетами развития рыбохозяйственной отрасли Дальнего Востока.

Вполне оправданным в этом процессе должен стать рыбный кластер, создание которого ещё 2013 году инициировал президент России В.В. Путин. Изначально разрабатывалась идея локализации всего кластера в Приморском крае и в бухте Суходол, однако от этой идеи пришлось отказаться. Зимой 2016 года Росрыболовство представило новую концепцию рыбного кластера, который должен включать в себя четыре дивизиона в составе Приморского края, Сахалинской области (и как отдельной зоны – Курил), Камчатского края. При этом ведущая роль отводится Приморскому краю, где планируют реализовать пять крупных инвестиционных проектов: оптово-распределительный центр «Владивосток», который позволит решить острую проблему перегруженности холодильных мощностей; флагманский завод по выпуску филе минтая предприятие по выпуску замороженных рыбных полуфабрикатов; многоцелевой рыбоперерабатывающий комплекс для малых предприятий в рамках ТОР «Надеждинская»; инновационно-научный парк с бизнес-инкубатором и венчурным фондом.

Реализация этих и многих других инициатив, по убеждению автора, должна базироваться на действительно инновационном подходе и конструктивных решениях, направленных на повышение производительности труда в действующем рыбопромышленном производстве Дальнего Востока при развитии аквакультуры и искусственного производства рыбы в многочисленных водоёмах, что может изменить конъюнктуру рыбного рынка этого региона в пользу проживающего здесь населения.

-
1. Горелова Е., Романова С., Таранин А. Вернуть людей на Дальний Восток // Ведомости. № 3922 от 22.09.2015.
 2. Заусаев В.К. Сомнительный эффект // Российская газета. 18.06.2017.

3. Корнейко О.В., Латкин А.П. Теоретические подходы к управлению развитием промышленного рыболовства // Рыбное хозяйство. 2014. №3. С. 35–37.
4. Кравец А.В., Латкин А.П. Антироссийские санкции в системе ключевых факторов снижения уровня жизни населения Дальнего Востока // International Business Management. 2016. Т. 11. Вып. 2. С. 70–78.
5. Латкин А.П. Российский Дальний Восток: ретроспектива и перспектива социально-экономического развития // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2012. №3. С. 120–128.
6. Латкин А.П., Грек Л.А. Методический подход к обоснованию целесообразности и экономического эффекта модернизации производственных фондов рыбохозяйственных предпринимательских структур // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5, №4(17). С. 242–245.
7. Латкин А.П., Казакова В.А., Евсеева Т.В. Российский Дальний Восток. Предпосылки и условия привлечения иностранных инвестиций: монография. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. 240 с.
8. Латкин А.П., Кравец А.В. Основные проблемы сохранения и развития трудового потенциала Российского Приморья // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2017. №1(28). С. 23–30.
9. Минакир П.А., Прокапало О.В. Программы и стратегии развития российского Дальнего Востока // Проблемы Дальнего Востока. 2011. №5. С. 93–104.
10. Минакир П.А., Прокапало О.В. Стратегия и реальности: мечта о чуде // Korea-Russia Cooperation in the Far East in in Light of the Eurasia Initiative. 24–25 June 2014. Vladivostok. С. 43–50.
11. Стецко Н.И., Латкин А.П. Территории с особым экономическим статусом: адресный подход к обеспечению роста предпринимательской активности // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5, №4(17). С. 353–357.
12. Россельхознадзор: Браконьерство на Дальнем Востоке России приняло угрожающие масштабы // Владивосток. 10.08.2016. URL: <http://vladnews.ru/2016/08/10/110685/rosselkhoznadzor-brakonerstvo-na-dalnem-vostoke-rossii-prinyalo-ugrozhayushhie-masshtaby.html>

Транслитерация

1. Gorelova E., Romanova S., Taranin A. Vernut' lyudei na Dal'nii vostok, *Vedomosti*, No 3922, 22.09.2015.
2. Zausaev V.K. Somnitel'nyi effekt, *Rossiiskaya gazeta*, 18.06.2017.
3. Korneiko O.V., Latkin A.P. Teoreticheskie podkhody k upravleniyu razvitiem promyshlennogo rybolovstva, *Rybnoe khozyaistvo*, 2014, No 3, pp. 35–37.
4. Kravets A.V., Latkin A.P. Antirossiiskie sanktsii v sisteme klyuchevykh faktorov snizheniya urovnya zhizni naseleniya Dal'nego Vostoka, *International Business Management*, Vol. 11, iss. 2, 2016, pp. 70–78.
5. Latkin A.P. Rossiiskii Dal'nii Vostok: retrospektiva i perspektiva sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2012, No 3, pp. 120–128.

6. Latkin A.P., Grek L.A. Metodicheskiy podkhod k obosnovaniyu tselesoobraznosti i ekonomicheskogo effekta modernizatsii proizvodstvennykh fondov rybokhozyaystvennykh predprinimatel'skikh struktur, *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 2016, vol. 5, No 4(17), pp. 242–245.
7. Latkin A.P., Kazakova V.A., Evseeva T.V. Rossiiskii Dal'nii Vostok. Predposylki i usloviya privlecheniya inostrannykh investitsii: monografiya, *Vladivostok: Izd-vo VGUES*, 2015, 240 p.
8. Latkin A.P., Kravets A.V. Osnovnye problemy sokhraneniya i razvitiya trudovogo potentsiala Rossiiskogo Primor'ya, *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, Seriya: Ekonomika i upravlenie, 2017, No 1(28), pp. 23–30.
9. Minakir P.A., Prokapalo O.V. Programmy i strategii razvitiya rossiiskogo Dal'nego Vostoka, *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2011, No 5, pp. 93–104.
10. Minakir P.A., O.V. Prokapalo. Strategiya i real'nosti: mechta o chude, *Korea-Russia Cooperation in the Far East in in Light of the Eurasia Initiative*, 24–25 June 2014, Vladivostok, pp. 43–50.
11. Stetsko N.I., Latkin A.P. Territorii s osobym ekonomicheskim statusom: adresnyi podkhod k obuspecheniyu rosta predprinimatel'skoi aktivnosti, *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 2016, vol. 5, No 4(17), pp. 353–357.
12. Rossel'khoznadzor: Brakon'erstvo na Dal'nem Vostoке Rossii prinyalo ugrozhayushchie masshtaby, *Vladivostok News*, 10.08.2016. URL: <http://vladnews.ru/2016/08/10/110685/rosselkhoznadzor-brakonerstvo-na-dalnem-vostoке-rossii-prinyalo-ugrozhayushhie-masshtaby.html>

© А.П. Латкин, 2017

Для цитирования: Латкин А.П. Сравнительная стоимость жизни как ключевой фактор развития российского Дальнего Востока // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9, № 3. С. 47–56.

For citation: Latkin A.P. The comparative cost of living as a key factor in the development of the Russian Far East, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, Vol. 9, No 1, pp. 47–56.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3/47-56

Дата поступления: 04.09.2017.

А.В. Верещагина¹

А.С. Гусева²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Территориальное зонирование во Владивостокской агломерации: некоторые вопросы

Предметом исследования является влияние правового режима территориальных зон, установленных правилами землепользования застройки муниципальных образований, входящих во Владивостокскую агломерацию, на правомочия собственников по владению, пользованию и распоряжению земельными участками. Градостроительным кодексом РФ определены требования, которыми следует руководствоваться разработчикам вышеназванных правил при установлении территориальных зон, в частности, отнесение земельного участка к одной зоне. Однако на сегодняшний день карты градостроительного зонирования разработаны таким образом, что часть участков, поставленных на кадастровый учет до введения в действие документации по градостроительному зонированию, оказалась расположена в двух и более территориальных зонах. Данное нарушение действующего законодательства препятствует реализации права на приобретение земельного участка в собственность, возведение объектов капитального строительства на всем земельном участке, изменение его кадастровой стоимости и т.д. На основе анализа правоприменительной практики предложены варианты решения выявленной проблемы: 1) раздел земельного участка на два самостоятельных; 2) обращение в административную комиссию с заявлением об установление единой зоны; 3) судебное обжалование правил землепользования и застройки в части установления двух зон. В исследовании уделено внимание соотношению территориальных и функциональных зон, поскольку российское градостроительное законодательство однозначно этот вопрос не регулирует.

Ключевые слова и словосочетания: Владивостокская агломерация, генеральный план, правила землепользования и застройки, территориальная зона, функциональная зона, градостроительный регламент, земельный участок, вид разрешенного использования, права землепользователя.

¹ Верещагина Алла Васильевна – канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Института права; e-mail: vereschagina_alla@mail.ru.

² Гусева Анна Сергеевна – юристконсульт Краевого государственного бюджетного учреждения Приморского края «Центр развития территорий»; e-mail: anna200311@mail.ru.

A.V. Vereshchagina¹

A.S. Guseva²

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

The issue of establishing territorial zones within Vladivostok agglomeration

This paper is an attempt to impact of territorial zones' legal regime established by the land use and development rules of Vladivostok agglomeration's municipalities on proprietary rights. The Urban Planning Code of the Russian Federation defines the requirements for territorial zones' development, in particular, a land parcel has to be in one zone. However, nowadays maps of urban zoning were designed in such a way that part of the plots which were registered before the adoption of the land use and development rules was found in two or more territorial zones. This imperfect legislation impedes capital construction projects on parcels, change of cadastral value and so on. Based on the analysis of law enforcement practice there are solutions of the identified issue: 1) dividing the parcel into two separate ones; 2) putting in an application for establishment of one zone to the administrative commission; 3) challenging the land use and development rules in court. The work paid attention to the correlation of territorial and functional zones because the Russian urban-planning legislation unambiguously does not regulate this issue.

Keywords: Vladivostok agglomeration, master lay-out, land use and development rules, territorial zone, functional zone, town-planning standing orders, land plot, type of permitted use land, rights of land user.

Почти 20 лет обсуждалась идея Большого Владивостока, и только в 2014 г. правительством предприняты некоторые шаги, направленные на её нормативное оформление [38, с. 116–121; 40, с. 75–79; 43, с. 14]. Обозначенные в Соглашении № 30 «О создании Владивостокской агломерации» цели её образования традиционны для указываемых в литературе, касающейся агломераций [39], и предполагают комплексное развитие территории и «повышение качества жизненного уровня» населения [4, с. 240–241; 41, с. 463–464].

Как любой подобный документ, Соглашение носит декларативный характер, за исключением нормы ст. 2, закрепляющей систему делегируемых органам государственной власти субъекта полномочий, два из которых связаны с темой нашего исследования, – это некоторые вопросы 1) градостроительной деятельности и 2) управления земельными ресурсами. Через 20 дней это положение легализовали и детализировали Законом Приморского края 13.11.2014 № 497 – КЗ [19].

Будучи ограничены объёмом публикации, мы не будем вдаваться в причины принятия означенного решения в отсутствие предварительной полноценной про-

¹ Vereshchagina Alla Vasilievna – Candidate of Law Sciences, associate professor, Head of the Department of Criminal Law disciplines of the Institute of Law; e-mail: vereschagina_alla@mail.ru.

² Guseva Anna Sergeevna – Legal adviser of Regional State Budgetary Institution Of Primorsky Region “Land Development Center”; e-mail: anna200311@mail.ru.

работки стратегии развития Владивостокской агломерации, как это имело место применительно к Большому Парижу, Большому Лондону, Красноярску и т.д. [10, с. 44; 46, с. 78–87]. Однако этот момент в сочетании с недостатками учёта земельных ресурсов [15, с. 177], ясности нормативной регламентации и, как следствие, неоднозначной судебной практики может отрицательно повлиять на инвестиционную привлекательность южного Приморья.

Среди дефектов нормативной регламентации отметим, на наш взгляд, существенные, наиболее отрицательно влияющие на территориальное зонирование:

1. *Отсутствие легального понятия «агломерация» и указания ее как объекта территориального планирования* [6, с. 44; 17, с. 146].

2. *Конкуренция норм Земельного* (далее в тексте – ЗК РФ) [11] *и Градостроительного кодексов РФ* (далее в тексте – ГрК РФ) [9]. Например, в ЗК РФ абсолютизировано требование установления градостроительных регламентов для каждой территориальной зоны земель населённых пунктов (ч. 1, 2 ст. 85). Напротив, ГрК РФ допускает возможность их не установления (ч. 7, ст. 36) [14, с. 119]. Этот пробел активно используется в публичных интересах при разрешении споров, вытекающих из изменения территориальной зоны в отношении земельного участка, градостроительный регламент которой не предусматривает имевшегося ранее вида разрешённого использования.

Суды обычно указывают, что право пользоваться участком у правообладателя сохраняется и не ограничивается [28; 32; 34]. Фактически лицо лишается получения участка в собственность, права произвести реконструкцию или капитальный ремонт сооружений, возвести новые объекты и т.п. Иными словами, «замораживается» развитие объектов капитального строительства, если они не представляют угрозы для человека и общества [20, с. 12–13]. Этими действиями власть де-факто даёт понять, что она заинтересована в освобождении земельного участка, но у нее нет оснований для его принудительного изъятия.

3. *Пробелы в легальном закреплении некоторых понятий, связанных с разработкой правил землепользования и застройки и генеральных планов.*

К ним можно отнести: 1) «рациональное использование земель» [16, с. 194; 37, с. 323–328]; 2) разрешённое использование [15, с. 178; 36]; 3) «зонирование территорий».

Так, в ЗК РФ понятие «зонирование территорий» не раскрывается, а ГрК РФ оперирует термином «градостроительное зонирование». В законе не отражены соотношение территориальных и функциональных зон, степень обязательности учёта границ функциональных зон (ч. 3, 9 ст. 31 ГрК РФ), зон с особыми условиями использования территорий, возможность изменения границ функциональных зон посредством установления территориальных зон правилами землепользования и застройки.

У исследователей также нет единого понимания этого вопроса. Некоторые авторы, исходя из целевого назначения генерального плана и правил землепользования и застройки, считают, что границы территориальных и функциональных зон могут не совпадать [13, с. 22]. По мнению других, градостроительное зонирование

уточняет функциональное зонирование, утверждённое генеральным планом, но не должно противоречить ему [18, с. 97; 47, с. 15]. Вторая позиция больше соответствует нормам ст. 31 и 34 ГрК РФ, предусматривающим при территориальном зонировании учёт положений генерального плана.

Использование при рассмотрении споров понятий «оценочное зонирование территории» и «функциональное зонирование» актуализирует желательность упорядочения этих явлений в земельном и градостроительном законодательстве [7, с. 106–107; 44, с. 119–121] и др.

4. Неопределённость и пробельность некоторых процедур, ограничивающих права правообладателей и оборот земельных участков.

Здесь можно выделить нормативную «невнятность» последовательности разработки генерального плана и правил землепользования и застройки и отсутствие норм, гарантирующих корреляцию изменений в одном документе (генеральном плане или правил землепользования и застройки) с обязательным уточнением другого. Это приводит к тому, что генеральные планы и правила землепользования и застройки могут разрабатываться в разное время¹, вне взаимной связи и противоречить друг другу [42, с. 157].

Сюда же следует отнести вопрос иерархии правил землепользования и застройки и генерального плана. По мнению М.М. Шабановой и Р.М. Абдуллаева, генеральный план однозначно первичен, поскольку именно в нём содержится стратегия развития муниципального образования, а правилам землепользования и застройки отводится роль механизма достижения закреплённой в нём цели [45, с. 269–259]. Изложенная позиция одна из многих, встречающихся в научной литературе. Это всего лишь точка зрения, которая может учитываться или не учитываться при принятии решения.

С рассматриваемыми связана проблема отражения сведений в Государственном кадастре недвижимости, которая обуславливает качество зонирования. Особенность современной российской земельной реформы состоит в отсутствии до настоящего времени полной информации о границах земельных участков и отнесения их к той или иной территориальной зоне, о границах территориальных зон и т.д. [8, с. 139; 42, с. 159]. Ситуация усугубляется тем, что нормативно не закреплены методы и порядок работ, обеспечивающих «...точность определения на местности координат характерных точек границ территориальных зон, земельных участков и контуров объектов капитального строительства» [8, с. 141; 12 с. 115–121]. Как результат, иногда границы земельных участков устанавливаются некорректно. К примеру, при рассмотрении иска Н.В. Апаринной выявлен факт наложения границ земельных участков, обусловленный ненормативной точностью определения координат поворотных точек границ земельного участка (вместо допускаемой $Mt=0,10$ погрешность составила $Mt=0,50$ м) [27].

Не менее важна доступность информации о вносимых изменениях в правила землепользования и застройки и градостроительные регламенты. В идеале в интересах правообладателей орган местного самоуправления должен запрашивать

¹ Во Владивостоке генеральный план утвержден в 2008 г., а правила землепользования и застройки в 2010 г.

сведения из Государственного реестра недвижимости и разрабатывать правила, основываясь на них. На деле этого не происходит. Часто правообладатели о произошедших по разным причинам изменениях, прежде всего, в части разрешённого использования земельного участка узнают случайно, обычно, когда возникают конфликтные ситуации или заключаются сделки. Например, ФИО 2 только при подготовке межевого плана узнала о том, что принадлежащий ей на праве собственности дом расположен в территориальной зоне ОД-2 (Многофункциональная общественно-деловая и жилая застройка), для которой не предназначен такой вид разрешённого использования как индивидуальные жилые дома [33].

Кроме того, в законе не содержится требование единства разрешённого использования для земельного участка и расположенного на нём объекта капитального строительства. Тем самым нарушается принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ним объектов недвижимости (п. 5 ч.1 ст. 1 ЗК РФ) [5, с. 49–50]. Это приводит к неустойчивости правового режима земельного участка, объекта недвижимости и к существенным нарушениям прав правообладателей.

Иллюстрацией может служить решение по иску С.П. Недодина, собственника жилого дома (постройка 1938 г.). Ему отказали в возложении обязанности на органы власти изменить территориальную зону и предоставить земельный участок в собственность, т.к. он расположен в территориальной зоне зелёных насаждений (Р-6) (зона установлена в 2010 г.), для которой не предусмотрен вид разрешённого использования – эксплуатация части жилого дома [35]. Следует признать, что в некоторых случаях суды всё-таки принимают решения, основываясь на принципе единства судьбы земельного участка и прочно связанного с ним объекта недвижимости [24; 25].

Повторимся, эти и другие недостатки законодательства влияют на правоприменение в сфере землепользования во Владивостокской агломерации. Но особое значение, на что отчасти обращалось внимание выше, для ясности и стабильности земельных правоотношений имеет качество территориального зонирования.

В законе содержатся требования, с соблюдением которых формируется территориальная зона: 1) принадлежность земельного участка только одной территориальной зоне; 2) допустимость сочетания нескольких видов разрешённого и планируемого использования земельного участка; 3) учёт историко-культурного опорного плана исторического поселения, сложившейся планировки территории и землепользования, риска причинения вреда объектам капитального строительства, расположенным на смежных участках, и функциональной зоны и параметров её планируемого развития (ч. 4 ст. 30, ч. 1 ст. 34 ГрК РФ).

Анализ карт градостроительного зонирования правил землепользования и застройки населённых пунктов, вошедших во Владивостокскую агломерацию, свидетельствует об их несоответствии изложенным выше требованиям: нередко земельные участки, поставленные на кадастровый учёт до введения правил, расположены в двух и более территориальных зонах.

Каким образом можно разрешить эти ситуации? Мы предлагаем несколько приёмов.

Во-первых, можно рекомендовать раздел земельного участка в соответствии с территориальными зонами. Этот способ не всегда применим, так как для каждой зоны градостроительным регламентом закреплён минимальный предел размера земельного участка. Требование соответствия предусмотренной минимальной площади вновь образуемого земельного участка является определяющим для судов при принятии решений по таким искам.

Так, Арбитражный суд Приморского края отказал в удовлетворении исковых требований об обязанности Федеральной кадастровой палаты в лице филиала по Приморскому краю осуществить кадастровый учёт раздела земельного участка общей площадью 188 кв. м на участки площадью 73 кв. м и 115 кв. м, сославшись на то, что площадь вновь образуемых земельных участков не соответствует предусмотренным минимальным размерам. Как указал суд, в случае раздела образуемые земельные участки попадают в Зону объектов отдыха, спорта, туризма и развлечений, для которой установлен предельный минимальный размер площади земельного участка – 300 кв. м [21]. Следовательно, будут нарушены условия преобразования объекта недвижимости, установленные ст. 11.9 ЗК РФ.

Во-вторых, возможно административное решение проблемы посредством обращения в Единую комиссию по подготовке проектов правил землепользования и застройки муниципальных образований Приморского края (далее – Единая комиссия) с просьбой о подтверждении того, что земельный участок относится к конкретной территориальной зоне, либо, если такое подтверждение не может быть предоставлено, с предложением о внесении соответствующих изменений в правила землепользования и застройки. Процедура обращения проста и предусматривает подачу письменного заявления заинтересованными физическими или (и) юридическими лицами (п. 5 ч. 2 ст. 33 ГрК РФ).

Единая комиссия Приморского края удовлетворила 31% поданных в течение 2016 г. предложений. Основными мотивами отказа являются: а) невозможность установления территориальной зоны для одного земельного участка и б) несоответствие между запрашиваемой территориальной зоной и установленной генеральным планом поселения функциональной зоной.

Первое из означенных оснований отказа, по нашему мнению, является не соответствующим закону, поскольку ГрК РФ не содержит запрета, а лишь рекомендует формировать территориальные зоны на значительную территорию, в которую входили бы, к примеру, кадастровые кварталы (ч. 4 ст. 30 ГрК РФ).

В судебном порядке до настоящего времени обжалован только один отказ Единой комиссии, которая пришла к выводу, что установление запрашиваемой зоны приведёт к несоответствию земельного участка функциональной зоне. Суд, подтверждая обоснованность решения, указал, что территориальные и функциональные зоны должны корреспондировать [22].

В-третьих, можно обратиться в суд с иском о признании решения органа власти в части установления территориальной зоны недействительным.

Судебная практика при разрешении таких требований неоднозначна. При сходных обстоятельствах принимаются противоположные решения. Арендующему

земельный участок, в отношении которого установили две территориальные зоны – Производственно-коммерческая (П-5) и Объектов автомобильного транспорта (Т-3), – И.И. Шипилову в удовлетворении иска об отнесении земельного участка (поставлен на кадастровый учет в 2007 г.) к одной территориальной зоне отказали. По мнению суда, он не доказал нарушения его прав собственника объектов капитального строительства, расположенных на земельном участке. Кроме того, никаких объектов, принадлежащих истцу на праве собственности, в территориальной Зоне объектов транспорта (Т-3) не располагается. Суд фактически проигнорировал требование закона об установлении в отношении земельного участка только одной территориальной зоны (ч. 4 ст. 30 ГрК РФ) [26].

Такая же аргументация приведена в решении по иску ООО «Ветеран-плюс», имеющему на праве собственности два земельных участка с разрешённым видом использования – дальнейшая эксплуатация здания автомастерской. Оба участка отнесли к двум территориальным зонам – Производственная коммерческая (П-5) и Объектов автомобильного транспорта (Т-3). Суд удовлетворил исковые требования только в отношении одного земельного участка, поскольку нарушены права правообладателя и недопустимо установление двух территориальных зон. По поводу второго участка исковые требования отклонили, так как на участке нет объектов недвижимости и не доказано ограничение прав собственника. Как и в деле И.И. Шипилова, установление в нарушение закона в отношении участка двух территориальных зон осталось вне внимания суда [23].

Напротив, требования ООО «Регион строй» о признании недействительным решения в части установления в отношении земельного участка двух территориальных зон: 1) Застройки многоэтажными жилыми домами (Ж-3) и 2) Объектов автомобильного транспорта (Т-3) – удовлетворили. Суд справедливо сослался на нарушение нормы об отнесении земельного участка только к одной территориальной зоне. Верховный Суд РФ поддержал позицию суда первой инстанции [1; 29].

Как отмечалось, предпосылками вариативности изложенной судебной практики являются непоследовательность нормативной регламентации и её пробельность, которая, в том числе, допускает различную интерпретацию предписаний о соотношении функциональных и территориальных зон, и иерархии генерального плана и правил землепользования и застройки.

До недавнего времени суды Приморского края при рассмотрении споров об установлении в отношении земельного участка соответствующих друг другу территориальной и функциональной зон удовлетворяли требования только в части признания недействительными правил землепользования и застройки об установлении территориальной зоны и отказывали в удовлетворении иска по поводу функциональной зоны, закреплённой генеральным планом. По мнению судов, установление функциональной зоны, не соответствующей фактическому использованию земельного участка, не противоречит градостроительному законодательству и не нарушает права и законные интересы правообладателей земельных участков и объектов капитального строительства [31].

Только последовательная позиция Верховного Суда РФ изменила судебную практику в этом вопросе. Отменяя в части решение Приморского краевого суда,

которое признало недействительными положения правил землепользования и застройки, а положения генерального плана, установившие две функциональные зоны, оставило действующими, Верховный Суд РФ указал, что вывод суда первой инстанции о том, что установление двух функциональных зон не нарушает прав административного истца на использование земельного участка в соответствии с установленным видом разрешённого использования, сделан без учёта принципа первичности генерального плана муниципального образования перед правилами землепользования и застройки. Признание недопустимым расположения земельного участка в двух зонах должно соответствовать документам территориального планирования, в том числе границам и содержанию функциональных зон, установленных генеральным планом муниципального образования [2]. Эта позиция Верховного Суда РФ изложена и в других решениях [3; 30].

Подчеркнём, что суд только признаёт недействующими положения правил землепользования и застройки и генеральных планов, но не уполномочен самостоятельно определять территориальные и функциональные зоны.

Единые территориальная и функциональная зоны в границах участка устанавливаются исключительно после утверждения проекта внесения изменений в карту градостроительного и в схему функционального зонирования, являющихся элементами документации по градостроительному зонированию и территориальному планированию. Данные проекты разрабатываются на основании решений судов и Единой комиссии с учётом как частных, так и общественных интересов, направленных на сохранение окружающей среды и объектов культурного наследия.

Вышеизложенное подтверждает тот непреложный факт, что проблемы землепользования во Владивостокской агломерации детерминированы недостатками российского земельного и градостроительного законодательства. Ситуация усугубляется молниеносностью принятия решения о создании Владивостокской агломерации, что предполагает проведение в сжатые сроки серьёзной работы по корректировке правил землепользования и застройки и генеральных планов муниципальных образований, вошедших в её состав. Департамент градостроительства Приморского края в настоящее время ведёт разработку проектов внесения изменений в документы территориального планирования. Они нацелены на то, чтобы каждый земельный участок относился только к одной функциональной и территориальной зонам и при установлении территориальной зоны учитывались границы функциональной зоны.

-
1. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 29.09.2016 по делу № 56-АПГ16-18. URL: http://www.supcourt.ru/stor_pdf.php?id=1485958.
 2. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 01.12.2016 № 56-АПГ16-28. URL: <http://www.pravosudie.biz/3466885>.
 3. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12.01.2017 по делу № 56-АПГ16-30. URL: http://www.supcourt.ru/stor_pdf.php?id=1510038.

4. Бабун Р.В. Агломерация городов как объект управления // Регион: Экономика и Социология. 2012. № 2 (74). С. 239–252.
5. Бандорин Л.Е. Разрешенное использование земельных участков: проблемы понимания сущности определения // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 12 (171). С. 49–50.
6. Герцберг Л.Я., Будилова Е.В. Проблемы территориального планирования и качество среды проживания // Народонаселение. 2015. № 1. С. 37–49.
7. Горшков С.И. О переходе к принципу установления правового режима земель путем зонирования территорий // Научные труды СЗИУ – филиала РАНХиГС. Т. 7. Вып. 4 (26). С. 103–108.
8. Горянова О.Ф. Современные проблемы определения границ территориальных зон // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2016. Т. 3, № 2. С. 138–142.
9. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 18.06.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040.
10. Гуртов В. Агломерация – стратегическая составляющая национальной экономики // Государственная служба. 2010. № 6. С. 44–48.
11. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10. 2001 № 136-ФЗ (ред. 03.12. 2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/.
12. Карпик А.П. Современная модель согласования и разрешения споров о местоположении границ муниципальных образований // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъёмка. 2014. № 54. С. 115–121.
13. Кичигин Н.В. Природоохранный потенциал инструментов градостроительной деятельности // Тезисы докладов научно-практической конференции / под общ. ред. Е.Л. Мининой. М.: ФГБОУ МГУЛ, 2013. 268 с.
14. Куликова Л.В. Правовая природа института разрешенного использования // Хозяйство и право. 2013. № 10 (441). С. 118–121.
15. Лаврищева О.А. Земельная реформа 2015 года: переход от деления земель на категории к территориальному зонированию // Известия Юго-Западного государственного университета. 2016. № 2 (65). С. 177–181.
16. Макаров О.О. Особенности регулирования использования и охраны земель населенных пунктов // Теория и практика общественного развития. 2014. № 6. С. 192–194.
17. Меерович М.Г. Агломерация – базовый элемент «пространственной конструкции» России // Вестник НГУЭУ. 2009. № 1. С. 135–147.
18. Митягин С.Д. Градостроительные инструменты обеспечения условий устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации // Academia. Архитектура и строительство. 2016. № 3. С. 96–98.
19. О перераспределении полномочий между органами местного самоуправления муниципальных образований Приморского края и органами государственной власти Приморского края и внесение изменений в отдельные законодательные акты Приморского края: закон Приморского края от 18.11.2014 № 497-КЗ. URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW020;n=76652#0>.
20. Попов М. Некоторые последствия принятия правил землепользования и застройки для правообладателей земельных участков // Хозяйство и право. 2012. № 1. С. 5– 15.

21. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 28.08.2015 по делу № А-51-30750/2014. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/7e6e27f0-d404-4f1e-a1ec-67dbe71bc929/A51-30750-2014_20150828_Postanovlenie%20apeljacionnoj%20instancii.pdf.
22. Решение Арбитражного суда Приморского края от 30.10.2016 по делу № А51-9716/2016. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/48e66938-6873-4539-b5de-94718e2bd0cc/A51-9716-2016_20161030_Reshenie.pdf.
23. Решение Арбитражного суда Приморского края от 23.12.2014 по делу А51-16658/2014. URL: <https://rospravosudie.com/court-as-primorskogo-kрая-s/judge-samofal-dmitrij-anatolevich-s/act-317842170/>
24. Решение Артёмовского городского суда Приморского края от 24.01.2017 по делу № 2-219/2017. URL: <https://rospravosudie.com/court-artemovskij-gorodskoj-sud-primorskij-kraj-s/act-554549909/>.
25. Решение Артёмовского городского суда Приморского края от 02.02.2017 по делу № 2-247/2017. URL: <https://rospravosudie.com/court-artemovskij-gorodskoj-sud-primorskij-kraj-s/act-554554877/>.
26. Решение Ленинского районного суда г. Владивостока по делу № 2-2594/2015. URL: <https://rospravosudie.com/court-leninskij-rajonnyj-sud-g-vladivostoka-primorskij-kraj-s/act-488305906/>.
27. Решение Первомайского районного суда г. Владивостока по делу № 2-2392/15. URL: <https://rospravosudie.com/court-pervomajskij-rajonnyj-sud-g-vladivostoka-primorskij-kraj-s/act-497954213/>.
28. Решение Приморского краевого суда от 16.01.2017 по делу № 3а-8/17. URL: <https://rospravosudie.com/court-primorskij-kraevoj-sud-primorskij-kraj-s/act-548756614/>.
29. Решение Приморского краевого суда от 17.05.2016 по делу № 3-а 62/16. URL: <https://rospravosudie.com/court-primorskij-kraevoj-sud-primorskij-kraj-s/act-528378851/>.
30. Решение Приморского краевого суда от 18.01.2017 по делу № 3а-16/2017. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOJ&n=1897014#0>.
31. Решение Приморского краевого суда от 29.08.2016 по делу № 3а-115/16. URL: <https://rospravosudie.com/court-primorskij-kraevoj-sud-primorskij-kraj-s/act-528378851/>.
32. Решение Фрунзенского районного суда г. Владивостока от 02.11.2016 по делу № 2а-7876/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-frunzenskij-rajonnyj-sud-g-vladivostoka-primorskij-kraj-s/act-536129790/>.
33. Решение Фрунзенского районного суда г. Владивостока от 29.06.2016 по делу № 2а-5060/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-frunzenskij-rajonnyj-sud-g-vladivostoka-primorskij-kraj-s/act-525084748/>.
34. Решение Фрунзенского районного суда г. Владивостока от 29.05.2017 по делу № 2а-3451/17. URL: <https://rospravosudie.com/court-frunzenskij-rajonnyj-sud-g-vladivostoka-primorskij-kraj-s/act-556753487/>.
35. Решение Шкотовского районного суда Приморского края от 06.12.2016 по делу 2а-284/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-shkotovskij-rajonnyj-sud-primorskij-kraj-s/act-554608451/>.
36. Савельева Е.А. Роль института разрешенного использования земельных участков в механизме определения правового режима земель населенных пунктов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1(28). С. 41–49.

37. Севастьянов А.В., Третьяченко А.А. Установление границ поселения и населенных пунктов с целью рационального использования земель // Современные проблемы управления проектами в инвестиционно-строительной сфере и природопользовании: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 20-летию кафедры управления проектами и программами / под ред. В.И. Ресина, 2016. С. 323–328.
38. Сидоркина З.И. Анализ демографической структуры сельской периферии Владивостокской агломерации для территории опережающего развития (ТОР) // Вестник КГУ. 2016. №4. Сер.: Естественные науки. Вып. 9. С. 116–121.
39. Соглашение о создании Владивостокской агломерации № 30 от 28.10.2014 // Администрации Приморского края: официальный сайт. URL: <http://primorsky.ru/>.
40. Стоюшко М.Ю., Кашта А.К. Владивостокская агломерация как фактор привлекательности Приморья // Направления модернизации современного инновационного общества: экономика, социология, философия, политика, право: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. / отв. ред. Н.Н. Понарина, С.С. Чернов, 2015. С. 75–79.
41. Султанова Е.В., Илларионов А.А., Колтунова Д.С. Основные направления развития Владивостокской агломерации // Экономика и предпринимательство. 2016. №3. С. 463–467.
42. Туровникова Е.А., Баландина В.А. Основные проблемы двухуровневой системы градорегулирования муниципальных образований // Интеллектуальный потенциал XXI века: степени познания. 2016. №32. С. 156–160.
43. Фаттахов Р.В. САММИТ АТЭС 2012: формирование Владивостокской агломерации // Проблемы востоковедения. 2011. №3(53). С. 14–19.
44. Цветков А.С. Разрешенное использование земельного участка: актуальные проблемы правового регулирования // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Право. 2012. №2(12). С. 119–125.
45. Шабанова М.М., Абдуллаев Р.М. Генеральный план развития города как эффективный инструмент муниципального управления // Проблемы теории и практики управления развитием социально-экономических систем: сб. науч. тр. XIII Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. М.М. Шабановой, 2016. С. 258–260.
46. Шабашев В.А., Меркурьев В.В. Агломерация как инструмент организации межмуниципального сотрудничества в регионе // Наука, образование, общество. 2015. №3(5). С. 78–87.
47. Щукин А.К. Новая парадигма градостроительного проектирования // Управление развитием территории. 2009. №2. С. 14–18.

Транслитерация

1. Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 29.09. 2016 po delu № 56-APG16-18. URL: http://www.supcourt.ru/stor_pdf.php?id=1485958.
2. Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 01.12.2016 № 56-APG16-28. URL: <http://www.pravosudie.biz/3466885>.
3. Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 12.01. 2017 po delu № 56-APG16-30. URL: http://www.supcourt.ru/stor_pdf.php?id=1510038.
4. Babun R.V. Aglomeratsiya gorodov kak ob»ekt upravleniya, *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, 2012, No 2 (74), pp. 239–252.

5. Bandorin L.E. Razreshennoe ispol'zovanie zemel'nykh uchastkov: problemy ponimaniya sushchnosti opredeleniya, *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii*, 2015, No 12 (171), pp. 49–50.
6. Gertsberg L.Ya., Budilova E.V. Problemy territorial'nogo planirovaniya i kachestvo sredy prozhivaniya, *Narodonaselenie*, 2015, No 1, pp. 37–49.
7. Gorshkov S.I. O perekhode k printsipu ustanovleniya pravovogo rezhima zemel' putem zonirovaniya territorii, *Nauchnye trudy SZIU – filiala RANKHIGS*, vol. 7, iss. 4 (26), pp. 103–108.
8. Goryanova O.F. Sovremennye problemy opredeleniya granits territorial'nykh zon, *Interespo Geo-Sibir'*, 2016, vol. 3, No 2, pp. 138–142.
9. Gradostroitel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.2004 № 190-FZ (red. ot 18.06.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040.
10. Gurtov V. Aglomeratsiya – strategicheskaya sostavlyayushchaya natsional'noi ekonomiki, *Gosudarstvennaya sluzhba*, 2010, No 6, pp. 44–48.
11. Zemel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 25.10. 2001 № 136-FZ (red. 03.12. 2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/.
12. Karpik A.P. Sovremennaya model' soglasovaniya i razresheniya sporov o mestopolozhenii granits munitsipal'nykh obrazovaniy, *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Geodeziya i aerofotos'emka*, 2014, No 54, pp. 115–121.
13. Kichigin N.V. Prirodookhrannyy potentsial instrumentov gradostroitel'noi deyatel'nosti, *Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoi konferentsii: pod obshch. red. E.L. Mininoy, M.: FGBOU MGUL*, 2013, 268 p.
14. Kulikova L.V. Pravovaya priroda instituta razreshennogo ispol'zovaniya, *Khozyaistvo i pravo*, 2013, No 10 (441), pp. 118–121.
15. Lavrishcheva O.A. Zemel'naya reforma 2015 goda: perekhod ot deleniya zemel' na kategorii k territorial'nomu zonirovaniyu, *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, No 2 (65), pp. 177–181.
16. Makarov O.O. Osobennosti regulirovaniya ispol'zovaniya i okhrany zemel' naselennykh punktov, *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2014, No 6, pp. 192–194.
17. Meerovich M.G. Aglomeratsiya – bazovyy element «prostranstvennoi konstruktsii» Rossii, *Vestnik NGUEU*, 2009, No 1, pp. 135–147.
18. Mityagin S.D. Gradostroitel'nye instrumenty obespecheniya uslovii ustoichivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii, *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo*, 2016, No 3, pp. 96–98.
19. O pereraspredelenii polnomochii mezhdru organami mestnogo samoupravleniya munitsipal'nykh obrazovaniy Primorskogo kraya i organami gosudarstvennoi vlasti Primorskogo kraya i vnesenie izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Primorskogo kraya: zakon Primorskogo kraya ot 18.11.2014 № 497-KZ. URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW020;n=76652#0>.
20. Popov M. Nekotorye posledstviya prinyatiya pravil zemlepol'zovaniya i zaostroiki dlya pravoobladatelei zemel'nykh uchastkov, *Khozyaistvo i pravo*, 2012, No 1, pp. 5–15.
21. Postanovlenie Pyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 28.08.2015 po delu № A-51-30750/2014. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/7e6e27f0-d404-4f1e-a1ec-67dbe71bc929/A51-30750-2014_20150828_Postanovlenie%20apellyatsionnoy%20instancii.pdf.

22. Reshenie Arbitrazhnogo suda Primorskogo kraja ot 30.10.2016 po delu № А51-9716/2016. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/48e66938-6873-4539-b5de-94718e2bd0cc/A51-9716-2016_20161030_Reshenie.pdf.
23. Reshenie Arbitrazhnogo suda Primorskogo kraja ot 23.12.2014 po delu А51-16658/2014. URL: <https://rospravosudie.com/court-as-primorskogo-kraja-s/judge-samofal-dmitrij-anatolevich-s/act-317842170/>
24. Reshenie Artemovskogo gorodskogo suda Primorskogo kraja ot 24.01.2017 po delu № 2-219/2017. URL: <https://rospravosudie.com/court-artemovskij-gorodskoj-sud-primorskij-kraj-s/act-554549909/>.
25. Reshenie Artemovskogo gorodskogo suda Primorskogo kraja ot 02.02.2017 po delu №№ 2-247/2017. URL: <https://rospravosudie.com/court-artemovskij-gorodskoj-sud-primorskij-kraj-s/act-554554877/>.
26. Reshenie Leninskogo raionnogo suda g. Vladivostoka po delu № 2-2594/2015. URL: <https://rospravosudie.com/court-leninskij-rajonnyj-sud-g-vladivostoka-primorskij-kraj-s/act-488305906/>.
27. Reshenie Pervomajskogo raionnogo suda g. Vladivostoka po delu № 2-2392/15. URL: <https://rospravosudie.com/court-pervomajskij-rajonnyj-sud-g-vladivostoka-primorskij-kraj-s/act-497954213/>.
28. Reshenie Primorskogo kraevogo suda ot 16.01.2017 po delu № 3а-8/17. URL: <https://rospravosudie.com/court-primorskij-kraevoj-sud-primorskij-kraj-s/act-548756614/>.
29. Reshenie Primorskogo kraevogo suda ot 17.05.2016 po delu № 3-а 62/16. URL: <https://rospravosudie.com/court-primorskij-kraevoj-sud-primorskij-kraj-s/act-528378851/>.
30. Reshenie Primorskogo kraevogo suda ot 18.01.2017 po delu № 3а-16/2017. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOJ&n=1897014#0>.
31. Reshenie Primorskogo kraevogo suda ot 29.08.2016 po delu № 3а-115/16. URL: <https://rospravosudie.com/court-primorskij-kraevoj-sud-primorskij-kraj-s/act-528378851/>.
32. Reshenie Frunzenskogo raionnogo suda g. Vladivostoka ot 02.11.2016 po delu № 2а-7876/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-frunzenskij-rajonnyj-sud-g-vladivostoka-primorskij-kraj-s/act-536129790/>.
33. Reshenie Frunzenskogo raionnogo suda g. Vladivostoka ot 29.06.2016 po delu № 2а-5060/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-frunzenskij-rajonnyj-sud-g-vladivostoka-primorskij-kraj-s/act-525084748/>.
34. Reshenie Frunzenskogo raionnogo suda ot 29.05.2017 po delu № 2а-3451/17. URL: <https://rospravosudie.com/court-frunzenskij-rajonnyj-sud-g-vladivostoka-primorskij-kraj-s/act-556753487/>.
35. Reshenie Shkotovskogo raionnogo suda Primorskogo kraja ot 06.12.2016 po delu 2а-284/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-shkotovskij-rajonnyj-sud-primorskij-kraj-s/act-554608451/>.
36. Savel'eva E.A. Rol' instituta razreshennogo ispol'zovaniya zemel'nykh uchastkov v mekhanizme opredeleniya pravovogo rezhima zemel' naselennykh punktov, *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii*, 2014, No 1 (28), pp. 41–49.
37. Sevast'yanov A.V., Tret'yachenko A.A. Ustanovlenie granits poseleniya i naselennykh punktov s tsel'yu ratsional'nogo ispol'zovaniya zemel', *Sovremennye problemy upravleniya proektami v investitsionno-stroitel'noi sfere i prirodopol'zovanii. Materialy*

- VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 20-letiyu kafedry upravleniya proektami i programmami*, pod red. V.I. Resina, 2016, pp. 323–328.
38. Sidorkina Z.I. Analiz demograficheskoi struktury sel'skoi periferii Vladivostokskoi aglomeratsii dlya territorii operezhayushchego razvitiya (TOR), *Vestnik KGU*, 2016, No 4, ser. «Estestvennye nauki», iss. 9, pp. 116–121.
 39. Soglasenie o sozdanii Vladivostokskoi aglomeratsii №30 ot 28.10.2014, *Administratsii Primorskogo kraya: ofitsial'nyi sait*. URL: <http://primorsky.ru/>.
 40. Stoyushko M.Yu., Kashta A.K. Vladivostokskaya aglomeratsiya kak faktor privlekatel'nosti Primor'ya, *Napravleniya modernizatsii sovremennogo innovatsionnogo obshchestva: ekonomika, sotsiologiya, filosofiya, politika, pravo. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 3 chastyakh*, otv. red. N.N. Ponarina, S.S. Chernov, 2015, pp. 75–79.
 41. Sultanova E.V., Illarionov A.A., Koltunova D.S. Osnovnye napravleniya razvitiya Vladivostokskoi aglomeratsii, *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, 2016, No 3, pp. 463–467.
 42. Turovnikova E.A., Balandina V.A. Osnovnye problemy dvukhurovnevoi sistemy gradoregulirovaniya munitsipal'nykh obrazovaniy, *Intellektual'nyi potentsial XXI veka: stupeni poznaniya*, 2016, No 32, pp. 156–160.
 43. Fattakhov R.V. SAMMIT ATES 2012: formirovaniye Vladivostokskoi aglomeratsii, *Problemy vostokovedeniya*, 2011, No 3 (53), pp. 14–19.
 44. Tsvetkov A. S. Razreshennoe ispol'zovanie zemel'nogo uchastka: aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya, *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii*, ser. «Pravo», 2012, No 2 (12), pp. 119–125.
 45. Shabanova M.M., Abdullaev R.M. General'nyi plan razvitiya goroda kak effektivnyi instrument munitsipal'nogo upravleniya, *Problemy teorii i praktiki upravleniya razvitiem sotsial'no-ekonomicheskikh sistem. Sbornik nauchnykh trudov XIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, pod red. M.M. Shabanovoi, 2016, pp. 258–260.
 46. Shabashev V.A., Merkur'ev V.V. Aglomeratsiya kak instrument organizatsii mezhmunitsipal'nogo sotrudnichestva v regione, *Nauka, obrazovanie, obshchestvo*, 2015, No 3 (5), pp. 78–87.
 47. Shchukin A.K. Novaya paradigma gradostroitel'nogo proektirovaniya, *Upravlenie razvitiem territorii*, 2009, No 2, pp. 14–18.

© А.В. Верещагина, 2017

© А.С. Гусева, 2017

Для цитирования: Верещагина А.В., Гусева А.С. Территориальное зонирование во Владивостокской агломерации: некоторые вопросы // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9, № 3. С. 57–70.

For citation: Vereshchagina A.V., Guseva A.S. The issue of establishing territorial zones within Vladivostok agglomeration, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, Vol. 9, No 1, pp. 57–70.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3/57-70

Дата поступления: 31.07.2017.

Г.А. Гомилевская¹

Г.А. Петрова²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Морской туризм как составляющая туристского бренда «Восточное кольцо России»

В статье проведен анализ перспектив развития морского туризма на Дальнем Востоке России. Целью работы является определение научных и практических методов формирования и реализации морских туристских маршрутов на территории Дальнего Востока России в рамках туристского бренда «Восточное кольцо России». Методической основой работы является трансграничный подход к формированию международных морских туристских маршрутов, в работе использованы методы системного анализа, аналогии, моделирования. В работе выявлены рыночные тенденции развития морского туристского бизнеса, предпосылки создания туристского бренда «Восточное кольцо России», систематизированы региональные туристские бренды в рамках трансграничного маршрута «Восточное кольцо России», определены роль и место морского туризма в структуре трансграничного маршрута. В статье представлена модель межрегионального трансграничного сотрудничества на территории Дальнего Востока России. На основе комплексного анализа туристского рынка морских круизов в Дальневосточном регионе установлены причины недостаточно эффективного использования потенциала сотрудничества в рамках проекта «Восточное кольцо России». Научной новизной работы является модель разработки логической схемы формирования морских круизных маршрутов в рамках туристского бренда, включающая интеграцию регионов, входящих в трансграничный маршрут, направленную на создание единой круизной логистики, глобальное международное партнерство, формирование эффективной экономики судозаходов, развитие круизной инфраструктуры, сбалансированной логистики наземного обслуживания круизных туристов. Практическая значимость работы состоит в разработке морских круизных маршрутов «Восточное кольцо России» и практических рекомендаций по формированию технологий наземного обслуживания морских круизных туристов на примере Свободного порта Владивосток.

Ключевые слова и словосочетания: морской туризм, круизный туризм, трансграничный маршрут, туристский бренд, круизные пассажиры, наземное обслуживание круизных туристов, круизная инфраструктура, морское кольцо.

¹ Гомилевская Галина Александровна – канд. экон. наук, директор Международного института туризма и гостеприимства; e-mail: galina.gomilevskaya@vvsu.ru.

² Петрова Галина Андреевна – аспирант, ассистент кафедры туризма и экологии; e-mail: nikiforova.galina@bk.ru.

G.A. Gomilevskaya¹

G.A. Petrova²

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

Sea tourism as a component of the tourist brand «The Eastern Ring of Russia»

The article analyzes the possibility of developing sea tourism in the Far East of Russia. The aim of the work is to define scientific and practical methods for the formation and sale of sea tourist routes on the territory of the Russian Far East within the framework of the tourist brand “The Eastern Ring of Russia”. The methodical basis of the work is a transboundary approach to the formation of international sea tourist routes, the methods of system analysis, analogy, and modeling were used in the work. The work reveals the market trends in the development of the marine tourism business, the prerequisites for the creation of the tourist brand “The Eastern Ring of Russia”, regional tourist brands are systematized within the “Eastern Ring of Russia” transboundary route, the role and place of maritime tourism in the structure of the cross-border route. The article presents a model of interregional cross-border cooperation in the Far East of Russia. Based on a comprehensive analysis of the tourism market of sea cruises in the Far East region, the reasons for the inefficient use of the potential for cooperation within the framework of the project “The Eastern Ring of Russia” have been established. The scientific novelty of the work is the model for the development of a logical scheme for the formation of sea cruise routes within the tourist brand, including the integration of the regions included in the transboundary route, the creation of a single cruise logistics, global international partnership, the formation of an effective economy of ship calls, the development of cruise infrastructure, balanced logistics of ground handling cruise tourists. Practical significance of the work is to develop sea cruise routes “Eastern Ring of Russia” and practical recommendations on the formation of technologies for ground handling of sea cruise tourists by the example of the Free Port of Vladivostok.

Keywords: sea tourism, cruise tourism, cross-border route, tourist brand, cruise passengers, ground handling of cruise tourists, cruise infrastructure, sea ring

Введение

Тематика статьи определилась исходя из проблемного характера развития морского круизного туризма, требующего эффективного использования ресурсного и организационного потенциала туристско-рекреационных регионов с морской специализацией на основе современных тенденций изменения структуры туристского потока и рыночной конъюнктуры.

Исследовательский интерес был направлен на изучение специфики формирования трансграничного бренда «Восточное кольцо России» в секторе морского круизного туризма и формирование технологических основ организации услуг

¹ Gomilevskaya Galina Aleksandrovna – Candidate of Economic, Head of the School of Tourism and Hotel Services; e-mail: galina.gomilevskaya@vvsu.ru.

² Petrova Galina Andreevna – graduate student, assistant of the Department of Tourism and Ecology; e-mail: niki-forova.galina@bk.ru.

морского туризма в прибрежных территориях на примере Дальнего Востока России и Приморского края. Рост числа судозаходов в дальневосточные порты требует более подробного анализа организации морских круизных маршрутов. Также одной из проблем морского туризма является временная ограниченность пребывания туристов в местах захода круизных судов, что в свою очередь вызывает перегруженность впечатлениями, что оказывает существенное влияние на позиционирование и имидж территории посещаемого портового города. В этой связи важным становится разработка туристских технологий, направленных на подготовку морских круизных туристов как потенциально возвратных.

Актуальность исследования состоит в необходимости устранения противоречия между развитием активного спроса на услуги морского круизного туризма и фактическим отсутствием развития инструментальных технологий логистики круизных туров и организации круизного обслуживания в портах захода круизных судов в туристско-рекреационных регионах Дальнего Востока России с морской специализацией. Этот вид деятельности позволит решить ряд проблем: создание технологий наземного обслуживания, формирование положительного имиджа дальневосточных портов, увеличение числа возвратных туристов и т.д. Не менее важным фактом также является сопряжение данного научного исследования с деятельностью правительства Российской Федерации, которое на данный момент разрабатывает меры по улучшению и привлекательности морского круизного туризма в Российской Федерации.

Актуальность рассматриваемой проблемы, ее практическая значимость и недостаточная степень научной изученности определили выбор темы научно-исследовательской работы и послужили основой для формулирования ее цели и задачи.

Целью научно-исследовательской работы является определение научных и практических методов формирования и реализации морских туристских маршрутов на территории Дальнего Востока России в рамках туристского бренда «Восточное кольцо России».

Достижение поставленной цели потребовало решения группы системно взаимосвязанных теоретических, методологических и практических задач:

- выявить и систематизировать рыночные тенденции развития морского туристского бизнеса, предпосылки создания туристского бренда «Восточное кольцо России»;
- определить роль и место морского туризма в структуре трансграничного маршрута;
- систематизировать региональные туристские бренды в рамках трансграничного маршрута «Восточное кольцо России»;
- разработать модель межрегионального трансграничного сотрудничества на территории Дальнего Востока России;
- разработать логическую схему формирования морских круизных маршрутов в рамках туристского бренда;

– предложить практические рекомендации по формированию технологий наземного обслуживания морских круизных туристов на примере Свободного порта Владивосток.

Предмет исследования, источниковая база исследования, противоречия в имеющихся исследованиях и авторская позиция

Предметом исследования является совокупность теоретико-методологических, методических и практических положений по формированию технологических основ трансграничного бренда «Восточное кольцо России» в секторе морского круизного туризма Дальнего Востока России.

Исследованию круизных маршрутов посвящены труды авторов Н.А. Суворовой, Н.А. Логуновой, С.Г. Нездойминова, Л.Н. Деркачевой, А.В. Бабкина, С.П. Шпилько, Н.В. Андроновой, Р.В. Чударева и др. [1-6], где определены понятийный аппарат круизного туризма, дана классификация морских видов туризма, исследованы круизная индустрия и процессы разработки круизного продукта. При этом вопросы трансграничного регионального развития круизных туров остаются малоисследованными.

Так, в работе Н.А. Суворовой [1] морской туризм рассматривается как «часть рынка туристских услуг», исследована значимость экономической функции морского туризма, изучен мультипликативный эффект морского туризма в структуре межотраслевого комплекса. Развитие понятия «круизный туризм» представлено в работах Н.А. Логуновой [2], в которых данная дефиниция рассматривается с двух позиций: «как особый вид социальной и экономической деятельности и как целая индустрия, обеспечивающая формирование, продвижение и реализацию круизного туристского продукта».

При этом большинство авторов рассматривают круиз в качестве способа транспортировки туристов и морского путешествия с экскурсионным сопровождением и развлечениями, что определяет морской круиз как результат совместной деятельности различных участников. В свою очередь, радиальный характер круизного путешествия рассматривается А.В. Бабкиным [5], по мнению которого круизный туризм характеризуется рядом признаков: трудоемкостью, немассовостью, капиталоемкостью, сочетаемостью различных видов туризма, особенностями финансирования.

Нормативно-правовое регулирование круизного туризма обеспечивается международными и национальными стандартами, конвенциями и соглашениями, нормативными актами и методическими рекомендациями международных круизных ассоциаций [7–12], что обеспечивает выполнение основных требований к стандартам обслуживания морских круизных туристов

В условиях современного развития туризма круизный туризм как вид отдыха набирает все большую популярность. Эксперты ЮН ВТО считают, что к 2020 году каждый второй турист почувствует на себе опыт круизного туризма [13]. Значимость этого направления и его успех заключаются в правильной расстановке приоритетов и обобщенном структурировании процессов. При этом, как было

отмечено в материалах международного форума «Морской туризм свободного порта Владивосток: развитие и продвижение» (Владивосток, 2015), в нормативно-правовых актах, регулирующих круизный туризм в Российской Федерации, существует ряд ограничений, которые сдерживают развитие морского туризма в стране.

Так, в Кодексе внутреннего водного транспорта Российской Федерации до сих пор отсутствуют понятия «морское круизное судоходство» и «морское круизное судно». В Федеральном законе от 31.07.1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» [14] отсутствуют льготный регламент для плавания и стоянка иностранных судов во внутренних морских водах и в территориальном море с целью туризма; не используется международная практика выдачи разрешений на осуществление туристских маршрутов по принципу «одного окна», с установлением максимального количества пунктов, разрешенных для захода российских и иностранных круизных судов. В Федеральном законе от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О государственной границе Российской Федерации» [15] существуют завышенные требования получения пропусков в пограничные зоны для лиц, осуществляющих групповые туристские программы на российских и иностранных круизных судах и т. д.

Таким образом, на наш взгляд, несмотря на возрастающую значимость морского круизного туризма и многочисленные исследования его деятельности, практически отсутствуют работы по региональному развитию и территориальному обслуживанию туристов. В практической деятельности на рынке круизного туризма наблюдается ряд проблем организационного, инфраструктурного и нормативно-правового порядка, требующих решения на федеральном и региональном уровнях.

Методы исследования

Методической основой работы является трансграничный подход к формированию международных морских туристских маршрутов, в работе использованы методы системного анализа, аналогии, моделирования.

Основная часть

Прежде всего, следует отметить, что Дальний Восток России, который занимает более одной трети территории Российской Федерации, в современных условиях рассматривается как приоритетная территория для развития бизнеса. Налоговые и таможенные льготы, снижение административных барьеров, а также поддержка компаний в виде выделения субсидий на инфраструктуру становятся мощным стимулом для привлечения инвестиций. При этом Дальневосточный федеральный округ благодаря выгодному географическому положению, уникальной природе, культурно-историческим и этнографическим достопримечательностям имеет несомненный потенциал для развития всех видов туризма, в том числе морского.

Для понимания возможностей его развития, прежде всего, сформулированы основные современные тенденции развития международного туризма:

- стремление к сосредоточению на 2-х полюсах: с одной стороны, уменьшение стоимости туристского продукта при одновременном росте «премиального» сегмента;

- диверсификация потребностей клиентов;

- рост рынка индивидуальных путешествий;

- перераспределение предпочтений российских граждан в сторону отдыха в России;

- популярность морских путешествий, чартеров;

- формирование и развитие новых туристских направлений и дестинации;

- продажи через Интернет;

- развитие трансграничного и межрегионального сотрудничества.

На наш взгляд, самая главная особенность – это туристский консьюмеризм, диверсификация и индивидуализация путешествий, а также разнополярные ценовые предпочтения. Другая особенность – это развитие новых туристских дестинаций и активный рост отдельных видов туризма, в том числе морского туризма. По оценкам круизный рынок в 2015 году составил 21,7 млн человек, темпы роста по регионам от 4 до 34% в Карибском регионе [13].

Также важно отметить, что туризм в целом становится межрегиональным, что требует консолидации совместных усилий нескольких регионов. В России уже существует целый ряд туристических колец и межрегиональных трансграничных маршрутов: Золотое кольцо России, Саянское кольцо, Золотой путь России, Великий чайный путь, Путь из Варяг в Греки, Восточное кольцо России [17]. Таким образом, в России формируется развернутая продуктовая межрегиональная линейка турпродуктов. На сегодня в России наиболее известный туристский бренд – это «Золотое кольцо России», которое объединяет пять регионов России. Безусловно, это уже готовый маршрут, который имеет устойчивый спрос +20–30% ежегодно. Каждый 6 турист в России посещает маршруты Золотого кольца [18].

Межрегиональный проект «Восточное кольцо России», поддерживаемый Ростуризмом [19], состоит из туристских маршрутов (продуктов), основанных на природно-климатических, культурно-исторических, этнических региональных особенностях дальневосточных территорий. «Восточное кольцо» рассматривается как основа формирования единого пространства и инструмент сотрудничества со странами, прежде всего, Азиатско-Тихоокеанского региона, но для того, чтобы он стал и цепью готовых маршрутов, и брендом, необходимо сформировать продуктовую линейку и транспортную логистику. В настоящее время проект включен в комплекс мер по развитию туризма на территории Дальнего Востока и Забайкалья (приказ Минкультуры РФ №2320 от 23.12.2013 г.), Федеральную целевую программу «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2022 гг.)» [20], региональные программы развития туризма в субъектах федерации.

Необходимость создания Восточного кольца России закреплена практическими действиями Министерства культуры и Ростуризма в продвижении регионов Дальнего Востока и Байкальского региона, в том числе едиными стендами

на международных и российских выставках, презентационными фильмами, пресс-турами, государственной поддержкой создания туристских кластеров на территории Восточного кольца. В 2016 и 2017 годах на Тихоокеанском туристском форуме (2016, 2017) и Восточном экономическом форуме (2016) во Владивостоке по вопросу реализации проекта был подписан ряд соглашений Минкульта с администрациями субъектов РФ в составе ДФО и Забайкальского края.

На наш взгляд, абсолютно понятна модель данного проекта, которая реализуется через связь бизнеса, власти и наиболее востребованных маршрутов. Сегодня, в рамках проекта «Восточное кольцо России» уже проработаны такие межрегиональные направления (табл. 1).

Таблица 1

Модель бренда «Восточное кольцо России»

Межрегиональные направления	Города/объекты туристского показа	
Большое «Восточное кольцо России»	Владивосток, Хабаровск, Якутск, Петропавловск-Камчатский, Комсомольск-на-Амуре, Биробиджан, Благовещенск	
«Пять столиц Дальнего Востока»	«Алмазная столица»	Мирный
	«Столица вечной мерзлоты»	Якутск
	«Столица Востока России»	Хабаровск
	«Форт-пост России»	Владивосток
	«Столица вулканов»	Петропавловск-Камчатский
«Легенды Дальнего Востока»	Ленские Столбы	Республика Саха (Якутия)
	Вулканы Камчатки	Камчатский край
«По объектам Всемирного наследия ЮНЕСКО»	Мысы Птичий и Великан	Сахалинская область
	Петроглифы «Сикачи-Аляна»	Хабаровский край
	Озеро Байкал	Забайкальский край
«Пять элементов (пять стихий) к познанию России»	Стихия земли	Республика Саха (Якутия)
	Стихия огня	Камчатский край
	Стихия воздуха	Хабаровский край
	Водная стихия	Приморский край
Железнодорожные маршруты	«Транссиб»	от Владивостока до Иркутска
	«БАМ»	от Братска до Совгавани

В основе проекта лежит модель межрегионального и трансграничного сотрудничества в сфере туризма через региональную экономику, развитие туристского продукта, эффективную коммуникацию. В итоге внешние условия и внутренние усилия участников проекта привели к перераспределению предпочтений российских туристов в сторону отдыха на российских курортах и увеличения потока иностранных туристов преимущественно из стран АТР (рис. 1).



Рис. 1. Модель развития межрегионального и трансграничного сотрудничества в рамках проекта «Восточное кольцо России»

При этом нами выделены факторы, снижающие эффективность использования потенциала сотрудничества в рамках проекта «Восточное кольцо России», которыми являются:

- нестабильная экономическая ситуация;
- несбалансированная тарифная политика;
- несовершенство туристского маркетинга по выявлению и удовлетворению потребностей туристов, стимулированию туристского спроса;
- недостаточно эффективное использование потенциала межрегионального сотрудничества, разбалансированность межрегиональной туристской политики;
- отсутствие в проекте «Восточное кольцо России» продуктового межрегионального каркаса «ВОДА–СУША + опционные региональные туры» (до сих активно реализовывался классический принцип «ВОЗДУХ–СУША+ опционные туры»).

Исследование потенциального потребительского рынка морского туризма на территории Дальнего Востока построено на классической сегментации по принципу иностранных и российских туристов. Что касается российских туристов, то традиционно в России популярны речные краткосрочные круизы. Морской туризм в Дальневосточном регионе на сегодняшний момент носит локальный характер в премиальном сегменте, прежде всего, в силу высоких цен. Но по оценкам экспертов ежегодный прирост российских круизных туристов в регионе аналогичен общему росту внутреннего турпотока +30%.

Среди иностранных туристов лидирующие позиции занимает Китай. Так, по данным TLD, Китай в 2015 году объем выездного потока китайских туристов составил 130 млн человек с темпами роста +17% по сравнению с общемировыми лишь 4% (рис. 2). По прогнозам Госуправления по туризму КНР количество зарубежных турпоездок превысит 230 млн в год. Власти поощряют поездки китайцев за рубеж, рассматривая их как способ наращивания открытости миру и расширения кругозора граждан. Китайский турист сегодня не только самый многочисленный в мире, но и весьма платежеспособный. По различным оценкам в 2015 году китайские туристы за границей потратили от 180 до 215 млрд долл. США.

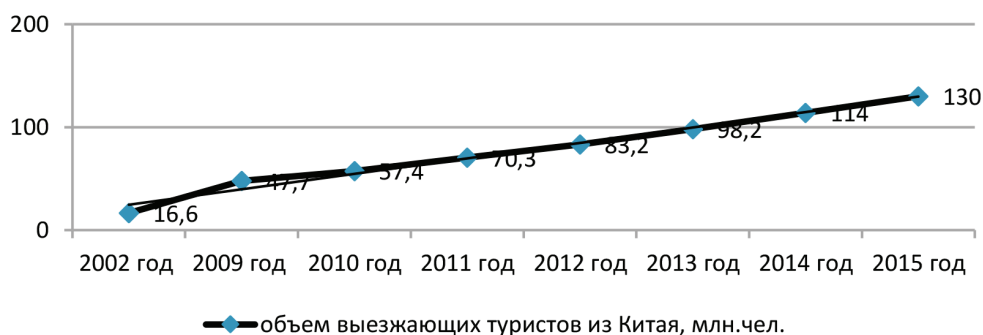


Рис. 2. Динамика рынка выездного туризма из Китая за 2002-2015 годы, млн. чел.

При том, что китайский рынок в России с 2013 года вырос почти в 14 раз (за последний год прирост составил 90%) и Россия рассматривается как одна из наиболее популярных стран, доля России в структуре китайского турпотока составляет всего 10% [22].

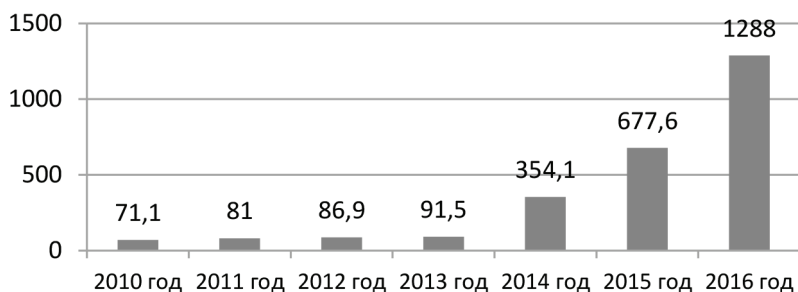


Рис. 3. Объем туристского потока из Китая в Россию, тыс. чел.

В Китае растет интерес к морским путешествиям, все больше крупных туристических судов базируется в регионе, а компании-операторы повышают бюджеты на проведение агрессивной маркетинговой политики, ориентированной на китайского туриста. Китайская компания «Strip», собственник одного из крупнейших в мире круизных лайнеров, отметила, что на нынешнем этапе становления азиатских круизных маршрутов было бы целесообразно предпринять усилия по встраиванию в них российских портов (Владивостока, Сахалина, Камчатки).

Государственная визовая политика России, предполагающая безвизовый 72-часовой режим на территории России для туристов, прибывающих на пароме, и 8-дневную упрощенную визу в рамках режима Свободного порта Владивосток, направлена также на развитие регулярных морских сообщений между отдельными регионами России. Для нас особенно важна позиция Российско-Китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств об открытии новых туристических пассажирских линий с совместным использованием пассажирских судов между Российским Дальним Востоком и Китаем [23].

Также вопросами трансграничного туризма стран Северо-Восточной Азии занимается программа Расширенной Туманганской инициативы (РТИ). На 5-м форуме РТИ с участием России, Китая, Республики Корея и Монголии представителем

Кореи госпожой Кюн Чой Ын была подчеркнута роль СВА как наиболее привлекательного для туризма региона. Членами форума поддержано ее предложение по активизации продвижения водных туристских маршрутов в регионе, их коммерциализации, проведению ознакомительных туров с привлечением турагентств, круизных компаний, представителей местных властей.

Морской туризм Восточного кольца России в свою очередь является составной частью более обширных транспортных магистралей: внутреннего круизного кольца Восточного (Японского моря) Asia Travel и Северного морского пути. Формирование нового совместного мирового бренда Восточного моря Asia Travel, на наш взгляд, может быть выгодно для нашего Восточного кольца с разных позиций. Это и ближний туристский рынок, возможность привлечения судовой базы, единая транспортная логистика.

Помимо этого, морской туризм является частью Северного морского пути. Северный морской путь (СМП) в системе транспортных морских коридоров «Запад–Восток–Запад», «Восток–Запад–Восток», также известный как Северный морской коридор и Северо-восточный проход, – это самая короткая судоходная магистраль, соединяющая Восточное и Западное полушарие. С каждым годом объём перевозок по этому маршруту растёт. В 2009 году по нему проследовали всего два коммерческих судна, а в 2015 году уже 715 судов. Перспективы у проекта грандиозные, объём инвестиций порядка 5 трл руб., на его пути появятся 12 свободных портов Дальнего Востока [24].

Как отмечается Минэкономразвития «Развитие арктического и северного туризма крайне недооценено. Сегодня перед нами стоит непростая задача – изменить стереотипы россиян о хорошем, качественном и, главное, недорогом отдыхе. Зачем отправляться в Канаду, если есть возможность незабываемо отдохнуть в Якутии?». С этим, конечно, можно поспорить. Например, месячный круиз на ледоколе «Хлебников» летом 2016 года стоил от 15 до 30 тыс. долларов на одного человека. Тем не менее, проложенные маршруты, инвестиции в портовую и социальную инфраструктуру Дальневосточного севера, строительство судов, безусловно, будут способствовать развитию круизного туризма в рамках Восточного кольца России. В настоящее время есть принципиальная логистика морских маршрутов Восточного кольца (рис. 4).

Практика проведения морских круизов на территории Восточного кольца России включает преимущественно северную часть прибрежного Дальнего Востока: с выходом из портов Корсакова и Южно-Сахалинска на Курилы, Камчатку, Чукотку, Командорские острова, Магадан, остров Врангеля и другие уникальные для европейского туриста островные территории. Конечно, неискушенного туриста впечатляет цена на две недели от 400 тыс. руб. до 700 тыс. руб. Безусловно, на цену влияет множество факторов. Но явно при количестве пассажиров в 50 человек и численности экипажа 30 человек формируются весьма высокие расходы. Условно на каждого туриста приходится порядка 35 судовых тонн. Для крупнейших лайнеров с развернутой инфраструктурой категории 3–4 звезды расходы примерно аналогичные.



Рис. 4. Морские маршруты Восточного кольца России

Понимая основную проблему в отсутствии линейки круизных судов различного типа и отсутствии ориентированности немногочисленных судостроительных компаний России, а также высокую стоимость инвестиций для строительства судов, нами предложены первоочередные меры, направленные на развитие морских туров в рамках туристского бренда «Восточное кольцо России»:

- совместная работа регионов и бизнеса входящих в «Восточное кольцо России» по созданию единой круизной логистики;
- поиск партнерских отношений с точки зрения глобального партнерства между странами;
- формирование привлекательной экономики судозаходов с учетом снижения размера портовых сборов за счет изменения курса рубля, снижения стоимости бункерного топлива для судов;
- поиск круизных судов, строительство пассажирских морских судов в России;
- развитие технологий наземного обслуживания круизных туристов, включающих церемонию встречи, предоставление экскурсий на объекты показа, организацию событийных мероприятий, предоставление мастер-классов, шоппинга;
- реализация консолидированного подхода к продвижению морских портов ДФО в качестве благоприятной туристской дестинации.

Привлекательный бренд морского туристского продукта должен быть: понятным, позволяющим идентифицировать территорию, модным, эмоционально

позитивно воспринимаемым, запоминаемым, образно сформированным, удобным для продвижения по различным маркетинговым каналам.

Выводы и научная новизна

В ходе исследования выявлена положительная динамика развития морского туристского бизнеса. Предпосылками создания туристского бренда «Восточное кольцо России» является, прежде всего, развитие международного и регионального сотрудничества, систематизация региональных туристских брендов в рамках трансграничного маршрута «Восточное кольцо России» показывает достаточно широкую линейку туристских маршрутов и продуктов. При этом роль и место морского туризма в структуре трансграничного маршрута доказываются ростом количества судозаходов в дальневосточные порты. В статье разработана модель межрегионального трансграничного сотрудничества на территории Дальнего Востока России, которая включает экономические принципы, эффективную коммуникацию и технологии туристского продукта. На основе комплексного анализа туристского рынка морских круизов в Дальневосточном регионе установлены причины недостаточно эффективного использования потенциала сотрудничества в рамках проекта «Восточное кольцо России»: разбалансированность межрегиональной туристской политики, неэффективная тарифная политика транспортных перевозок и приема туристов, отсутствие в проекте «Восточное кольцо России» продуктового межрегионального каркаса с использованием морских перевозок.

Научной новизной работы стала модель разработки логической схемы формирования морских круизных маршрутов в рамках туристского бренда, включающая интеграцию регионов, входящих в трансграничный маршрут, направленную на создание единой круизной логистики, глобальное международное партнерство, формирование эффективной экономики судозаходов, развитие круизной инфраструктуры, сбалансированной логистики наземного обслуживания круизных туристов. Практическая значимость работы состоит в разработке морских круизных маршрутов «Восточное кольцо России».

Проведенное исследование выявило недостатки в организации наземного обслуживания морских круизных туристов, в их числе недостаточно развитую портовую инфраструктуру; длительность паспортно-визового оформления; высокую стоимость и однообразие экскурсионных продуктов. Мерами, направленными на решение указанных проблем, могут стать следующие проекты: создание центра международного морского туризма во Владивостоке; установка интерактивных карт на остановках; реставрация объектов показа; оптимизация процедур пограничного, таможенного контроля; создание центра развития местных обычаев и культуры русских традиций; разработка порядка выдачи разрешений на осуществление туристских маршрутов по принципу «одного окна» с установлением максимального количества пунктов, разрешенных для захода российских и иностранных круизных судов.

Результаты исследования были обсуждены на II Международном Морском Форуме «Морской туризм Восточного кольца – от туристического маршрута до бренда» (Владивосток, 2016), а также в рамках проведения III Тихоокеанского туристского форума (Владивосток, 2017).

1. Суворова Н.А. Экономико-маркетинговые факторы продвижения комплекса услуг морского туризма в регионе: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Белгород, 2010. 238 с.
2. Логунова Н.А. Стратегия формирования и эффективного развития круизного туризма: монография. Симферополь: ДИАЙПИ, 2014. 428 с.
3. Нездойминов С.Г. Морской круизный туризм в контексте регионального развития // Региональная экономика и управление. 2015. № 3(43). Номер статьи: 4304. URL: <http://eee-region.ru/article/4304/>
4. Деркачева Л.Н. Морской туризм в Приморском крае: состояние и направления развития // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2014. № 4(35). С. 225–234.
5. Бабкин А.В. Специальные виды туризма. Ростов-н/Д.: Феникс, 2008. 252 с.
6. Шпилько С.П., Андропова Н.В., Чударев Р.В. Морские круизы. Теория и практика // М.: Советский спорт, 2012. С. 148.
7. Декларация Всемирной конференции министров по туризму (Осака, Япония, 1994 г.): Всемирная конференция министров по туризму // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901756803>
8. Официальный сайт ECA Knowledge Repository // Resolutions of the International Conference on Travel and Tourism statistics. URL: <http://repository.uneca.org>
9. Resolutions of The International Conference on Travel and Tourism Statistics, Ottawa // United National Economic and Social Council // Canada, 1991, 24–28 June.
10. Cruise Industry Overview. State of the Cruise Industry // Florida-Caribbean Cruise Association/ Cozumel, Mexico, 2015. URL: <http://www.f-cca.com/downloads/2015-Cruise-Industry-Overview-and-Statistics.pdf>
11. The Authority on World Travel & Tourism. URL: <http://www.wttc.org/research/economic-impact-research/country-reports/>
12. Глобальный этический кодекс туризма // Официальный сайт «Виртуальный экскурсовод». 13-я сессия Генеральной ассамблеи ВТО. Сантьяго, Чили, 1999 г. URL: <http://excursovod-web.ru>
13. UNWTO Publications: Sustainable Cruise Tourism Development Strategies – Tackling the Challenges in Itinerary Design in South-East Asia 2016. URL: <http://asiapacific.unwto.org/publication/sustainable-cruise-tourism-development-strategies-tackling-challenges-itinerary-design-s>
14. О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ (с изм. и доп.) // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/12112602/>
15. О Государственной границе Российской Федерации: Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 (с изм. и доп.) // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/10103372/>
16. Гомилевская Г.А., Дмитриенко Ю.В. Формирование туристской идентичности г. Владивостока в контексте бренда: «Владивосток – морские ворота России» //

- Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. Т. 8, № 1(32). С. 142–153.
17. Солдатенко Д.Г. Трансграничные территории в туризме: теория и практика // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. 2012. № 4. С. 60–65.
 18. Стоит ли расширять бренд Золотого кольца / Ассоциация туроператоров, 2017. URL: <http://www.atorus.ru/NEWS/PRESS-CENTRE/new/39810.html>
 19. «Восточное кольцо России» объединит регионы на ТТФ-2017 // Сайт Федерального агентства по туризму Российской Федерации, 2017. URL: <https://www.russiatourism.ru/>
 20. Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 годы) (с доп. и изм.) от 2 августа 2011 г. № 644 // Федеральное агентство по туризму. URL: <http://www.russiatourism.ru>
 21. Суржиков В.И. Оценка экспортно ориентированного природно-ресурсного потенциала Приморского края // Региональные исследования. 2014. Т. 3, № 12. С. 542–546.
 22. Развитие круизного туризма в зоне особого внимания: вопросы реализации туристического потенциала внутренних водных путей России рассмотрены на заседании Госсовета // Официальный сайт Федерального агентства по туризму. URL: <http://www.russiatourism.ru>
 23. Протокол 19-го заседания подкомиссии по сотрудничеству в области транспорта Российско-Китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств. г. Сиань (КНР). 2015. На правах рукописи.
 24. Северный морской путь // Путь развития. 2017. URL: <https://dv.land/>

Транслитерация

1. Cuvorova N.A. Ekonomiko-marketingovye faktory prodvizheniya kompleksa uslug morskogo turizma v regione: diss. kand. ekon. nauk: 08.00.05. Belgorod, 2010. 238 p.
2. Logunova N.A. Strategiya formirovaniya i effektivnogo razvitiya kruiznogo turizma : monografiya. Simferopol': DIAIPI, 2014. 428 p.
3. Nezdoimov S.G. Morskoj kruiznyi turizm v kontekste regional'nogo razvitiya, *Regional'naya ekonomika i upravlenie*, 2015, No 3(43), URL: <http://eee-region.ru/article/4304/>
4. Derkacheva L.N. Morskoj turizm v Primorskom krae: sostoyanie i napravleniya razvitiya, *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, No 4(35), pp. 225–234.
5. Babkin A.V. Spetsial'nye vidy turizma. Rostov-na-Donu: Feniks, 2008. 252 p.
6. Shpil'ko S.P., Andronova N.V., Chudarev R.V. Morskie kruizy. Teoriya i praktika // М.: Sovetskii sport, 2012. p. 148
7. Deklaratsiya Vsemirnoi konferentsii ministrov po turizmu (Osaka, Japan, 1994): Vsemirnaya konferentsiya ministrov po turizmu / Elektronnyi fond pravovoi i normativno-tekhnicheskoi informatsii. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901756803>
8. Ofitsial'nyi sait ECA Knowledge Repository // Resolutions of the International Conference on Travel and Tourism statistics. URL: <http://repository.uneca.org>
9. Resolutions of The International Conference on Travel and Tourism Statistics, Ottawa // United National Economic and Social Council // Canada, 1991, 24–28 June.
10. Cruise Industry Overview. State of the Cruise Industry // Florida-Caribbean Cruise Association/ Cozumel, Mexico, 2015. URL: <http://www.f-cca.com/downloads/2015-Cruise-Industry-Overview-and-Statistics.pdf>

11. The Authority on World Travel & Tourism. URL: <http://www.wttc.org/research/economic-impact-research/country-reports/>
12. Global'nyi eticheskii kodeks turizma // Ofitsial'nyi sait «Virtual'nyi ekskursovod». 13-ya sessiya General'noi assamblei VTO. Sant'yago, Chili, 1999 g. URL: <http://excursovod-web.ru>
13. UNWTO Publications: Sustainable Cruise Tourism Development Strategies – Tackling the Challenges in Itinerary Design in South-East Asia 2016. URL: <http://asiapacific.unwto.org/publication/sustainable-cruise-tourism-development-strategies-tackling-challenges-itinerary-design-s>
14. O vnutrennikh morskikh vodakh, territorial'nom more i prilezhashchei zone Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon ot 31 iyulya 1998 g. N 155-FZ (s izm. i dop.), *Garant*. URL: <http://base.garant.ru/12112602/>
15. O Gosudarstvennoi granitse Rossiiskoi Federatsii: Zakon RF ot 1 aprelya 1993 g. N 4730-I (s izm. i dop.), *Garant*. URL: <http://base.garant.ru/10103372/>
16. Gomilevskaya G.A., Dmitrienko Yu.V. Formirovanie turistskoi identichnosti g. Vladivostoka v kontekste brenda: «Vladivostok – morskoe vorota Rossii», *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, 2016, vol. 8, No 1(32), pp. 142–153.
17. Soldatenko D.G. Transgranichnye territorii v turizme: teoriya i praktika, *Nauka i turizm: strategii vzaimodeistviya*, 2012, No 4, pp. 60–65.
18. Stoit li rasshiryat' brend Zolotogo kol'tsa / Assotsiatsiya turoperatorov, 2017. URL: <http://www.atorus.ru/NEWS/PRESS-CENTRE/new/39810.html>
19. «Vostochnoe kol'tso Rossii» ob'edinit regiony na TTF-2017 / Sait Federal'nogo agentstva po turizmu Rossiiskoi Federatsii, 2017. URL: <https://www.russiatourism.ru/>
20. Razvitie vnutrennego i v»ezdnoogo turizma v Rossiiskoi Federatsii (2011-2018 gody) (s dopolneniyami i izmeneniyami) ot 2 avgusta 2011 g. N 644 / Federal'noe agentstvo po turizmu. URL: <http://www.russiatourism.ru>
21. Surzhikov V.I. Otsenka eksportno orientirovannogo prirodno-resursnogo potentsiala Primorskogo kraja, *Regional'nye issledovaniya*, 2014, vol. 3, No 12, pp 542–546.
22. Razvitie kruiznogo turizma v zone osobogo vnimaniya: voprosy realizatsii turistskogo potentsiala vnutrennikh vodnykh putei Rossii rassmotreny na zasedanii Gossoveta // Ofitsial'nyi sait Federal'nogo agentstva po turizmu. URL: <http://www.russiatourism.ru>
23. Protokol 19-go zasedaniya podkomissii po sotrudnichestvu v oblasti transporta Rossiisko-Kitaiskoi komissii po podgotovke regulyarnykh vstrech glav pravitel'stv. g. Sian' (KNR). 2015.
24. Severnyi morskoi put' // Put' razvitiya. 2017. URL: <https://dv.land/>

© Г.А. Гомилевская, 2017

© Г.А. Петрова, 2017

Для цитирования: Гомилевская Г.А., Петрова Г.А. Морской туризм как составляющая туристского бренда «Восточное кольцо России» // *Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. 2017. Т. 9, № 3. С. 71–85.

For citation: Gomilevskaya G.A., Petrova G.A. Sea tourism as a component of the tourist brand «The Eastern Ring of Russia», *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, Vol. 9, No 1, pp. 71–85.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3/71-85

Дата поступления: 30.08.2017.

До Хыонг Лан¹

Нгуен Хонг Ча Ми²

Университет международной торговли
Ханой. Вьетнам

Т.В. Евсеева³

Г.П. Старкова⁴

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Обеспечение конкурентоспособности продукции логистического предприятия в свете реализации Соглашения о свободной торговле между Вьетнамом и странами Евразийского экономического союза

Уменьшение числа торговых барьеров, являющееся результатом вступления в силу Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам, входит в число тех немногих причин, которые способствовали повышению предпринимательской активности на рынке продукции логистических предприятий (организаций, обеспечивающих доставку грузов).

Важнейшим фактором, стимулирующим рост эффективности экономики, является конкурентоспособность участников экономических отношений, в связи с чем рассмотрены факторы конкурентоспособности продукции логистических предприятий, имеющие значение для вьетнамских экспортеров в страны Евразийского экономического союза.

Проведен анализ рынка экспорта древесины из Вьетнама в страны-участники Евразийского экономического союза, что позволяет предположить повышение объемов экспорта этой продукции в связи со вступлением в силу Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам. Ввиду изложенного факторы конкурентоспособности продукции логистических предприятий рассмотрены применительно к потребителям продукции соответствующих логистических предприятий – вьетнамским экспортерам древесины и лесоматериалов.

Ключевые слова и словосочетания: конкурентоспособность, факторы конкурентоспособности, экспорт, древесина и лесоматериалы, Вьетнам, Евразийский экономический союз.

¹ До Хыонг Лан – канд. экон. наук, доцент Университета международной торговли.

² Нгуен Хонг Ча Ми – магистр, аспирант Университета международной торговли.

³ Евсеева Татьяна Витальевна – магистр, вед. специалист отдела организации научно-исследовательской работы, e-mail: Tatyana.Evsееva@vvsu.ru.

⁴ Старкова Галина Петровна – д-р техн. наук, профессор кафедры дизайна и технологий; e-mail: galina.starkova@vvsu.ru

Do Huong Lan¹
Nguyen Hong Tra My²

Foreign Trade University
Hanoi. Vietnam

G.P. Starkova³
T.V. Evseeva⁴

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Logistics companies' products competitiveness provision in relation to implementation of the Free Trade Agreement between the Vietnam and the Eurasian Economic Union

Trade barriers number decrease that is a result of the Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and the Socialist Republic of Vietnam became one of the few reasons for business activities increase at the logistics companies' products market.

Competitiveness of economic intercourses parts is a principal factor that stimulates the efficiency of economic growth. Due to the abovementioned logistics companies' products competitiveness factors will be revealed that are important for exporters from Vietnam to the Eurasian Economic Union members.

The analyses of the wooden export market of Vietnam to the Eurasian Economic Union (EAEU) is executed and expected to promote export turnover of this product to this integrated market under the implementation of Vietnam – EAEU Free Trade Agreement. Thus logistics companies' products competitiveness factors will be regarded from the position of exporters of wood and timber products from Vietnam.

Keywords: competitiveness, competitiveness factors, export, wood and timber products, Vietnam, the Eurasian Economic Union.

1. Факторы конкурентоспособности продукции логистического предприятия

Вступление в силу Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны, от 29 мая 2015 года, которое ратифицировано Федеральным законом Российской Федерации от 01.05.2016 и применяется на территории России с 12 мая 2016 г., привело к расширению торговли и сотрудничества между сторонами данного Соглашения [1]. Устранение торговых

¹ Do Huong Lan – Assoc. Prof, PhD., Foreign Trade University.

² Nguyen Hong Tra My – MSc, research student, Foreign Trade University.

³ Tatiana V. Evseeva – MSc, senior specialist of scientific research management department; e-mail: Tatyana.Evseeva@vvsu.ru.

⁴ Galina P. Starkova – Doctor of Technical Science, professor of Design and Technologies department; e-mail: galina.starkova@vvsu.ru

барьеров является одной из задач, которую стремились разрешить участники данного Соглашения в целях повышения предпринимательской активности на рынке продукции логистических предприятий, обеспечивающих транспортировку грузов, и экономической эффективности государств-участников Соглашения [2].

Важнейшим показателем, стимулирующим рост эффективности экономики, выступает конкурентоспособность участников экономических отношений, в связи с чем в данной статье будут рассмотрены факторы конкурентоспособности продукции логистических предприятий, имеющие значение для вьетнамских экспортеров в страны Евразийского экономического союза. Современные исследователи обоснованно отмечают, что существуют различные подходы к определению сущности такой категории, как «конкурентоспособность предприятия» [3]. Факторы конкурентоспособности продукции логистического предприятия в рамках данной работы принимаются как качественные и (или) количественные характеристики продукции соответствующего предприятия, осуществляющего организацию транспортировки грузов, используемые для оценки ее конкурентоспособности.

Потребительский рынок Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) составляет 175 млн человек, территориально занимая площадь более 20 млн кв. км. Данный молодой и открытый рынок является основным источником производства и распределения изделий из древесины, оборот импорта и экспорта которого в 2016 г. составил примерно 14 млрд долл. США.

В 2016 г. Соглашение о свободной торговле между Вьетнамом и ЕАЭС официально вступило в силу, предоставив прекрасные возможности расширения торговли между Вьетнамом и данным регионом. Древесина и изделия из дерева, по экспорту которых Вьетнам занимает шестое место в мире и второе в Азии, входят в число предметов потребления, которые предположительно будут облагаться пониженными пошлинами. Более того, рынок стран-участников ЕАЭС не насыщен в должной мере этими товарами.

Проведенный анализ рынка экспорта древесины из Вьетнама в страны-участники Евразийского экономического союза позволяет предположить повышение объемов экспорта этой продукции в связи со вступлением в силу Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами и Социалистической Республикой Вьетнам.

Ввиду изложенного факторы конкурентоспособности продукции логистических предприятий в данной статье будут рассмотрены применительно к потребителям продукции соответствующих логистических предприятий – вьетнамским экспортерам древесины и изделий из дерева.

Факторы конкурентоспособности могут быть применены при оценке конкурентоспособности логистического предприятия данной категорий потребителей. При этом при определении соответствующих факторов необходимо максимально полно выявить потребности вьетнамских экспортеров древесины и изделий из дерева. О методе оценки конкурентоспособности продукции, сопряженном с выявлением всех потребностей покупателя в контексте выбора продукта, в своем исследовании отмечал Исаев А.А. [4].

В числе факторов конкурентоспособности, имеющих значение для экспортеров древесины и лесоматериалов из Социалистической Республики Вьетнам в страны Евразийского экономического союза, в том числе в Россию, необходимо выделить следующие факторы:

- 1) предоставление логистических услуг высокого качества. Наличие положительной репутации логистического предприятия;
- 2) наличие большого числа клиентов, в том числе известных брендов (характеризует логистическое предприятие как надежного партнера);
- 3) наличие узнаваемого бренда логистического предприятия;
- 4) цена услуг логистического предприятия;
- 5) гибкие условия оплаты (возможность выбора порядка оплаты (100% предоплата, частичная предоплата и т.д.);
- 6) продолжительность существования компании на рынке;
- 7) вежливый и отзывчивый персонал;
- 8) высокий уровень квалификации сотрудников (компетентный персонал);
- 9) оперативность принятия заявок логистическим предприятием;
- 10) оперативность оформления логистическим предприятием документов, необходимых для перевозки груза клиента;
- 11) оперативность оказания услуги по доставке груза логистическим предприятием;
- 12) наличие принадлежащего логистическому предприятию транспорта для перевозки грузов;
- 13) наличие прямых договорных отношений с поставщиками транспортных услуг (автомобильный, железнодорожный, морской транспорт);
- 14) возможность отслеживания груза в пути (в процессе доставки);
- 15) предоставление услуг по терминальному обслуживанию (обработке) грузов;
- 16) наличие сайта логистического предприятия с доступно изложенной информацией (информативность сайта компании, удобство навигации сайта);
- 17) наличие услуг по перемещению контейнера/груза для таможенного досмотра;
- 18) наличие широкого спектра договорных отношений с ключевыми компаниями на рынке логистических услуг, крупнейшими мировыми перевозчиками, к примеру, Маэрс, MSC, CMA, CGM, DB Schenker, KLM, Дельта и др., а также с логистическими компаниями Куэне + Нагель; Панальпина, DHL, Ниппон Экспресс и др.;
- 19) удобный график работы компании (время, дни, в том числе выходные);
- 20) оперативность согласования и подписания договоров либо наличие публичного договора (с целью обеспечения правовой защиты правоотношений клиента и логистического предприятия);
- 21) своевременность предоставления финансовых документов: счетов, счетов-фактур (при общей системе налогообложения логистического предприятия) – высокий уровень контроля финансового документооборота внутри компании;
- 22) обеспечение страхования груза;

23) наличие четкой организационной структуры логистического предприятия – распределение обязанностей между персоналом отдела логистики:

- по направлениям (российские, зарубежные перевозки),
- по видам транспорта (морской, железнодорожный, автомобильный, мульти-модальный);
- исходя из особенностей определенных видов груза (опасный груз), специфики ряда направлений (северные регионы);

24) наличие информации об услугах компании в информационных базах услуг, на специализированных сайтах.

Как справедливо отмечал в своей работе М. Портер, уровень конкурентного преимущества подлежит определению количеством и особенно качеством факторов [5].

Таким образом, при прочих равных обстоятельствах покупателем будет выбрана именно продукция логистического предприятия, данные характеристики которой будут присутствовать в большем количестве с поправкой на весовой коэффициент.

Выше указанные факторы конкурентоспособности продукции логистического предприятия тесно связаны с принципами покупательского выбора, что, в свою очередь, может позволить вьетнамским экспортерам древесины и изделий из дерева сформировать закупочную стратегию [6].

В то же время имидж региона (образ региона, отражающий условия жизни и ведения бизнеса, потенциал и возможности соответствующего региона) также оказывает влияние на конкурентоспособность предприятий, что в своем исследовании отмечали О.Ю. Ворожбит, Т.Е. Даниловских и Д.К. Шевченко [7]. Таким образом, необходимо рассмотреть положение бизнеса на рынке экспорта древесины, состояние рынка и перспективы развития торговли в свете принятия Соглашения о свободной торговле.

2. Положение на рынке экспорта древесины и изделий из дерева из Вьетнама в ЕАЭС

2.1. Товарооборот экспорта

На протяжении длительного времени древесина и изделия из нее считались основными экспортными товарами, входящими в десятку важнейших товаров, экспортируемых Вьетнамом. В последние годы по этому направлению Социалистическая Республика Вьетнам занимает шестую позицию в числе крупнейших поставщиков мебели в мире, вторую – в Азии и первую – в южно-азиатском регионе. Средний объем роста экспорта в период 2000–2010 гг. составил 27,15%; за последние пять лет рецессии этот уровень повысился примерно до 15%. Руководство вьетнамской Ассоциации лесного хозяйства и деревообработки предоставило отчет о том, что в 2000 г. всего 741 компания осуществляла деятельность в сфере лесозаготовок. Сейчас на этом рынке функционируют 3934 предприятия (табл. 1).

Таблица 1

Оборот экспорта Вьетнама изделий из древесины в 2008–2016 гг.

Показатель	Годы								
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Оборот экспорта	2,820	2,598	3,435	3,957	4,665	5,562	6,232	6,899	6,97
Уровень роста, %	12,8	7,8	32,2	15,2	17,9	19,2	12,04	10,7	1,1

Источник: Генеральный департамент таможи Социалистической Республики Вьетнам.

Вьетнамские изделия из древесины и лесоматериалов представлены более, чем на 120 мировых рынках, включая ЕАЭС. Однако оборот экспорта в страны-участники ЕАЭС составляет лишь малую часть. Самые крупные поставки осуществляются в Россию, составляя лишь 0,1–0,2% общего объема экспорта Вьетнама (рис. 1).

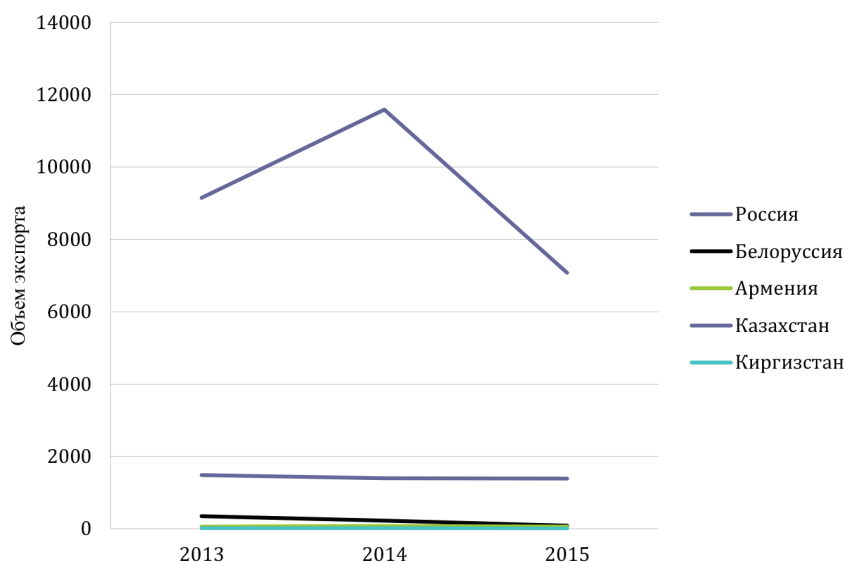


Рис 1. Оборот экспорта Вьетнама изделий из древесины в ЕАЭС, тыс. долл. США

Источник: Информационная база данных «Всемирные интегрированные торговые решения».

Кроме того, рост оборота импорта, сократившийся в течение нескольких лет из-за сложной политической ситуации в регионе и барьеров, возникших ввиду неустойчивой ценности новой национальной валюты Вьетнама, в настоящее время остается нестабилен (табл. 2).

Россия, Казахстан и Белоруссия осуществляют наибольшие (по сравнению с другими государствами-членами ЕАЭС) вложения в экспорт древесины из Вьетнама, при этом Россия занимает первое место. Объемы вьетнамского экспорта

древесины и изделий из дерева значительно увеличились с 2011 г. Однако в 2015 г. стоимость экспорта резко упала по причине падения курса рубля по отношению к доллару США – валюте, посредством которой обеспечивается осуществление всех импортных и экспортных операций между Вьетнамом и Россией. Это привело к значительному снижению покупательской способности России.

Таблица 2

Оборот экспорта древесины и изделий из дерева Вьетнама на территорию Российской Федерации (2009–2015 г.), млн долл. США

Показатель	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Оборот экспорта	1,71	2,87	6,29	8,69	9,15	11,59	7,079

Источник: Генеральный департамент таможи Социалистической республики Вьетнам.

Вторым крупнейшим рынком сбыта древесины и изделий из дерева для Вьетнама является Белоруссия. Объем экспорта Вьетнамом древесины на территорию Белоруссии в период с 2011 по 2015 г. составлял всего 520,6 тыс. долл. США в 2011 г., в последующие годы объем экспорта постепенно сокращался. В последние годы снижение объемов экспорта стало не столь значительно, что объясняется всеобщей тенденцией снижения объемов импорта на международном рынке. Кроме того, из-за недостаточности информации о белорусском рынке, неосведомленности о видах предпринимательской деятельности, значительной географической удаленности, высокой стоимости транспортировки и иных причин белорусский рынок не является достаточно привлекательным для вьетнамских предприятий. В настоящее время Белоруссия импортирует в основном изделия из древесины из ближнего зарубежья. В связи с изложенным обороты экспорта Вьетнама и других государств на территорию Белоруссии едва ли сравнимы (табл. 3).

Таблица 3

Оборот импорта изделий из древесины Белоруссии (2011–2015 г.), тыс. долл. США

Страны	Оборот импорта				
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Российская Федерация	335 282,2	405 831,4	454 046,6	481 023,8	381 752,6
Украина	101 797	100 394,9	116 817,9	102 535,2	53 184,8
Германия	63 755,8	62 150,2	5 9928	48 244,4	39 854,8
Вьетнам	520,6	485,6	167,4	135	106,6

Источник: Информационная база данных «Всемирные интегрированные торговые решения».

Третье место среди стран-членов ЕАЭС, импортирующих изделия из древесины из Вьетнама, занимает Казахстан. Впрочем, активность Казахстана на рынке импорта достаточно низкая, всего 130,269 тыс. долл. США в 2014 г. и 91 тыс. долл. США в 2015 г. Доля рынка вьетнамских изделий из древесины в этой стране в

2015 г. составляла 0,05%, что являлось значительным снижением по сравнению с объемом товарооборота в 2011 году (около 1,72%). Определенная стабильность имела место, поскольку доля импорта Казахстана на уровне 0,05% сохранялась неизменной в 2014 и 2015 годах (рис. 2).

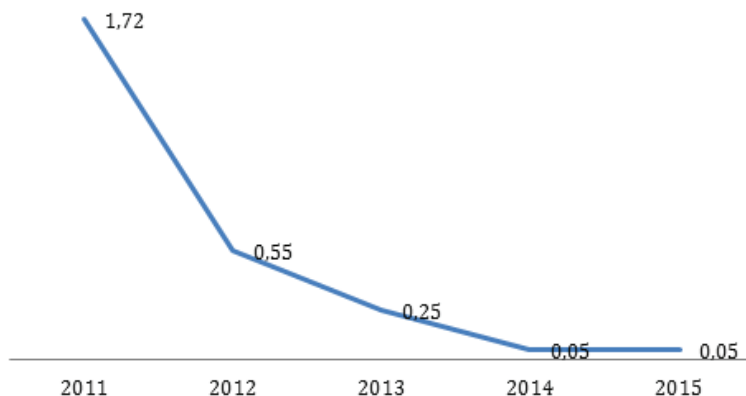


Рис. 2. Изменения доли вьетнамских лесоматериалов и изделий из древесины в составе импортного товарооборота лесоматериалов и изделий из древесины на рынке Казахстана, %

Среди причин, ограничивающих высокие объемы экспорта в Казахстан, следует назвать: 1) недостаточную осведомленность вьетнамских предприятий о данном рынке; 2) общее снижение объема импорта Казахстана изделий из древесины; 3) сохранение в Казахстане прежнего уровня внутреннего потребления древесины в совокупности с тенденцией предпочтения потребителями товаров отечественного производителя.

Объем импорта древесины из Вьетнама в Армению достаточно небольшой и составляет всего 0,02% импортного товарооборота. Однако данный рынок рассматривается вьетнамскими предприятиями как имеющий потенциал для повышения объемов экспорта (табл. 4).

Источник: Информационная база данных «Всемирные интегрированные торговые решения».

Таблица 4

Оборот импорта Арменией изделий из древесины в период 2011–2015 гг., тыс. долл. США

Страны	Оборот импорта				
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Всего, в том числе:	148 406,23	157 151,1	156 770,72	162 580,29	125 282,83
Малайзия	100,014	127,532	109,755	88,433	74,26
Китай	17 636,412	17 459,321	19 522,655	23 112,029	17 490,941
Вьетнам	38,608	23,307	56,839	39,999	24,533

Источник: Информационная база данных «Всемирные интегрированные торговые решения».

В настоящее время наблюдается тенденция снижения экспортного товарооборота Вьетнама в Кыргызстан. Ввиду того, что вьетнамские товары появились на этом рынке недавно, в настоящее время достаточно сложно сделать точный прогноз. Статистические данные показывают, что экспортный товарооборот в 2011 г. составлял 16,496 тыс. долл. США, а в 2012 г. он резко повысился, составив более 68 тыс. долл. США, в последующие же годы снова наблюдалось снижение объемов экспорта. Учитывая изложенное, Вьетнам в настоящее время осуществляет экспорт товаров на этот рынок лишь небольшими партиями (рис. 3).

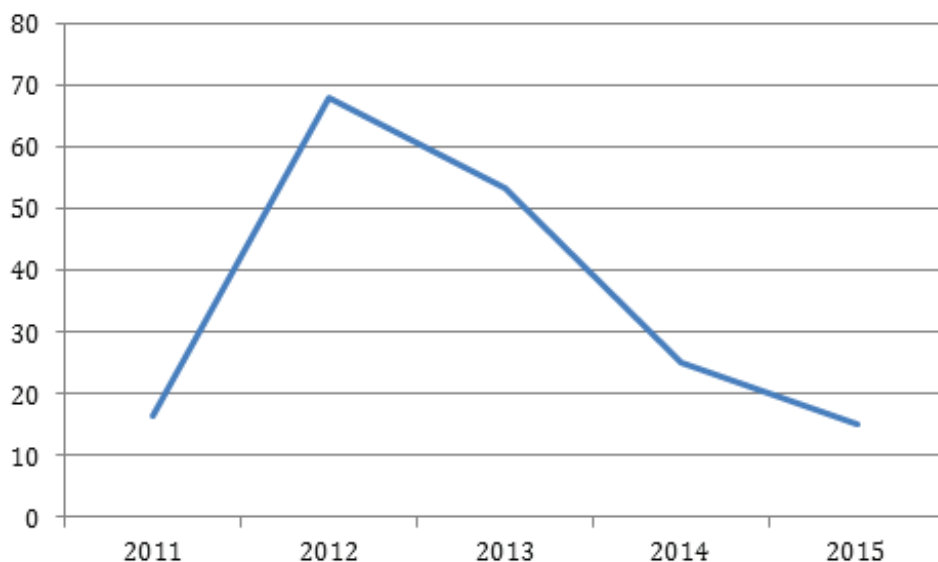


Рис. 3. Экспортный товарооборот Вьетнама в Кыргызстан (2011–2015 гг.), тыс. долл. США

Источник: Информационная база данных «Всемирные интегрированные торговые решения».

2.2. Структура рынка изделий из древесины на территории Евразийского экономического союза

Экспортный рынок стран-членов ЕАЭС насыщен сырьем из древесины, вследствие чего основным импортируемым из Вьетнама товаром является деревянная мебель. Как правило, вьетнамские изделия из древесины подразделяются на 5 групп, в зависимости от их назначения: 1) садовая мебель (скамейки, садовые стулья, тенты, качели и т.д.); 2) предметы мебели (столы, стулья, кровати, полки для книг и т.д.); 3) включает мебель, которая является объектом искусства и изготовлена из натурального дерева, а также резная мебель; 4) изделия из переработанной древесины, скомбинированные с другими материалами (ротанг, металл, текстиль и т.д.); 5) различные виды настилов, состоящих из деревянных пластов, изготовленных из древесины и волокнистых материалов.

В соответствии с товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности (далее – ТН ВЭД) Евразийского экономического союза товары из древесной стружки, пиломатериалы, товары вторичной переработки древесины относятся к ТН ВЭД 44, изделия мебели – к коду 94. Вьетнамский экспорт в страны ЕАЭС в основном составляют товары с кодом 94, чаще всего деревянная мебель и столярные стулья. Деревянная мебель для спален составляет 9% экспортного товарооборота, иная мебель из древесины – 51% от общего объема экспорта. Столярные стулья – 29% от общего объема экспорта. Остальные виды товаров занимают порядка 2% каждый, включая изделия из деревянной мозаики, деревянные предметы декора, товары для изготовления конструкций из древесины, инструменты для плотников наряду с деревянными панелями с пористым наполнителем, деревянный пол, паркет и сборные конструкции.

В общем, экспорт Вьетнама в страны ЕАЭС интенсивно не осуществляется по следующим причинам:

1. Вьетнам и государства-члены ЕАЭС являются давними торговыми партнерами, начиная с советского периода. После распада Советского Союза в 1991 г. как во Вьетнаме, так и в данных государствах были проведены экономические реформы, направленные на рыночную экономику и внешнеэкономическую деятельность. Появились некоторые особенности в торговых отношениях между Вьетнамом и странами-членами ЕАЭС, основанные на законах рынка и принципе взаимовыгоды. Однако застой на внутреннем рынке Вьетнама не позволил изучить рынок этих государств. Коммерция и международная торговля древесиной столкнулись с трудностями ввиду недостаточности информации и сложности ее восприятия, что привело к ограничению делового сотрудничества между партнерами.

2. Еще одним основным барьером для торговли является географическая удаленность Вьетнама и государств-членов ЕАЭС. Стоимость перевозки составляет 30–35% объема экспорта вьетнамской древесины. Высокая цена изделий складывается по той причине, что прежде, чем товар попадет на рынок, к примеру, России, он проходит через промежуточные страны, европейские государства. В то же время такие конкуренты Вьетнама, как Китай и некоторые страны-члены Союза независимых государств (далее – СНГ), извлекают выгоду из географической удаленности, преобладают на рынке ЕАЭС, что делает товары из Вьетнама менее конкурентоспособными.

Китай в настоящее время является крупнейшим партнером ЕАЭС и имеет ежегодный товарооборот экспорта более 1 млрд долл. США, включающий широкий перечень товаров (учитывая ассортимент и качество). Причина заключается не только в том, что страны ближнего зарубежья и сами члены ЕАЭС производят конкурентоспособные и пользующиеся широким спросом товары, но и в недостаточно широком ассортименте вьетнамских товаров по дизайну и качеству. Кроме того, стоимость продукции является достаточно высокой, из-за высокой стоимости транспортировки и вынужденного импорта сырья.

3. Иная причина – порядок осуществления платежей. Предприниматели во Вьетнаме обычно используют два способа осуществления оплат: с помощью интернет-сервиса «T.T.R» (оплата посредством перечисления денежных средств)

либо с использованием аккредитива. «Т.Т.Р.» является быстрым и удобным способом осуществления платежей, однако рискованным, поскольку большую роль в данном случае играют взаимоотношения партнеров и особые условия заключенного контракта. Деловые партнеры предпочитают осуществлять платежи посредством аккредитива. Однако на практике вьетнамские предприятия в случае экспорта изделий из древесины едва ли получают оплату от малых и средних предприятий, находящихся на территории государств-членов ЕАЭС. Кроме того, ввиду низкой обеспечительной силы контрактов такие малые и средние предприятия лишь открывают аккредитив в местных небольших банках, обеспечительные меры в отношении которых вьетнамские банки не предпринимают. Более того, западными государствами наложено эмбарго на ввоз ряда товаров в Россию, платежи в долларах затруднительны, а осуществление оплат в российских рублях время от времени является невыгодным из-за непредсказуемости колебаний курса этой валюты.

4. В дополнение к выше указанным причинам проникновению вьетнамских изделий из древесины на этот рынок препятствуют технические барьеры государств-членов ЕАЭС.

3. Перспективы продвижения вьетнамских товаров из древесины на рынок Евразийского экономического союза

Экспорт вьетнамских товаров из древесины осуществляется более, чем в 120 стран, однако основными рынками сбыта данных товаров являются США, Европейский союз, Япония, Китай и др. Прогнозируется спад деловой активности на данных крупнейших рынках, поскольку политика США оказывает влияние на международную экономику в целом. Тем не менее, существуют различные возможности для реализации вьетнамских товаров на рынке ЕАЭС и России. Сокращение крупнейшего импортного рынка, на котором Вьетнам осуществляет реализацию изделий из древесины, заставляет искать новые рынки, рассматривая при этом страны-члены ЕАЭС.

Рынок ЕАЭС насчитывает 176 млн человек, и ВВП превышает 4 трлн долл. США. Наиболее важно, что рынок ЕАЭС не имеет настолько строгих правил и стандартов, как, например, рынок Японии или ЕС (не международные стандарты), которым продукция Вьетнама могла бы соответствовать. Кроме того, ввиду исторически сложившихся отношений со странами-членами ЕАЭС Вьетнам имеет преимущество, позволяющее быстрее достигать взаимопонимания и вырабатывать совместные решения. Более того, большинство проживающих в этих странах вьетнамцев могут принять участие в развитии взаимодействия бизнеса. В то же время в таких странах, как Армения и Кыргызстан, стандарты для экспорта вьетнамских изделий из древесины являются достаточно низкими, чтобы предположить возможность расширения рынка в течение нескольких лет.

Подписание соглашения о свободной торговле между Вьетнамом и членами ЕАЭС предоставляет большие перспективы вьетнамскому экспорту изделий из древесины. Сразу же после вступления в силу Соглашения о свободной торговле (в соответствии с обязательством сократить таможенные сборы на данные товары) пошлина на древесное топливо либо древесину первичной обработки (древесные

опилки, стружку и древесный уголь) была сокращена от обычно взимаемых 3–5 до 0%. Кроме того, пошлина на изделия мебели, изготовление которых является сильной стороной Вьетнама, была немедленно сокращена с 25 до 0%.

В связи с установлением размера ставки 0% на изделия из древесины, которые Вьетнам готов интенсивно экспортировать в страны ЕАЭС, Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом открывает большие возможности для продвижения экспорта древесины. В то же время ЕАЭС устанавливает требования, предъявляемые к происхождению товара и его экологичности, направленные на рациональное использование природных ресурсов, на что вьетнамским экспортерам необходимо обратить особое внимание, чтобы войти на этот рынок.

Производство вьетнамских товаров серьезно зависит от импорта сырья древесины, в связи с чем Соглашение между Вьетнамом и ЕАЭС направлено на поддержку бизнеса и сокращение его материальных затрат путем установления льготных тарифов на импорт большинства видов древесины из этих стран. Предприниматели могут получать товары с более низкой стоимостью их производства по сравнению с иными государствами-экспортерами (не являющимися сторонами Соглашения), поскольку Вьетнам может использовать доступные на этом рынке ресурсы. Вступление в силу Соглашения о свободной торговле между Вьетнамом и ЕАЭС создало преимущества для экспорта вьетнамских изделий из древесины. Данное соглашение о свободной торговле, подписанное между странами этого региона и иным государством, раскрыло для Вьетнама новое поле для реализации деловых инициатив по экспорту товаров из древесины. Тем не менее, в соответствии с Соглашением ЕАЭС может применять ограничительные меры, направленные на создание ограничений на рынке для определенных импортных товаров вьетнамского производства на территорию ЕАЭС, в случае если годовой объем импорта превысит соответствующую границу. Ограничительные меры будут применяться посредством установления пошлин на товары потребления, которые равны платам, обычно взимаемым согласно национальному законодательству страны-импортера, с момента, когда ограничительные меры введены на срок, не превышающий шесть месяцев. Кроме того, если количество импорта превысит 150% установленного лимита на дату прекращения периода действия общего размера пошлин, то соответствующий период, в течение которого льготные тарифы не подлежат применению, может быть продлен на три месяца.

Таким образом, наряду с введением мер, направленных на увеличение экспорта древесины из Вьетнама, налагаются строгие ограничения объемов импорта. Кроме того, на некоторые товары, являющиеся преимуществом Вьетнамского экспорта, не распространяются меры поддержки, введенные ЕАЭС. Так, полностью исключена из перечня товаров, на которые распространяются льготные тарифы, столярная мебель, производство которой является сильной стороной вьетнамского экспорта. Сокращение тарифной ставки с 15 до 0% на некоторые изделия из древесины сопряжено с введением ограничительных мер и отсутствием каких-либо льгот на ввоз иных категорий товаров из древесины. ЕАЭС также введены протекционистские меры, направленные на введение ограничений для ввоза на рынок ЕАЭС мебели

из Вьетнама: кухонной мебели, мебели для спален, гостиных и офисной мебели (если объем экспорта ниже существующей квоты на данную категорию товара, то тарифная ставка составляет 0%, а если объем экспорта продукции превысил квоту, то применению подлежат ставки, установленные национальным законодательством в соответствии с режимом наибольшего благоприятствования для соответствующей категории товаров). Указанные меры могут стать препятствием для выхода Вьетнама на рынок ЕАЭС.

Таким образом, изделия из древесины являются товаром, высокая потребность в котором присутствует на рынке ЕАЭС, и Вьетнам обладает хорошим потенциалом для их экспорта. Однако текущие объемы экспорта изделий из древесины на рынок ЕАЭС остаются невысокими. Вступление в силу Соглашения о свободной торговле между Вьетнамом и ЕАЭС создаст много новых экспортных возможностей для поступления вьетнамских изделий из древесины на рынок ЕАЭС. Однако ввиду наличия различных препятствий, с которыми сталкиваются экспортеры древесины из Вьетнама, потребуется найти пути преодоления сложностей и получения доли рынка в ближайшие годы.

Выход на рынок и завоевание его доли вьетнамскими экспортерами могут способствовать росту предпринимательской активности логистических предприятий. Следовательно, изучение факторов конкурентоспособности продукции логистических предприятий является важным вопросом в связи с вступлением в силу Соглашения о свободной торговле между Вьетнамом и ЕАЭС.

1. Logistics companies' products competitiveness factors

The Free Trade Agreement implementation (the Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its member states, of the one part, and the Socialist Republic of Viet Nam, of the other part, dated the 29th of May, 2015, ratified by the Federal Law of the Russian Federation on the 1st of May, 2016, implemented on the territory of Russia from the 12th of May, 2016) led to trade extension and international collaboration between the Agreement parties [1]. Trade barriers elimination is one of the problems that the participants of the Agreement aimed to cope with. Whereas, it will promote an increase of business activity at the logistics companies' products market.

One of the Free Trade Agreement (FTA) members' goals is to increase the economic efficiency of the states – members of the Agreement [2].

Competitiveness of economic intercourses parts is a principal issue that stimulates the efficiency of economic growth. Due to the abovementioned, this article will reveal logistics companies' products competitiveness factors that are important for exporters from Vietnam to the Eurasian Economic Union countries members.

Modern researchers consider that there are different approaches to «company competitiveness» definition (that is reasonable) [3].

Competitiveness factors of a logistics company's product are regarded as qualitative and quantitative characteristics of the correspondent company's product. The mentioned characteristics are applied for competitiveness level defining.

The EAEU is a large market of 175 million people and a natural area of more than 20 million square kilometers. This market is young and open. It is also a major source of input-output timber products with the total import-export turnover in 2016 of nearly \$14 billion USD.

Since 2016, the FTA between Vietnam and the EAEU has officially come into effect, bringing great opportunities for promoting trade between Viet nam and this region. Among the commodities pledged to reduce the tariffs, wood and timber products, which Vietnam ranks at 6th worldwide and at 2nd in Asia in terms of exporting, still have low level of penetration in the EAEU market.

The article analyses the wooden export market of Vietnam to the Eurasian Economic Union (EAEU) and expects to promote export turnover of this product to this integrated market under the implementation of Vietnam- EAEU Free Trade Agreement. Thus, logistics companies' products competitiveness factors will be regarded from the view point of exporters of wood and timber products from Vietnam.

Competitiveness factors could be applied at a logistics company competitiveness assessment by this group of consumers. The maximum of the Vietnam exporters (of wood and timber) needs should be revealed to state the following factors. The method of the product competitiveness assessment that is adjoined to all the consumer's needs allocation at the time of a product choice is revealed at the scientific work of Isaev A.A. [4]

There are factors of competitiveness that are important for wood and timber products exporters from the Socialist Republic of Vietnam to the Eurasian Economic Union countries, including Russia:

1. High quality of the logistics services. Good reputation of the logistics company;
2. A big number of clients including famous brand companies (it characterize logistics company as a reliable business partner);
3. Well-known brand of the logistics company;
4. Price of the services of the logistics company;
5. Flexible payment conditions (opportunity to choose an order of payment (100% in advance, partial payment in advance etc.);
6. Company's term of doing business at the logistics market;
7. Polite and responsive staff;
8. High level of staff competences;
9. Prompt operation with clients' application forms;
10. Prompt operation with documents are to be prepared by the logistics company staff and necessary for client's goods transportation;
11. Quick goods transportation;
12. Logistics company's private transport for the cargo transportation;
13. Direct contract relationships of the logistics company and suppliers of transportation services (automobile, railway and ship operators);
14. Ability to monitor the cargo during the transportation;

15. Terminal cargo handling services;
16. Well-structured web-site of a company;
17. Container/cargo transposition service for customs inspection;
18. Large amount of contract relationships of the logistics company with main companies at the logistics market, largest world transport operators (such as Maersk, MSC, CMA, CGM, DB Schenker, KLM, Delta etc.), logistics companies, (such as Kuehne + Nagel; Panalpina, DHL, Nippon Express etc.);
19. Convenient working hours;
20. Prompt contract negotiations or opportunity to enter a public contract (to ensure the business deal with a legal force);
21. Financial documents, bills supply by the due date (that means high level of financial documents control at the company);
22. Cargo insurance provision;
23. Highly organized structure of the logistics company – due to the duties division among the staff according to the following principals:
 - according to directions (Russian, Foreign transportation),
 - according to types of transport (sea, railway, automobile, multimodal),
 - etc.:
24. Information supply of the logistics company services at data bases, special web-sites.

M.Porter emphasizes in his work that the level of competitiveness is to be defined by means of quantity and especially quantity of factors of competitiveness estimation and calculation [5].

Consequently, the consumer will choose product of the logistics company with the higher qualitative and quantitative amount of the factors results (taking into consideration scaling factor and measuring the companies in equal conditions).

The above mentioned factors of logistics company's product competitiveness are tightly connected with the principles of buyer selection that could also help exporters of the wood and timber products from Vietnam in formulating purchasing strategy that is shown in Michael E. Porter's treatise [6].

At the same time territory identity (image of the region that reflects living conditions and business activities, prospects and opportunities at the region) also influence the companies' competitiveness that is emphasized by such authors as Vorozhbit O.Yu., Danilovskikh T.E. and Shevchenko D.K. at their study [7]. That's why state of wood and timber export business, market conditions and trade prospective after the FTA implementation are to be regarded.

2. Vietnam – the EAEU wood and timber product export situation

2.1. Export turnover

Vietnamese wood and timber products for a long period have been regarded as the leading export products, which were ranked in Top 10 of major export products of Vietnam. Vietnam has become the 6th largest supplier of furniture in the world, 2nd in Asia and the leader in South East Asian region. The average export growth rate for the period 2000-2010 was 27.15%; for the last five years of recession this rate has increased by an

average of 15%. Leaders of the Vietnamese Wood and Timber Product Association (VFA) reported that in 2000 there were only 741-forest-product- processing companies, up to now having 3.934 enterprises (table 1).

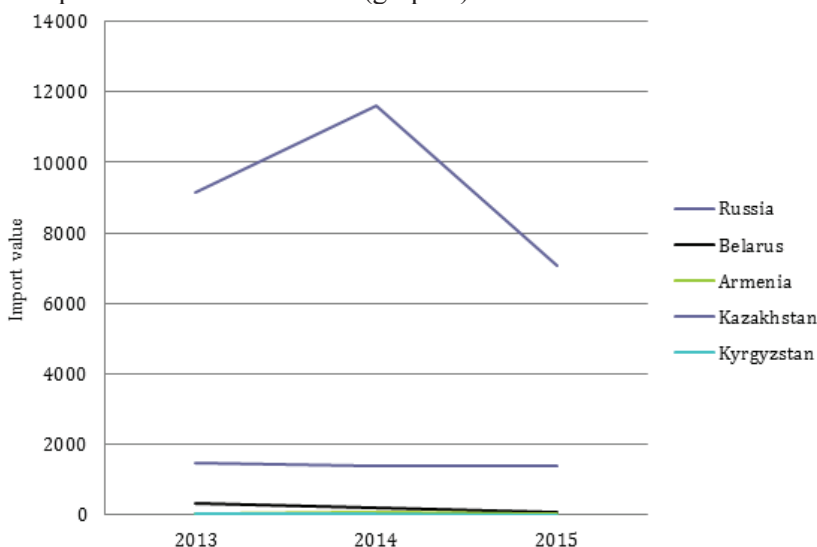
Table 1

Export turnover of Vietnamese timber products in the period of 2008–2016, Millions USD

	Export turnover								
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Export turnover	2,820	2,598	3,435	3,957	4,665	5,562	6,232	6,899	6,97
Growth rate, %	12,8	7,8	32,2	15,2	17,9	19,2	12,04	10,7	1,1

Source: General Department of Vietnamese Customs

Vietnamese wood and timber products have presented in over 120 international markets, including the EAEU. However, the export turnover to the EAEU accounts for a small proportion; the largest is the Russian Federation with only about 0.1 - 0.2% of the total wood export turnover of Vietnam (graph 1).



Graph 1. Export turnover of Vietnamese wooden products to the EAEU, Thousands USD

Source: World Integrated Trade Solution.

Furthermore, the growth of import turnover is unstable, which has reduced for several years because of the complicated political situation of the region and the barriers from unstable value of transition currency to the good's payment (table 2).

Among the members of the EAEU, Russia, Kazakhstan and Belarus make up the largest share in Vietnam's wood exports, with Russia occupying the first position. Vietnam's export of wood and timber products to Russia has grown significantly since 2011. However, the 2015's export value declined sharply due to the fall of the RUB against the US dollar- the intermediary of import-export payment of Vietnam and Russia, leading to the significantly decreased purchasing power of Russia.

Table 2

Export turnover of wood and timber products of Vietnam to the Russian Federation in the period of 2009–2015, million USD

Year	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Export turnover	1,71	2,87	6,29	8,69	9,15	11,59	7,079

Source: General Department of Vietnamese Customs

The second largest market of wood and timber products proves to be Belarus. The wood export turnover of Vietnam to Belarus in the period of 2011-2015 accounted for a small amount, at only \$520.6 thousands in 2011, and decreased gradually over the years. However, the rate of decline in recent years hasn't been too high. It could be accounted for the general trend of imports from international markets decrease. In addition, the Belarusian market has no attraction to Vietnamese enterprises due to the little information about the market, the unfamiliar business activities, the far geographic distance, the high transportation cost, and so on. Currently, Belarus has imported most of the wooden products from neighboring countries. Hence, the export turnover of Vietnam is smaller compared to other competitors (table 3).

Table 3

Import turnover of wooden products of Belarus from several international markets in the period of 2011–2015, Thousand USD

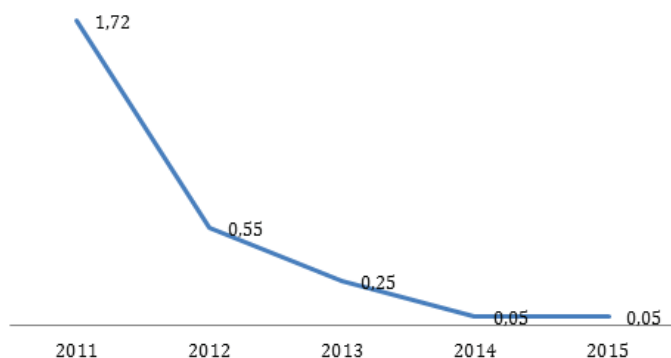
Countries	Export turnover				
	2011	2012	2013	2014	2015
Russian Federation	335 282,2	405 831,4	454 046,6	481 023,8	381 752,6
Ukraine	101 797	100 394,9	116 817,9	102 535,2	53 184,8
Germany	63 755,8	62 150,2	59 928	48 244,4	39 854,8
Vietnam	520,6	485,6	167,4	135	106,6

Source: World Integrated Trade Solution.

Kazakhstan ranks third in the EAEU members importing wooden products from Vietnam, yet the importing value is low, only \$130.269 thousands in 2014 and \$91 – in 2015. The market share of Vietnamese timber products in this country, in 2015, about 0.05%, has decreased significantly compared to that of in 2011 (about 1.72%), although the proportion remained unchanged in 2014 and 2015, still accounted for 0.05% of import turnover of Kazakhstan (graph 2).

The limitation of export activities to Kazakhstan could be explained by the following reasons: (1) low market awareness of Vietnamese enterprises about this market; (2) Kazakhstan's imports of timber products have generally decreased; (3) Kazakhstan's domestic consumption of wood has remained unchanged while the people tend to prefer domestic products.

The imports of wood from Vietnam to Armenia are relatively small, which accounts for only 0.02% of annual wood import turnover. This market is a potential destination for Vietnamese businesses to export (table 4).



Graph 2. Change in market share of wood and timber products of Vietnam in the total import turnover of wood and timber products of Kazakhstan, %

Source: World Integrated Trade Solution.

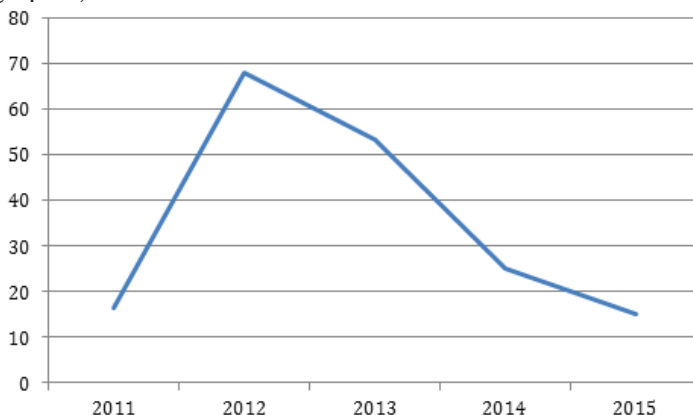
Table 4

Import turnover of wood products of Armenia in the period 2011–2015, thousand USD

Countries	Export turnover				
	2011	2012	2013	2014	2015
Total	148 406,23	157 151,1	156 770,72	162 580,29	125 282,83
Malaysia	100,014	127,532	109,755	88,433	74,26
China	17 636,412	17 459,321	19 522,655	23 112,029	17 490,941
Vietnam	38,608	23,307	56,839	39,999	24,533

Source: World Integrated Trade Solution.

Export turnover of Vietnam to Kyrgyzstan tends to decrease. This trend is difficult to forecast mainly because Vietnamese products have just penetrated into this market. According to the statistics, the export turnover in 2011 was 16.496 thousand USD, increased sharply to more than 68 thousand USD in 2012 and decreased again in the following years. With the small export value, Vietnam is currently exporting few consignments to this market (graph 3).



Graph 3. Export turnover of Vietnam to Kyrgyzstan in the period of 2011–2015, thousand USD

Source: World Integrated Trade Solution.

2.2. Market structure of wood products to the EAEU

The members of the EAEU are abundant in raw wood for exporting. Therefore, the major imported products from Vietnam are wooden furniture. Typically, based on their application Vietnamese wooden products fall into 4 groups. *The first one* is the outdoor furniture such as benches, garden chairs, sunshades, swings and so on. *The second group* involves the furniture products, such as tables, chairs, beds, bookshelves and so on. *The third one* is fine art furniture made from natural wood as well as carved furniture. *The fourth* is the processed wood products combined with other materials such as rattan, metal, cloth and so on. *The last group* consists of wooden board products including wood sheet products made from wood and fibrous materials. According to the HS code, there are HS 44 for the products of wood chips, sawn timber, processed wood and HS 94 for furniture products. Vietnam exports to the EAEU mainly the products under code 94, typically wooden furniture and wooden frame chair. Wooden furniture used in the bedroom accounts for 9% of total export turnover, other wooden furniture products account for 51% of the total export value. Wooden frame chairs make up 29% of the total export value. Among the rest each takes 2% equally, including mosaic wooden products, wooden decoration products, wooden construction products, carpentry tools as well as wooden panels with porous core, floor parquets and assembled singles.

In general, Vietnam's export activities to the EAEU are rare due to many reasons which follow:

1. Vietnam and the members in the EAEU are traditional trading partners since Soviet times. After the collapse of the Soviet Union in 1991 both Vietnam and these countries carried out economic reform leading to market and external economy. The trade relations between Vietnam and these countries brought new nuances based on market principles and win-win situation. However the stagnancy in national trade has made Vietnam unfamiliar with these nations. The business cooperation between the parties is limited due to this lack of information and comprehension, which caused the general trade and international wooden trade facing difficulties.

2. The geographic distance between Vietnam and these countries is another main barrier to trade. Transportation costs account for 30-35% of the value of Vietnamese wood exports. The Vietnam's products exported to these countries usually go through intermediate countries, through European countries and then through Russian, thus, resulting in high products' prices. Meanwhile, Vietnam's competitors such as China and some CIS countries take advantage of geographical distance, dominate the EAEU markets, and make the Vietnamese products less competitive. China is currently considered the largest partner of the EAEU with the annual export turnover of more than US \$1 billion with a wide range of products in terms of design and quality. Not only that the neighbors and the members themselves have produced the competitive and widely consumed products. Meanwhile, Vietnam's products are not diversified in terms of design and quality. Furthermore, the price is comparatively high since Vietnam has to import raw materials and the transport costs are high.

3. Another reason is the payment issue. Vietnamese businesses mainly use two methods of payment: T.T.R (Payment by money transfer) or L/C (Letter of Credit). T.T.R is a quick and convenient form of payment, yet it is risky because it depends on the relationship between partners and the specific terms and conditions in the contract. Therefore business partners prefer to pay by L/C. However in practice Vietnamese enterprises hardly get the payment from the small and medium-sized enterprises (further SMEs) in the EAEU when exporting wooden products. Since the value of the contracts is low these SMEs only open L/C in some local and small banks that Vietnamese banks do not trust in the guarantee. Furthermore, the Russian Federation is embargoed by the Western countries, the payment in Dollars is difficult, meanwhile, the payment by the Russian ruble is disadvantageous due to this currency's devaluation and unpredictable fluctuation.

4. In addition to the aforementioned reasons the technical barriers of the members in the EAEU prevented the market penetration of wood products from Vietnam.

3. Prospects to promote the export of wood and timber products from Vietnam to the EAEU

Vietnamese wood export (though to more than 120 countries) still concentrates in major markets, such as the US, the EU, Japan, China and so on. Based on the forecasts all of these large markets will slow down; among the US policy adjustment will affect not only the US but also the world's economy. Meanwhile, there are various opportunities for Vietnamese wood products in the EAEU and Russian markets. The decline in Vietnam's major wood import markets further motivates Vietnam to seek for new markets, including the EAEU members.

The EAEU market has the population of 176 million people and the GDP of more than \$4 trillion. More important, the EAEU market does not have as strict regulations and standards as that of the Japanese or the EU market that Vietnam can response to, although these standards are not consistent with international standards. Besides Vietnam is advantageous because of the longstanding relationship with the EAEU members, so the partners will find easier for comprehending and getting common voice. Also a large number of Vietnamese livings in these countries may develop this cooperation. At the same time countries like Armenia and Kyrgyzstan have relatively low standards for Vietnamese exporters to consider expanding market over the years.

The signing of the FTA between Vietnam and the EAEU members promotes great prospects for Vietnamese wood products. Under the commitment to reduce taxes on these commodities, the tax for fuel wood or primary processing wood (such as sawdust, wood chips and charcoal) has been cut from the normal base 3–5% to 0% right after entering into force. Besides the tax for furniture good (the advantage of Vietnam) is reduced immediately from 25% to 0%.

With a 0% in tariffs on the wood product that Vietnam has largest share of exports to the EAEU, the FTA between the EAEU members and Vietnam opens up great opportunities for Vietnam to boost wood exports. Although the EAEU sets criteria of origin or sustainability that Vietnamese exporters need to pay attention to, the requirements

can be met by Vietnamese exporters, which create chances for them to penetrate and expand the market.

Vietnam's good products rely heavily on imported raw wood, hence the VN- EAEU FTA supports the businesses to reduce their material costs through preferential tariffs by importing a wide variety of wood from these own members. Once Vietnam can utilize the available resources in these markets, the businesses can meet their orders with lower production costs than that of other exporting nations.

The implementation of the VN – EAEU FTA create the first-mover advantages for Vietnam's timber export since other export nations in this region have not signed any agreements. The VN – EAEU FTA is the first free trade agreement signed between these regions with the outside country, hence establishing more incentives for Vietnam's timber products.

Nevertheless, under the agreement the EAEU may apply a threshold-based measure of protection against certain imports of Vietnamese origin into the territory if the annual amount of imports exceeds the specific corresponding threshold. Threshold safeguard measures will be applied in the form of tariffs for commodities, which are equivalent to the most-favored nation tariffs starting on the date the safeguard measure is enacted and applying in a period of not more than six months. In addition, if the quantity of imports exceeds 150% of the prescribed threshold on the date that this measure is enacted, the period of this measure's application can be extended for three months further.

Accordingly, even the EAEU's FTA facilitates the wood export activities from Vietnam; it strictly limits the import quota. Besides, some of the Vietnam's export advantageous products are not committed to support by the EAEU. The EAEU has completely eliminated its commitment to wooden framed furniture that is Vietnam's export strength. For wooden products that their tax rates have reduced from 15% to 0%, threshold safeguard measures will be applied and some products will not be committed to support. The EAEU has also applied special protection mechanism against Vietnamese furniture commodities, which are also the strengths of Vietnam's exports to the EAEU, such as the furniture in the kitchen, bedroom, living room or office (if the exported amount is under quota in the category the products will be entitled to a tax rate of 0%, if the amount is above the quota they will be investigated about the impacts on the domestic market and will be applied the current MFN tariff).

These regulations may become the obstacles for Vietnam in expanding into the EATU market.

Finely, timber is a commodity that the EAEU market has a high demand of and is a commodity that Vietnam has great potential for export. However, the current export amount of wooden products to the EATU market is still small. The introduction of a free trade agreement between Vietnam and the EAEU will create many new export opportunities for Vietnamese wooden products to enter into the EAEU market. However, since there are various obstacles when entering into this market, Vietnamese wooden exporters should find the way to overcome the difficulties and take the market in the coming years.

The gaining of the EAEU market by Vietnamese exporters can promote growth in logistics companies' business activities. Hence, the study of logistics companies' products competitiveness factors appears to be a significant issue in relation to the Free Trade Agreement implementation.

1. О ратификации Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны, Протокола N 1 между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам к Соглашению о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны, и Протокола N 2 между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам к Соглашению о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны: Федеральный закон от 01.05.2016 № 120-ФЗ // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2016/05/06/vietnam-dok.html>
2. Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны // Справочно-правовая система «Консультант плюс».
3. Безруков И.С., Шпехт Л.С. Комплексная оценка конкурентоспособности предприятий // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2011. № 1 (10). С. 7–15.
4. Исаев А.А. Оценка конкурентоспособности продукции: методологический аспект // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. № 2(37). С. 83–89.
5. Портер М. Международная конкуренция: гер. с англ./ под ред. и с предисл. В.Д. Щетинина. М.: Междунар. отношения, 1993. 896 с.
6. Портер М. Конкурентная стратегия: приемы анализа производств и конкурентов: с новым предисловием. Нью-Йорк: Фри пресс, 1980. 398 с.
7. Ворожбит О.Ю., Даниловских Т.Е., Шевченко Д.К. Оценка предпринимательской активности в рыбохозяйственной деятельности, как основа формирования благоприятного имиджа территории // Интернет-журнал «Науковедение». М., 2012. № 4(13). С. 1–5.

References

1. On ratification of the Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its member states, of the one part, and the Socialist Republic of Viet Nam, of the other part, Protocol 1 between the Eurasian Economic Union and its member states, of the one part, and the Socialist Republic of Viet Nam by the Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its member states, of the one part, and the Socialist Republic of Viet Nam and Protokol 2 between the Eurasian Economic Union and its member states, of the one part, and the Socialist Republic of Viet Nam to the Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its member states, of the one part, and the Socialist

- Republic of Viet Nam: Federal Law dated 01.05.2016 No 120–ФЗ, *Rossiyskaya gazeta*, URL: <https://rg.ru/2016/05/06/vietnam-dok.html>
2. Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its member states, of the one part, and the Socialist Republic of Viet Nam, of the other part, *Information legal data base «Consultant plus»*.
 3. Bezrukov I.S., Shpekht L.C. Complex analysis of companies competitiveness, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2011, No 1 (10), pp. 7–15.
 4. Isaev A.A. Otsenka konkurentosposobnosti produktsii: metodologicheskii aspekt, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, No 2(37), pp. 83–89.
 5. Porter M. International competition: Transl. from English, edited and introduced by V.D. Shetinina, M.: *International relations*, 1993, 896 p.
 6. Porter M. Competitive strategy: techniques for analyzing industries and competitors: with a new introduction, *New York: Free Press*, 1980. 398 p.
 7. Vorozhbit O.Yu., Danilovskikh T.E., Shevchenko D.K. Otsenka predprinimatel'skoi aktivnosti v rybokhozyaistvennoi deyatelnosti, kak osnova formirovaniya blagopriyatnogo imidzha territorii, *Internet-zhurnal «Naukovedenie»*, M., 2012, No 4(13), pp. 1–5.

© До Хьонг Лан (Do Huong Lan), 2017

© Нгуен Хонг Ча Ми (Nguyen Hong Tra My), 2017

© Т.В. Евсеева, 2017

© Г.П. Старкова, 2017

Для цитирования: До Хьонг Лан, Нгуен Хонг Ча Ми, Евсеева Т.В., Старкова Г.П. Обеспечение конкурентоспособности продукции логистического предприятия в свете реализации Соглашения о свободной торговле между Вьетнамом и странами Евразийского экономического союза // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9, № 3. С. 86–108.

For citation: Do Huong Lan, Nguyen Hong Tra My, T.V. Evseeva, Starkova G.P. Logistics companies' products competitiveness provision in relation to implementation of the Free Trade Agreement between the Vietnam and the Eurasian Economic Union, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, Vol. 9, No 1, pp. 86–108.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3/86-108

Дата поступления: 22.08.2017.

Н.В. Шашло¹

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Хамзе Махмуд Аль-Равашдех²

Университет Зарка
Зарка. Иордания

Обеспечение продовольственной безопасности на макро- и микроэкономическом уровнях как важнейший приоритет аграрной политики государства

Исследованы теоретические и практические основы обеспечения продовольственной безопасности как на микро-, так и на макроуровне. Предложены принципы и уровни обеспечения продовольственной безопасности как приоритет аграрной политики. Определены параметры оценки состояния продовольственной безопасности. Выделены уровни продовольственного обеспечения страны. Исследованы взаимозависимые и взаимообусловленные внешние и внутренние риски каждого уровня обеспечения продовольственной безопасности. Выделены факторы, влияющие на обострение мирового продовольственного кризиса. Проведен анализ продовольственной безопасности Иордании и степени самообеспеченности населения продуктами питания. Дана оценка сельскохозяйственного землепользования в Иордании. Исследована динамика производства сельскохозяйственных культур, в частности, посевная площадь, урожайность и валовой сбор по группам культур. Проанализировано производство основных видов продукции растениеводства на одного человека. Разработаны стратегические направления обеспечения продовольственной безопасности на макро- и микроэкономическом уровнях страны в контексте реализации научно обоснованной аграрной политики. Предложены стратегические направления обеспечения продовольственной безопасности, которые целесообразно осуществлять в сферах: потребления и регулирования деятельности аграрных предприятий (микроуровень).

Ключевые слова и словосочетания: продовольственная безопасность, самообеспеченность, аграрная политика, продовольственная независимость, уровень потребления, предприятия АПК.

¹ Шашло Нина Владимировна – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики, заведующий отделом аспирантуры и докторантуры; e-mail: ninellsss@gmail.com.

² Хамзе Махмуд Аль-Равашдех – канд. экон. наук, доцент кафедры управления, Университет Зарка; e-mail: Hamza_amman@yahoo.com.

N.V. Shashlo¹

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

Hamza Mahmoud Al-Ravashdeh²

Zarqa University
Zarqa, Jordan

Food security ensuring at the macro- and microeconomic levels as the most important priority of the state agricultural policy

The article explores the theoretical and practical foundations of the food security ensuring both at the micro level and at the macro level. The principles and levels of the food security ensuring as a priority of agricultural policy are proposed. The parameters for evaluation of the food security condition are determined. The levels of the country's food supply are singled out. The interdependent and mutually conditioned external and internal risks of each level of the food security ensuring are analyzed. Factors influencing the aggravation of the world food crisis are singled out. The analysis of the food security in Jordan and the level of self-sufficiency of the population with foodstuff are analyzed. Agricultural land use in Jordan is evaluated. The dynamics of crop production, in particular, the sown area, yielding capacity and gross collection by groups of crops is studied. The production of the main types of crop production per person is analyzed. The strategic directions of the food security ensuring at the macro and microeconomic levels of the country in the context of implementation of scientifically based agrarian policy are developed. Strategic directions for the food security ensuring are proposed. These directions are expedient for carrying out in the spheres of: consumption and regulation of the activities of the agrarian enterprises (micro level).

Keywords: food security, self-sufficiency, agricultural policy, food independence, consumption level, agribusiness enterprises.

Введение. Обеспечение страны продовольствием является стратегической задачей, поскольку от ее решения зависят не только продовольственная, но и экономическая безопасность. Продовольственная безопасность является необходимым условием жизни индивидуума и общества в целом, обеспечивая его функции и возможности развития – демографические, экономические, политические, культурные, интеллектуальные и др. Проблема продовольственной безопасности не имеет конъюнктурного характера, ее актуальность определяется соответствующим уровнем продовольственной безопасности, подтверждением чего является правовое обеспечение и пристальное внимание к проблемам продовольственной безопасности в России, Китае, Японии, СНГ, странах Арабского Востока. Следовательно, проблема обеспечения продовольственной безопасности крайне актуальна. Цель статьи – исследование теоретических и практических основ и обоснование

¹ Shashlo Nina Vladimirovna – Candidate of economic sciences, associate professor of the Chair of economics, chief of Department of postgraduate and doctoral studies; e-mail: ninellsss@gmail.com.

² Hamza Mahmoud Al-Ravashdeh – Candidate of economic sciences, associate professor of the chair of management, Zarqa University; e-mail: Hamza_amman@yahoo.com.

практических направлений обеспечения продовольственной безопасности на макро- и микроэкономическом уровнях страны в контексте реализации научно обоснованной аграрной политики.

Предмет и источниковая база исследования. Актуальность проблемы обеспечения продовольственной безопасности как приоритета аграрной политики является неоспоримой, на что указывают многочисленные теоретические исследования как отечественных, так и зарубежных ученых: В.Г. Андрийчука, В.Я. Амбросова, В.И. Богачева, В.И. Бойка, В.И. Власова, В.П. Галушка, Д.П. Доманчука, С.Н. Кваши, П.Т. Саблука, В.Г. Ткаченко, Н.Й. Хорунжого, В.В. Юрчишина.

Методы исследования. Поставленные в статье задачи были решены с использованием монографического, графо-аналитического, статистических группировок и других методов научного абстрагирования и логического обобщения.

Основной материал исследования. Тенденции развития мирового сельского хозяйства, обострение продовольственной проблемы на международном уровне повышают внимание к национальной продовольственной безопасности. Каждая страна должна определять параметры продовольственной безопасности, риски, которые могут ее ослабить, и на этой основе разрабатывать стратегию и направления развития агропромышленного комплекса с учетом рационального использования его потенциала.

Продовольственная безопасность является важным составным элементом национальной государственной безопасности и характеризует экономическую устойчивость и политическую независимость существующей системы, ее способность обеспечивать первичные потребности своих граждан без ущерба национально-государственным интересам [1]. В русле социально-экономического аспекта продовольственная безопасность характеризует способность государства обеспечить гражданам потребление основных продуктов питания в соответствии со стандартами и нормами. Второй аспект – политико-экономический – характеризует способность государства к мобилизации внутренних резервов и агроэкологического потенциала страны для обеспечения населения продовольствием преимущественно за счет собственного производства, тем самым гарантируя экономическую самостоятельность и политический суверенитет [2, 3].

Н.Й. Хорунжий дает следующее определение продовольственной безопасности – возможность государства при любых обстоятельствах гарантировать и обеспечивать потребности населения в продовольствии на уровне научно обоснованных норм потребления и в соответствии с его платежеспособностью и по ценам, которые сложились на рынке продовольствия [4].

Основой продовольственной безопасности является продовольственная независимость, которая рассматривается как устойчивое отечественное производство пищевых продуктов в объемах, не ниже установленных пороговых значений его удельного веса в товарных ресурсах внутреннего рынка соответствующих продуктов [5].

Обеспечение продовольственной безопасности как приоритет аграрной политики должно основываться на следующих принципах и охватывать определенные уровни (рис. 1).



Рис. 1. Уровни и принципы обеспечения продовольственной безопасности

Продовольственная безопасность зависит от уровня развития агропромышленного производства страны. Переход к рыночным условиям хозяйствования оказал влияние на развитие всего агропродовольственного сектора по нескольким направлениям. Особенно эта зависимость проявилась в падении объемов производства основных групп продовольственных и сельскохозяйственных товаров, росте диспаритета цен на промышленную продукцию и услуги для сельского хозяйства и сельскохозяйственную продукцию, резком падении покупательского спроса населения, возросшем уровне импортозависимости сельскохозяйственного производства, уменьшении уровня государственной поддержки АПК.

Гарантия продовольственной безопасности населения является важнейшим приоритетом аграрной политики государства. Определение состояния продовольственной безопасности оценивается по следующим параметрам [6]:

- физическая доступность продовольствия – наличие необходимого ассортимента продовольственных товаров на всей территории страны;
- экономическая доступность продовольствия – уровень доходов, позволяющий приобретать продукты питания, в частности, на минимальном уровне потребления;
- безопасность продовольствия для потребителей – предотвращение производства и реализации некачественных пищевых продуктов, которые могли бы нанести вред здоровью населения.

Можно выделить семь уровней продовольственного обеспечения [1]:

- 1) катастрофический – суточное потребление на одного человека 1550–1800 ккал (хроническое недоедание);
- 2) критический – суточное потребление на одного человека 1800–2200 ккал (преодоление хронического недоедания);

- 3) минимальный – суточное потребление на одного человека 2300–2800 ккал;
- 4) рациональный (нормальный) – суточное потребление на одного человека 2800–3600 ккал;
- 5) рациональный (нормативный) – суточное потребление на одного человека 3300–3600 ккал;
- 6) оптимальный – суточное потребление на одного человека 3300–3600 ккал и потребление экологически чистых продуктов питания;
- 7) перспективный – достижение продовольственного обеспечения для всех социальных групп, которое позволит совершенствовать природу человека и осуществлять активную жизнедеятельность.

Каждый уровень обеспечения продовольственной безопасности сопряжен с воздействием динамичной совокупности внешних и внутренних рисков, взаимозависимых и взаимообусловленных (см. рис. 1).

Макроэкономические риски обусловлены снижением инвестиционной привлекательности аграрного сектора, снижением конкурентоспособности продукции, а также зависимостью от внешнеэкономической конъюнктуры.

Технологические риски связаны с отставанием от экономически развитых стран в уровне технического и технологического оснащения производственной базы сельхозтоваропроизводителей, что ведет к снижению конкурентоспособности их продукции.

Природно-климатические риски обусловлены тем, что сельскохозяйственное производство ведется в большинстве территорий в условиях зоны рискованного земледелия, следовательно, колебания в урожайности порождают и колебания в объемах валового производства.

Агроэкологические риски предопределены возможными последствиями чрезвычайных техногенных ситуаций.

Риск снижения качества и безопасности пищевых продуктов объясняется различиями в требованиях к безопасности пищевых продуктов и организации системы контроля по их соблюдению.

Внешнеторговые риски возможны из-за изменений рыночной конъюнктуры, применения эффективных мер государственной поддержки в зарубежных странах при отсутствии мер поддержки отечественных сельхозтоваропроизводителей.

Обострение продовольственной проблемы на международном уровне повышает актуальность исследования национальной продовольственной безопасности. По нашему мнению, факторами, влияющими на обострение мирового продовольственного кризиса, можно считать:

- рост населения на планете (ежегодно на 70 млн человек; если в 1990 г. численность составляла 5,26 млрд, то в 2009 – 6,6 млрд человек, где 90% прироста приходится на слаборазвитые страны);
- глобальные изменения в структуре спроса на продовольственные товары, повышение цен на продовольственные товары;
- изменения климата на планете, неблагоприятные погодные условия и стихийные бедствия;

- сокращение пресной воды (2,7% – пресной воды на планете, из которых 70% использует агропромышленный комплекс);
- уменьшение посевных площадей;
- развитие рынка биотоплива;
- рост затрат аграриев на производство продукции (рост цен на нефть, транспортные тарифы, цены удобрений).

Наличие всех вышеперечисленных рисков формирует угрозы продовольственной безопасности каждой страны, которые могут приводить к несоблюдению пороговых значений по критериям продовольственной безопасности.

Вопросы продовольственной безопасности в Иордании имеют общегосударственное значение. Ни одна отрасль народного хозяйства не находится в такой тесной взаимосвязи с окружающей средой, как сельское хозяйство. Общая площадь сельскохозяйственных угодий в Иордании в 1990–2015 гг. незначительна (табл. 1): 1990 г. – 12% сельскохозяйственных угодий в общей земельной площади страны, 2015 г. – 10,78%.

Таблица 1

Сельскохозяйственное землепользование в Иордании, 1990-2015 гг.

Показатели	1990	1995	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2015
Общая земельная площадь страны, тыс. га	8824	8824	8824	8824	8824	8878	8878	8878	9230	8878
Площадь с.-х. угодий, тыс. га	1040	1114	1069	1013	972,5	1025	1002,3	1002,6	1003,6	1046
<i>% от общей земельной площади</i>	11,79	12,62	12,11	11,48	11,02	11,55	11,29	11,29	10,87	10,78
Орошаемые с.-х. угодия, тыс. га	60	69	75	80	93	95	96	96	97	87
Пашня, тыс. га	179	252	190	185	150	201	178	176	177	237
<i>% от площади с.-х. угодий</i>	17,23	22,62	17,77	18,26	15,37	19,59	17,72	17,55	17,63	22,65
Многолетние насаждения, тыс.га	70	71	88	86	81	82	83	85	86	97,5
<i>% от площади с.-х. угодий</i>	6,73	6,37	8,23	8,49	8,33	8,02	8,25	8,48	8,57	9,32
Сенокосы и пастбища, тыс. га	791	791	791	742	742	742	742	742	742	745
<i>% от площади с.-х. угодий</i>	76,04	71,01	73,99	73,25	76,3	72,4	74,03	74,01	73,93	71,22
Земля под паром, тыс. га	17	18	22	23	31	59	44	61	60	59

Примечание: сост. по [7].

Иордания – землеемкая страна, объем производства аграрной продукции которой напрямую зависит от площадей сельскохозяйственной земли. Структура всего земельного фонда Иордании выглядит следующим образом: пригодны к обработке

земли составляют около 1100 тыс. га, из них около 200 тыс. га – богарные земли, которые не обрабатываются из-за недостатка воды, 60–100 тыс. га (7–10%) орошаются, ежегодно примерно 100 тыс. га остается под паром. Это одна из главных причин значительных колебаний урожайности сельскохозяйственных культур.

Основная отрасль сельского хозяйства Иордании – растениеводство. Продукция растениеводства составляет 62% сельскохозяйственного производства в стране. Важнейшими видами растениеводства являются зелень и овощи, цитрусовые и некоторые виды фруктов. Наряду с этими культурами выращиваются зерновые и зернобобовые культуры. Главный земледельческий район – долина реки Иордан. Здесь культивируют зерновые, бобовые, овощи (помидоры, баклажаны, капуста, огурцы), фрукты, арбузы, дыни, оливковые и цитрусовые, некоторые технические культуры (табл. 2).

Таблица 2

Динамика производства сельскохозяйственных культур в Иордании

Показатели	1990	1995	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2015
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Посевная площадь, тыс. га										
Зерновые и зернобобовые культуры	105,8	125,1	33,1	67,2	41,4	49	45	102,3	54	89
Масличные культуры	36,7	62,8	64,0	64,6	60,53	60,5	60,8	61,03	62,14	67,2
Цитрусовые	5,78	6,3	7,6	6,7	6,8	6,8	6,84	6,85	6,86	6,98
Картофель	2,8	4,3	3,7	4,8	5,8	5,8	3,8	5,8	5,9	6,4
Овощи и бахчевые	29,9	38,1	29,3	32,7	35,8	35,8	37,2	40,5	37,3	44,2
Фрукты, плоды и ягоды	24,4	18,6	23,2	21,6	22,0	22,0	22,4	23,2	24,7	22,5
Урожайность, центнеров с 1 га										
Зерновые и зернобобовые культуры	0,12	0,1	0,2	0,15	0,11	0,12	0,2	0,1	0,15	0,14
Масличные культуры	0,38	0,23	0,46	0,38	0,32	0,51	0,62	0,47	0,55	0,54
Цитрусовые	2,8	2,9	1,6	2,4	1,4	1,5	1,7	1,6	1,7	1,8
Картофель	3,1	2,5	2,6	3,5	2,4	3,1	3,1	3,6	3,8	3,2
Овощи и бахчевые	2,7	2,8	3,0	3,7	3,6	3,8	3,9	4,7	4,9	4,3
Фрукты, плоды и ягоды	1,1	1,7	1,0	1,4	1,2	1,3	1,2	1,3	1,4	1,2
Валовой сбор, тыс. т										
Зерновые и зернобобовые культуры	129	124,8	57,2	102,4	47,5	60,9	87,3	83,1	84,1	90,8
Масличные культуры	14,1	14,3	29,6	24,9	20,7	31	37,8	20,1	34,2	35,1
Цитрусовые	155,1	184,2	124,6	136,3	91,7	105,2	118,6	106,8	115,6	116,8
Картофель	89,7	111	97,1	172,1	139,8	118,7	174,9	216,5	141,5	216,5
Овощи и бахчевые	805,6	1028	891,8	1223	1314	1422	1610	1750	1830	2345
Фрукты, плоды и ягоды	255,4	314,6	238,7	297	260	288,4	289,5	319,7	335,6	358,8
Производство основных видов продукции растениеводства на одного человека, кг										
Зерновые и зернобобовые культуры	165,9	154,1	146,4	165,6	166,2	154,2	149,1	141,3	139,1	140,5
Масличные культуры	4,6	4,8	9,7	7,5	7,4	9,4	9,8	10,2	11,2	11,3
Цитрусовые	37,9	39,9	25	21,8	16,3	16,8	16,5	17,1	16,4	16,9

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Картофель	22,0	18,4	17,8	27,2	27,4	21,5	22,5	23,5	24,1	25,0
Овощи и бахчевые	84,7	136,4	96,6	118,3	98,3	99,2	100,4	101,2	108,1	115,2
Фрукты, плоды и ягоды	71,5	72,0	53,5	56,3	50,4	53,1	54,3	55,7	56,8	58,1

Примечание: сост. по [7].

В Иордании производство зерновых и зернобобовых культур для обеспечения потребности населения и животноводства в кормах является важнейшей проблемой сельского хозяйства. Среднегодовая потребность в зерне составляет около 7 млн т. Однако в последние годы произошло резкое падение его производства. Так, в неблагоприятные по погодным условиям годы производство зерна составляет всего 400–450 тыс. т, то есть около 12 % от потребности, а недостающую часть приходится импортировать. Резкие спады и подъемы производства зерна в Иордании за последние годы свидетельствуют о несовершенстве технологий возделывания зерновых культур, а также снижении посевных площадей вследствие необеспеченности их влагой. Из-за острого дефицита водных ресурсов в стране орошаются преимущественно овощные и плодовые культуры, а зерновые культуры выращиваются, как правило, при естественном увлажнении. Из общей площади орошаемых земель Иордании, овощными культурами занято 33,9 тыс. га, плодовыми – 29,6 тыс. га, а зерновыми – 8,1 тыс. га. Несмотря на высокие хлебопекарные качества зерна, урожайность пшеницы в Иордании низкая и составляет –1,2–1,4 т/га. Для условий Иордании основной причиной снижения урожайности зерновых является недостаток влаги в почве. Поэтому способы обработки почвы должны быть направлены на максимальное накопление и сохранение почвенной влаги. Таким образом, в данной зоне для совершенствования технологии возделывания зерновых следует оптимизировать сочетание особенностей природной среды, обработки почвы и других агротехнических приемов. Использование оптимальных ресурсосберегающих технологий позволит максимально раскрыть возможности выращивания зерновых и на основе этого решить проблемы производства высококачественного продовольственного и семенного зерна.

Овощеводство – единственная отрасль сельского хозяйства, которая полностью обеспечивает внутренние потребности страны, а излишки вывозятся за границу. Урожайи овощей и плодов более стабильные, так как огороды и сады размещаются главным образом на орошаемых землях и в меньшей степени зависят от количества осадков (рис. 2).

Степень самообеспеченности овощами в 2015 г. составила 90%, производство фасоли обеспечивало внутренние потребности на 236%, баклажан – 220%, цветной и кочанной капусты – 200%, помидор – 187%, кабачков и зеленого горошка – 176%. Степень самообеспеченности в пшенице – 23%, что указывает на то, что потребление зерновых культур опирается на импортируемое зерно.

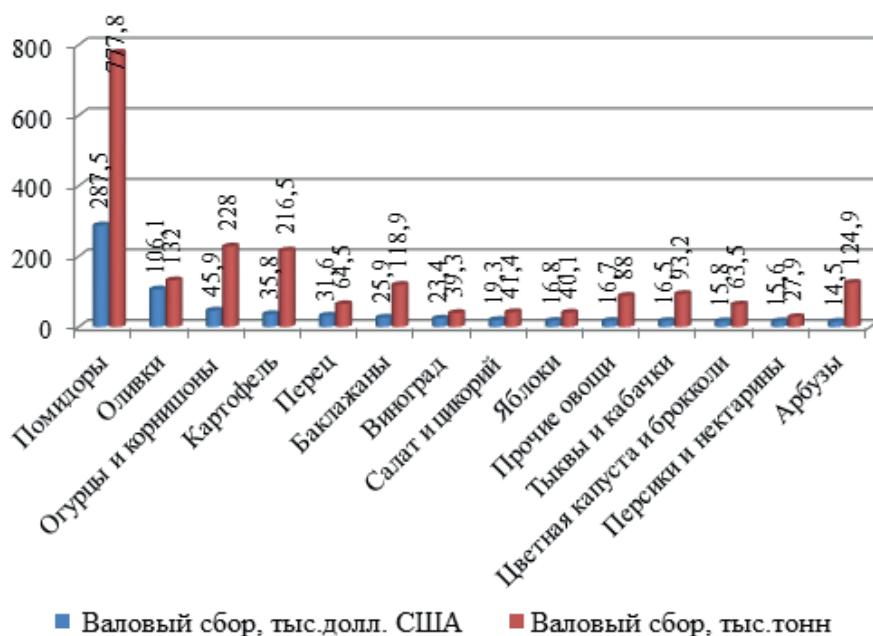


Рис. 2. Производство продукции овощеводства в Иордании, 2015 г. [7]

Что касается сельскохозяйственного экспорта, то основная часть из Иордании поступает в арабские страны, в первую очередь в нефтедобывающие: Саудовскую Аравию, ОАЭ, Ирак. Это связано с географической близостью Иордании к нефтедобывающим странам и отсутствием условий производства овощей в этих государствах. Соседние арабские страны импортируют из Иордании овощи и некоторые виды фруктов, которые рано созревают благодаря уникальным климатическим условиям Иорданской долины. Таким образом, внешняя торговля играет исключительную роль в удовлетворении внутренних потребностей Иордании в продовольствии, покрытии продовольственного дефицита, а также в поступлении в страну валютных доходов. Наряду с этим торговле принадлежит ведущая роль в стимулировании развития сельскохозяйственного производства на основе снабжения его средствами производства.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что Иордания не обеспечивает свою продовольственную безопасность в полной мере. Сельское хозяйство Иордании, в частности растениеводство, подвержены влиянию многих факторов: обеспеченность водными и земельными ресурсами, неблагоприятный климат для выращивания многих культур, импорт продовольствия. Учитывая тот факт, что большинство хозяйств ведется на богарных землях, неизбежными становятся колебания в приросте урожая.

По нашему мнению, для обеспечения продовольственной безопасности с учетом всех рисков аграрная политика Иордании должна осуществляться по следующим стратегическим направлениям:

– развитие экономических связей на равноправных условиях со странами-экспортерами продукции, так как внешняя торговля играет заметную роль в обеспечении сельского хозяйства оборудованием, сельскохозяйственными машинами, удобрениями, семенами, пестицидами, препаратами, породистым и продуктивным скотом и прочим необходимым для удовлетворения потребностей сельскохозяйственного производства;

– повышение почвенного плодородия и урожайности, расширение посевов сельскохозяйственных культур за счет неиспользуемых земель, реконструкция и строительство мелиоративных систем;

– повышение эффективности использования имеющегося научно-технического потенциала;

– расширение и интенсивное использование потенциала водных биологических ресурсов;

– создание новых технологий глубокой и комплексной переработки продовольственного сырья, методов хранения и транспортировки;

– развитие научного потенциала агропромышленного комплекса, поддержка новых научных направлений и реализация мер, предотвращающих утечку научных кадров;

– усиление темпов структурно-технологической модернизации аграрного комплекса, воспроизводства природно-экологического потенциала;

– развитие системы подготовки и повышения квалификации кадров, способных реализовать задачи развития аграрного сектора с учетом требований продовольственной безопасности;

– совершенствование механизмов регулирования рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в части устранения ценовых диспропорций.

В сфере потребления:

– формирование механизма ценообразования на основе индикативных цен на основные виды сельскохозяйственной продукции;

– повышение доступности продовольствия для всех групп населения за счет создания механизмов адресной продовольственной помощи социально незащищенным группам населения, уровень доходов которых не позволяет им обеспечить полноценное питание;

– формирование здорового типа питания на основе разработки программ по проблемам здорового питания;

– в направлении физической доступности пищевых продуктов необходимо создать условия для ускоренного развития инфраструктуры рынка с целью повышения культуры потребления и степени удовлетворенности потребителей в продуктах питания;

– для обеспечения безопасности пищевых продуктов необходимо контролировать соответствие требованиям законодательства страны в области сельскохозяйственной продукции и продовольствия, в том числе импортированных; исключить бесконтрольное распространение пищевой продукции, полученной из генетически

модифицированных растений с использованием генетически модифицированных микроорганизмов.

В сфере регулирования деятельности аграрных предприятий (микроуровень):

– повышение эффективности государственной поддержки, создание условий для финансовой устойчивости и платежеспособности аграрных предприятий;

– формирование благоприятного инвестиционного климата путем налоговых льгот и увеличения объемов капитальных вложений как инструмента государственной аграрной политики;

– усовершенствование рыночных механизмов ценового регулирования, в том числе паритетных ценовых отношений на все виды продукции;

– повышение конкурентоспособности аграрных предприятий;

– льготное кредитование аграрных предприятий;

– финансовая поддержка фермерских хозяйств со стороны государства;

– освоение новейших ресурсосберегающих технологий аграрного производства;

– внедрение современных методов управления аграрными предприятиями;

– формирование и развитие специализированных зон и концентрация производства основных видов сельскохозяйственной и пищевой продукции, формирование вертикально-интегрированных структур.

Выводы. Таким образом, продовольственная безопасность каждой страны определяется физической и экономической доступностью продовольствия, его качеством и безопасностью, уровнем и структурой потребления продуктов питания населением, устойчивостью продовольственного рынка, уровнем развития отраслей и предприятий АПК и эффективностью использования их природно-ресурсного потенциала. Исходя из этого целью обеспечения продовольственной безопасности как приоритета аграрной политики государства должно стать достижение такого уровня аграрного производства, при котором потребление основных продуктов питания населением осуществляется на уровне научно обоснованных норм с дальнейшим улучшением его структуры и повышением качества продукции отечественного производства.

-
1. Ткаченко В.Г., Богачов В.І., Шашло Н.В. Вплив розвитку власності на підвищення ефективності аграрних підприємств в умовах господарювання регіонів України : монографія / за ред. проф. В.Г. Ткаченко. К: Видавничий дім, 2013. 224 с.
 2. Касьяненко В.А. Угрозы продовольственной безопасности: монография. М.: ООО «Проспект», 2016. 110 с.
 3. Продовольственная безопасность региона: монография / Ускова Т.В., Селименков Р.Ю., Анищенко А.Н., Чекавинский А.Н. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. 102 с.
 4. Павлов О.І., Хвесик М.А., Хорунжий М.Й. и др. Сталий розвиток та безпека агропродовольчої сфери України в умовах глобалізаційних викликів: монографія / за ред. О.І. Павлова. Одеса: Астропринт, 2012. 838 с.
 5. Лупенко Ю.О., Малік М.Й., Вітвіцький В.В. Теоретико-методологічні аспекти управління продуктивністю аграрного виробництва. К.: ННЦ «ІАЕ», 2017. 92 с.

6. Рыбная промышленность Дальнего Востока России: современное состояние, проблемы и перспективы конкурентоспособности : монография / Воровбит О.Ю., Даниловских Т.Е., Кузьмичева И.А., Титова Н.Ю., Шашло Н.В.; под общ. науч. ред. д-ра экон. наук О.Ю. Воровбит. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2016. 156 с.
7. Официальный портал Продовольственной сельскохозяйственной организации ООН FAO (Food and Agriculture Organization). URL: <http://www.fao.org>

Транслитерация

1. Tkachenko V.G., Bogachov V.I., Shashlo N.V. i dr. Vpliv rozvitku vlasnosti na pidvishchennya effektivnosti agrarnikh pidpriemstv v umovakh gospodaryuvannya regioniv Ukraini : monografiya / za red. prof. V.G. Tkachenko, K: Vidavnichii dim, 2013. 224 p.
2. Kas'yanenko V.A. Ugrozy prodovol'stvennoi bezopasnosti: monografiya, M.: OOO «Prospekt», 2016, 110 p.
3. Uskova T.V., Selimenkov R.Yu., Anishchenko A.N., Chekavinskii A.N. Prodovol'stvennaya bezopasnost' regiona: monografiya. Vologda : ISERT RAN, 2014, 102 p.
4. Pavlov O.I., Khvesik M.A., Khorunzhii M.I. i dr. Stalii rozvitok ta bezpeka agroprodovol'choi sferi Ukraini v umovakh globalizatsiinikh viklikiv: monografiya / za red. O.I. Pavlova. Odesa: Astroprint, 2012, 838 p.
5. Lupenko Yu.O., Malik M.I., Vitvits'kii V.V. i dr. Teoretiko-metodologichni aspekti upravlinnya produktivnistyu agrarnogo virobnitstva. K.: NNTs «IAE», 2017. 92 s.
6. Vorozhbit O.Yu., Danilovskikh T.E., Kuz'micheva I.A., Titova N.Yu., Shashlo N.V. Rybnaya promyshlennost' Dal'nego Vostoka Rossii: sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy konkurentosposobnosti : monografiya / pod obshch. науч. ред. д-ра экон. наук О.Ю. Ворозхбит. Владивосток: Изд-во VGUES, 2016, 156 p.
7. Ofitsial'nyi portal Prodovol'stvennoi sel'skokhozyaistvennoi orgnizatsii ООН FAO (Food and Agriculture Organization). URL : <http://www.fao.org>

© Н.В. Шашло, 2017

© Хамзе Махмуд Аль-Равашдех, 2017

Для цитирования: Шашло Н.В., Хамзе Махмуд Аль-Равашдех. Обеспечение продовольственной безопасности на макро- и микроэкономическом уровнях как важнейший приоритет аграрной политики государства // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9, № 3. С. 109–120.

For citation: Shashlo N.V., Hamza Mahmoud Al-Ravashdeh. Food security ensuring at the macro- and microeconomic levels as the most important priority of the state agricultural policy, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, Vol. 9, No 1, pp. 109–120.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3/109-120

Дата поступления: 28.07.2017.

Лю Чан¹

Вэнь Минмин²

Е Цзыси³

Лю Юн⁴

Чжао Сяюй⁵

Хейлунцзянский аграрный университет Ба И
Дацин. Китайская Народная Республика

Исследование «облачной» автоматизированной парковки как разновидности электронных административных услуг

С развитием глобальной компьютерной сети и мобильного Интернета осязаемое присутствие в информационном пространстве платформы «облачных» вычислений имеет *автоматизированная парковка*. В данной статье анализируется современное развитие «умной парковки» как нового витка информационных технологий и «умного кампуса» в облаке, который интегрируется в структуру системы управления информацией на базе архитектуры технического обеспечения такого управления. Результаты исследования отвечают современным потребностям *автоматизированной парковки* и могут служить ссылкой для подобного метода проектирования парковки.

Ключевые слова и словосочетания: платформа «облачных» услуг, электронные административные услуги, автоматизированная парковка.

¹ Лю Чан – кандидат наук, преподаватель Колледжа информационных технологий; e-mail: byndgjc@163.com.

² Вэнь Минмин – канд. экон. наук, декан Факультета человеческих ресурсов, e-mail: w-m-m@163.com.

³ Е Цзыси – заместитель директора Колледжа гуманитарных и общественных наук.

⁴ Лю Юн – научный сотрудник Центра биотехнологий.

⁵ Чжао Сяюй – кандидат наук, доцент Колледжа информационных технологий.

Liu Chang¹
Wen Mingming²
Ye Zixi³
Liu Yong⁴
Zhao Xiaoyu⁵

Heilongjiang Bayi Agricultural University
Daqing, China

Research on Cloud Service Platform of the Smart Park from the Perspective of the Smart City

With the development of global networking, mobile Internet, the rapid development and further application of cloud computing as a new round of information technology, smart park construction has become the trend of development. This paper analyzes the current development of the intelligent parking system, the design of networking and cloud computing smart campus integrated into management system architecture based on the application of the technical architecture. The findings of the research can meet the actual needs of Intelligent Park, which can provide a reference for similar construction of the park.

Keywords: cloud service Platform, smart city, smart park.

1. Introduction

In the era of global information and construction of the smart city there takes place the development pattern of the smart park. With cloud computing, networking and other new information technologies, with the perception of municipal administration, smart park is viewed as a new form of the city comprehensive support and sustainable development.

By the end of 2015, the total construction of the 48 national high-tech development Zone and state-level economic and technological development Zone are to promote the smart park. The typical Zhong Guancun science and Technology Park, Cao Hejing Development Zone of Shanghai, Xi'an high-tech Zone, Qingdao high-tech Zone and Suzhou Industrial Park. The development of the smart park in China faces the following three issues. *The first one* arises at the primary stage of its development, with regard to the architecture of information infrastructure to provide good support for the construction of the park. But the park infrastructure architecture, management and service systems are still decentralized, without the intensive synergistic effect. The integration of information technology and industrialization are still vacant. *The second issue* with regard to the smart park development concerns the level of regional imbalance, between the eastern

¹ Liu Chang – Ph.D, College of Information Technology; e-mail: byndgjc@163.com

² Wen Mingming – Candidate of Economical Science, Dean of the Faculty of human resources; e-mail: w-m-m@163.com.

³ Ye Zixi – Deputy director of Humanities and Social Sciences Management.

⁴ Liu Yong – Section of Biotechnology Center.

⁵ Zhao Xiaoyu – Ph.D, Associate Professor, College of Information Technology.

and central regions. There is a certain gap between the development levels of the western and northeastern smart parks, economically developed areas and strongly comprehensive technology park. The latter has begun relying on networking, cloud computing and information technology platform of the intelligent parking system construction. The backward park is still at the primary stage of information technologies. There is a common problem pertaining to the actual construction, i.e the lack of unified planning, management system architecture, the information island construction.

2. The development of Daqing smart park

In 2013, Daqing city set up “intelligent Daqing top-level design”, the construction of smart government, smart park, 6 rural intelligent application systems. The construction of the intelligent park made a clear plan in 2014: the key construction with the comprehensive management system and service platform. Create in 2016, a public service cloud platform appears to be the construction of the industrial chain of an integrated service system.

With the construction of Daqing high-tech Zone intelligent park, to improve the management and service architecture of the park (the latter being an important driving force for economic development and service transformation), there appear common problems and dilemma. *On the one hand*, parks and enterprises in their rapid development and growth face financing difficulties, rising costs, collaboration difficulty, information asymmetry, and other challenges. They are aimed to enhance the management information system, operation efficiency and innovation ability. *On the other hand*, the technological construction of parks and enterprises turns out to serve as the basic application stage and other basic applications, whereas the businesses continue to expand, external coordination increase. With a single simple application, it has been difficult to meet the demands and be more practical. The high cost of independent information architecture and the long cycle status have become a major obstacle to parks and enterprises adjusting to rapidly changing market demands.

With the widely spread cloud computing, mobile social network technologies and physical networking, the traditional IT application models began changing. To build the intelligent cloud service platform a new software business model SaaS was applied. It is based on the oriented industrial park with a broad market perspective. The intelligent park construction needs the advanced concept of height and technology, herewith emphasizing the practicability of the construction competitiveness with the IT service support. This paper elaborates the technical architecture, construction content and customer value of the intelligent cloud service platform for industrial parks.

3. Overall solution

3.1. The park service architecture

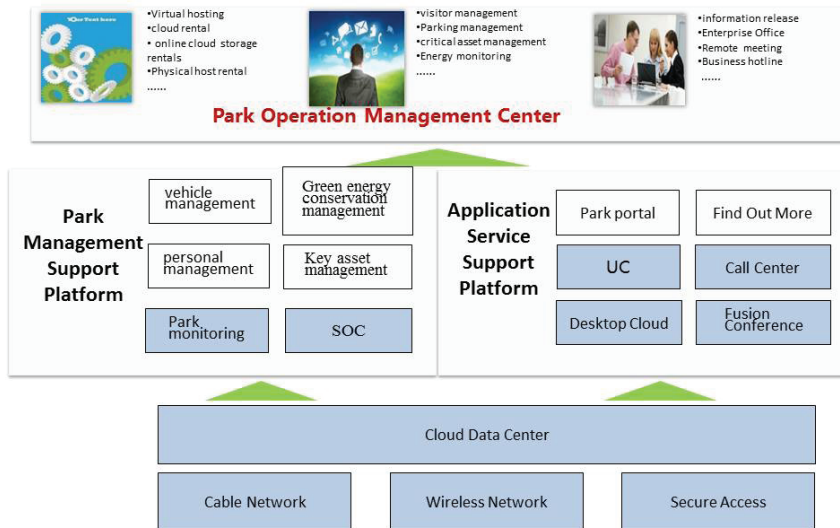
Service oriented architecture (SOA) refers to the network environment according to the demand of loosely coupled coarse-grained application components for distributed deployment, composition and use, so as to effectively control the artificial dependence between the system and software agents.

SOA is viewed as a coarse-grained, loosely coupled service architecture in terms of interface communication. It does not involve the underlying programming interface and communication model. SOA can be regarded as B/S model, XML (a subset of Standard Generalized Markup Language) after Web Service technology for the natural extension. The development of various components, SOA will be able to help software engineers in a new level of understanding of enterprise architecture in the form of deployment. It will help enterprise system turn to more quick, more reliable and more reusable architecture of the whole system. Report to the past, dramatic changes in the SOA system can more calmly face the business use. SOA theoretical model has been applied to the park information architecture. The application of coarse-grained component mapping to the park provides services, application software being mapped to the cloud service platform for industrial park.

The information service in the industrial park for different service objects with the loose coupling mode of component application to build the entire park. So the construction of the application system according to the needs of the business change is more flexible to adapt to the changing environment, policy, service level, business partners, changes and so on, in order to achieve the flexibility to adapt to changes in the environment of business needs.

3.2. Overall design of the park

In order to enhance the enterprise operation efficiency, reduce the cost of management zone, improve emergency handling capability, the protection of physical and information assets and to support the effective operation of the smart park, there has been elaborated overall design of the three platforms (park management support platform, application service support platform, infrastructure supporting platform), and a center (park operation management center).

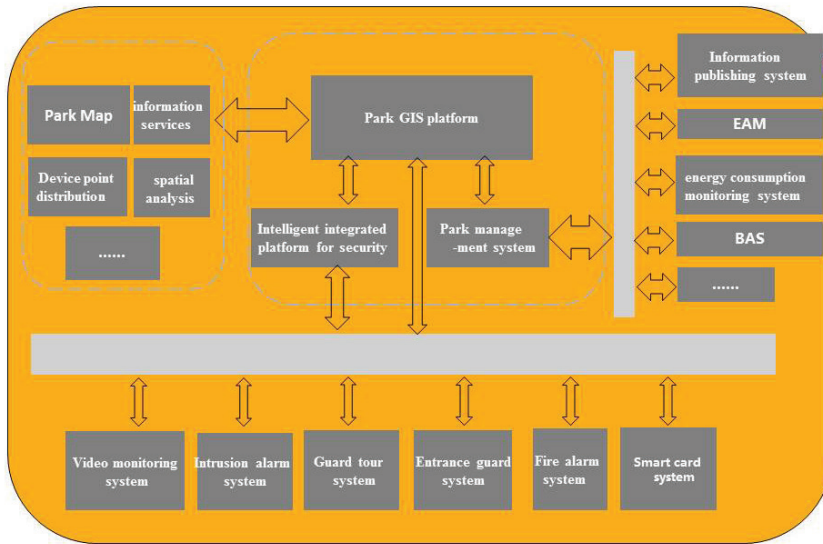


Pic. 1. Overall design of the park

The supporting platform of park management

The supporting platform of park management consists of park monitoring, operation management, personnel management, vehicle management, green energy-saving key

management, asset management and other aspects. The integrated management support platform of various business systems, with an effectively integrated interface, allows an intended user for an access to the portal, park managers and employees providing an intuitive, simple, convenient management of the operation.



Pic. 2. Park management platform

The supporting platform of park management is an oriented park construction and management unit providing comprehensive information services business unit, the creation period of land planning, project construction from the park, investment and leasing, comprehensive property management, the e-government, internal office, business analysis. The park is closely related to an intelligent perception of its management, operation and maintenance with advanced networking technologies applied.

The support platform of application service

The supporting platform of application cloud service, unified communications, call center, fusion conference, “card”, information station are aimed to build a pool of shared resources, unified management, reliable and scalable. Providing corporate office packages and desktop cloud needs to build the enterprise private cloud. A unified communication is an industry, including voice calls, enterprise mail list, and phone linkage, video conferencing and other functions. The call centers being with the flexible networking, open system support, independent management, telecom level quality. Fusion conference provides the high-quality user’s experience, integrated network architecture, efficient operation and maintenance services. There is “one card” to achieve park information, instead of ID cards, wallet, keys, convenient for life. The card improves the efficiency of information station. Allowing for rich, convenient information service, park managers provide business opportunities on the information release platform

The support platform of infrastructure

Through wireless local area network (WLAN) the cloud data center completes the construction of infrastructure. The cable network through a series of switches, routers,

sets up a wireless campus network. The users achieve full coverage, coverage and rapid implementation of the unified network management network that reduces TCO users. WLAN equipment realizes the wireless coverage of the park, and provides a full range of security products, terminal management, file system, database audit to meet customer demands. A unified platform for building the cloud data center provides resources, unified scheduling for users, according to their needs, thus saving the customer investment in the hardware, finishing resources, improving the utilization rate.

Management center of the park operation

In the cloud computing service model the park management application, provided by the platform, promotes the park service concept, service mode, service efficiency to change and improvement. The park can be integrated with GIS system, providing the park leasing visual management. Through the construction of the park investment and rental service platform one can help the park quickly and timely grasp the dynamics of the current park resources on the basis of status, specification for investment, rental management process. To strengthen the mastery of the leasing customers, one should provide better leasing services for enterprises. Situation based on the data for statistical analysis provides the data support for management decision. Park comprehensive management information services include engineering equipment management, real estate security management, property management, warehouse management, five application property contracts and settlement management. The whole process of the management reflects engineering equipment repair property safety, green environment, security service, cleaning management, entry permit, property contract, property management, business property fee, settlement of the comprehensive park.

4. Conclusions

Daqing, as the National Ministry of Science and Technology runs, is said to be the first smart city comprehensive pilot. The construction of the smart park will become a smart city construction in the framework of an effective research and experimental field. At present, the city of Daqing is known to have build 9 industrial parks, including 3 state-level ones, covering agriculture, economy, high-tech technology. The city of Daqing encompasses a total area of 779 square kilometers, having invested 15 billion 100 million yuan in infrastructure, 4268 enterprises settled in employment of 145 thousand people. The park has not only developed the local industry in Daqing City, with an important platform applied to enhancing economic strength, but it also contributed to the development of Harbin Daqing Qiqihar regional economy, with an effective carrier of the city economic transformation.

The cloud services platform of the smart park, with its security, management, construction and other modern services provided, turns out to be the forerunner of the smart park construction. The application of the SaaS platform (according to the different properties of the park, the mature third party integration into the market), especially to small and medium-sized enterprises in different industries group, still needs further subdivision and improvement. Those might be required for different clusters to provide target cloud application services, the application of the platform and real utility of deepening.

5. Acknowledgment

The paper was supported by Research project of Philosophy and Social Sciences in Daqing (№DSGB2017027), Teaching research project of Heilongjiang Bayi Agricultural University (№NDJY15Z13), Research Foundation for the Doctoral Program of Heilongjiang Bayi Agricultural University (№XDB2014-18).

1. Liu Jun. exploration and construction of intelligent development of park. [J]., 2013, v. 3, No. 2301:6-9.
2. To explore the construction of wisdom Park Han Lin sun [J]., 2013, v. 36; No. 39714:61-64.
3. Xu Jin. Exploration of the construction and operation mode of public service in wisdom Park [J]., 2013, No. 22604:37-41.
4. Xiao Yue. Research and exploration of top level design of Intelligent Park [J]., 2012, v.5, No. 11115:99-100.
5. Zhang Kai, Zhang Yi, Yan Jie. Informatization construction solution of intelligence Park [J]., 2012, No. 12206:118-119.
6. The wisdom of China Stone logistics park information platform for the construction of large data based on [J]., 2016, No. 42703:134-138.
7. Zheng Chan. [D]. design and implementation of integrated management platform for the wisdom of the park, 2014.
8. Xu Dacheng. The research and implementation of [D]. networking and wisdom Park Information System Based on cloud computing, 2015.
9. Borja J., Castells M. Local and Global Management of Cities in the Information Age [M]. London: Earthscan. 1997.
10. Song G, Zhang N, Meng Q. Innovation 2.0 as a Paradigm Shift: Comparative Analysis of Three Innovation Modes[A] // Proceedings of the 2009 International Conference on Engineering Management and Service Sciences [C], Beijing: IEEE, 2009.
11. Washburn D, Sindhu U. Helping CIOs Understand Smart City Initiatives [R]. Forrester Research. 2010.

© Лю Чан (Liu Chang), 2017

© Вэнь Минмин (Wen Mingming), 2017

© Е Цзыси (Ye Zixi), 2017

© Лю Юн (Liu Yong), 2017

© Чжао Сяюй (Zhao Xiaoyu), 2017

Для цитирования: Исследование «облачной» автоматизированной парковки как разновидности электронных административных услуг / Лю Чан, Вэнь Минмин, Е Цзыси, Лю Юн, Чжао Сяюй // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9, № 3. С. 121–127.

For citation: Liu Chang, Wen Mingming, Ye Zixi, Liu Yong, Zhao Xiaoyu. Research on Cloud Service Platform of the Smart Park from the Perspective of the Smart City, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, Vol. 9, No 1, pp. 121–127.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3/121-127

Дата поступления: 28.07.2017.

Вэнь Минмин¹

Лю Чан²

Фань Чуаньхун³

Хейлунцзянский аграрный университет Ба И
Дацин. Китайская Народная Республика

Ван Бин⁴

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Исследование эффективности процесса обучения работников микро- и малого бизнеса в научно-инновационной отрасли Дацина (с использованием метода моделирования структурными уравнениями)

Развитие микро- и малого бизнеса неразрывно сосуществует с процессом профессионального роста его работников. При этом факторы влияния на эффективность процесса обучения персонала достаточно разнообразны. На примере научно-инновационной отрасли микро- и малого бизнеса в Дацине исследуется процесс обучения, включая наставников, факторы влияния на эффективность этого процесса, показатели уровня обученности посредством метода опроса. Используя методику моделирования структурными уравнениями, авторы выявляют и анализируют основные факторы воздействия на показатели уровня обученности работников микро- и малого бизнеса. В статье предлагаются практические рекомендации всем, кто интересуется вопросами изучения эффективности обучения персонала.

Ключевые слова и словосочетания: метод моделирования структурными уравнениями, микро- и малый бизнес, эффективность процесса обучения.

¹ Вэнь Минмин – канд. экон. наук, декан Факультета человеческих ресурсов; e-mail: w-m-m@163.com.

² Лю Чан – кандидат наук, преподаватель Колледжа информационных технологий; e-mail: byndgjc@163.com.

³ Фань Чуаньхун – профессор Института идеологического и политического образования.

⁴ Ван Бин – заместитель директора Департамента международной и культурной деятельности; e-mail: Wang.Bing@vvsu.ru.

Wen Mingming¹
Liu Chang²
Fan Chuanhong³

Heilongjiang Bayi Agricultural University
Daqing, China

Wang Bing⁴

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

Investigation and Research on Training Effect of Small and Micro Enterprise Staff in Daqing High-tech Zone Based on AMOS Analysis

The development of micro and small businesses can be separated from the training, but small and micro businesses impact training (effect) factors are complex enough. According to the Daqing high tech Zone micro-and small businesses as the research scope regarded are trainees, training, training effect factors, the establishment of the training index of four aspects of the current situation by making a questionnaire analysis. With AMOS analysis method applied, the questionnaire survey determines the main factors affecting small and micro businesses training. The authors give some practical recommendations.

Keywords: Amos, small and micro businesses, training effect

1. Introduction

In June 2011, the Ministry of Industry, the National Bureau of statistics of the small and medium-sized enterprises to be planned, first proposed the definition of small and micro enterprises. Since 70% jobs at present are provided by small and micro businesses, of great importance is the issue of improving the efficiency of small and micro businesses peopleware. Highlighted here is the suggestion how one should regulate the status of human resource management in small and micro enterprises in particular. Providing incubation platform is not sufficient any more. The city of Daqing as a resource-based city, with a non-oil economic development speed, does away with as soon as possible significant adverse consequences brought by the depletion of the oil industry. According to Daqing national high tech Industrial Park small and micro businesses advance due to the three level system with incubator nursery + accelerator. Plus information, technology, training, and business intermediary service platform perfect for small and micro businesses, their own human resources management system. The latter is aimed at supporting small and micro enterprises in science. An effective human resources management cycle is still an issue that cannot be ignored.

¹ Wen Mingming – Candidate of Economical Science, Dean of the Faculty of human resources; e-mail: w-m-m@163.com.

² Liu Chang – Ph.D, College of Information Technology; e-mail: byndgjc@163.com.

³ Fan Chuanhong – professor, Institute of Ideological and Political Education.

⁴ Wang Bing – Deputy Director of the Department of International and Cultural Activities; e-mail: Wang.Bing@vvsu.ru

As a necessary means of self-improvement and enterprise development training is what small and micro businesses are not ignoring today. It is not just enhancing staff skills means, but a way of enterprise culture establishment. Nonetheless, what does small and micro businesses training result in? What is the impact of the small and micro enterprise training effect? The project intends to obtain training content predetermined by the willingness of training, training effect questionnaire results in several aspects of small and micro businesses. Analyzed by Amos software, the questionnaire finds out the influence factors of training effect, the latter being investigated.

2. Analysis of the training situation of small and micro enterprises in Daqing high tech Zone

2.1. The concept of small and micro enterprises

Small and micro enterprises are added to the types of small, medium-sized and micro enterprises, collectively, in this country, individual industrial and commercial households as small and micro enterprises (SME). According to the draw type standards for SMEs, small and micro businesses include operating income of 5 million yuan of agricultural enterprises employing 300 people, operating income of 20 million yuan following the industrial enterprises with 100 people employed, operating income of 20 million yuan catering enterprises.

A large number of SME has become an important pillar of the national economy, and serves to be a solid foundation for [1]. State Administration for Industry and Commerce in March 31, 2014 for sustained and stable economic growth of small and micro businesses issued “national development report > display Chinese Small and micro businesses a total of 11 million 698 thousand and 700 households, the total number of enterprises accounted for an absolute majority of 76.57%. Small and micro businesses accounted for the main body of the market serve to be the basis for sustained and stable economic growth. Small and micro businesses also play an essential role in promoting social employment, with 70% of urban residents and more than 80% of migrant workers in employment. Thus, neglecting the development problem of small and micro businesses is not a wise choice. Pertaining to small and micro businesses there are lots of problems. In particular, small and micro businesses of industry cluster are in uneven distribution; local industrial cluster development level of market economy in underdeveloped areas is high; low degree of small and micro businesses scale; a weak anti risk ability by the external economic policy, environmental impact. Most small and micro businesses face the problems with the lack of market demand, orders; product sales difficulties. SME’ industrial structure is low, mostly concentrated on the resources development, products processing. Regarding the service level based on traditional industries, small and micro businesses are less involved in the technology industry.

2.2. Development status in Daqing high-tech Zone

Daqing high-tech Industrial Park is the second batch of national high-tech Zone approved by the State Council in September 1992. It is the only domestic Chinese Park relying on petroleum and petrochemical industry and the establishment of the new district. As of May 2015, the city of Daqing reached 459 incubated enterprise, high-tech Innovation

Service Center – 241. These enterprises are covering petrochemical, biology, new energy, new materials and other fields. In 2009 there was approved starting the construction of the Northeast's leading, the Eleventh National Innovation Park. 2012 year reached GDP 55 billion yuan, industrial added value of 47 billion yuan, fiscal revenue of 4 billion yuan, with an increase of 30%, 35% and 33% respectively. Of the existing types of nearly 3000 enterprises there is one of more than 400 high-tech enterprises built-in Daqing branch, in blue petrochemical, and a number of output values of 1 billion yuan enterprises, 13 enterprises in the domestic and foreign market. The construction of Northeast Petroleum University and other colleges takes a lead in 3, Daqing branch of Heilongjiang Academy of Sciences and other research institutes (13). Above the provincial level of R&D center and Key Laboratory (31), there was built a new industry incubator, a post doctoral research station, the returned overseas Students Pioneer Park incubator innovation carrier with the construction area of about 500000 square meters. Moreover, there took place the cumulative development of 53.61 square kilometers of land, with the construction area of about 17000000 square meters. A set of industrial economies, commerce, scientific research and education, entertainment and other functions being integrated into a new modern city as one of the scale.

2.3. Training status in Daqing high-tech Zone

So far, the Daqing high-tech Zone every year conducts a large-scale training including ten games usually dominated by large special report. The training content is primarily concentrated in the small and medium-sized enterprise patent training, training itself, training of technical market listing, and preferential policies. Ensure every 200 companies to participate.

In the training object, including not only the high-tech Zone under the jurisdiction of the enterprise, is more focused on economic and investment departments of leading cadres, including the administrative committee, the Union Party members of the team, leading cadres above the middle, economic investment department of the business backbone, outstanding young cadres and high tech entrepreneurs and senior management personnel, to improve their scientific the ability to judge the situation, the ability to control the market economy, the ability to deal with complex situation, the ruling capacity and overall ability.

In the training of teachers, high-tech Zone has become the choice of experts and scholars from universities, domestic professional training top-notch talents, with its rich highend training experience. The latter enables the trainees to broaden their horizons, enrich knowledge, renew ideas, and open new thoughts.

3. Small and micro enterprises impact factors of training

3.1. Questionnaires making

According to the results obtained through the analysis of small and micro businesses training, projects team integrated a survey questionnaire. The questionnaire is based on the AMOS model fitted up with the four first level indicators, including trainees, training form, influence (impact) factors of training, training of four aspects of the status quo. The questionnaire consists of 12 questions.

Table 1

Survey of training in Daqing high-tech Development Zone

Level Indicators	Secondary indicators
Trainee type	1. gender
	2. age
	3. academic degree
	4. position
Training Form	5. frequency/year
	6. time quantum
Impact factors of training	7. desire
	8. organizational importance
	9. previous training evaluation
Training status	10. pioneering and interdisciplinary research
	11. effectiveness
	12. Is it a system&

3.2. Questionnaire analyses

A questionnaire for high-tech Zone 500 small and micro businesses, with regard to the willingness of the training effect, resulted in 473 valid questionnaires. Among them there are 95 boys, 378 girls, with the proportions 20.08% and 79.92%, on the basis of using SPSS22.0 statistical analysis software to establish effective analysis database, confirmatory analysis using the AMOS21.0 platform for structural equation in the model, influencing factors of high tech Zone small and micro businesses training effect, and current situation of the conclusion.

In view of these factors, the use of SPSS clone Bach coefficient reliability analysis of the survey results in Table 2. The evidence proves that the reliability coefficient of each potential variable is greater than 0.7, indicating that the scale is of good reliability.

Table 2

Reliability analysis based on SPSS

	Cronbach`s Cronbach	Standardized of Cronbach`s Cronbach	Number of terms
Influence factors of training status	0.799	0.796	3
	0.916	0.916	3

AMOS structural equation model serves to be the basis to explore the causal relationship between things to variables, and the causal model, path map form being described. In the graph, the rectangles represent variables, ellipse – hidden variables, single arrows indicate individual effects or causal relationship. Using AMOS software rendering training will influence factors of a structural equation model and according to the analysis results obtained, the training will influence factors of structural equation diagram, and ultimately the formation of structural equation, as showed in Figure 1.

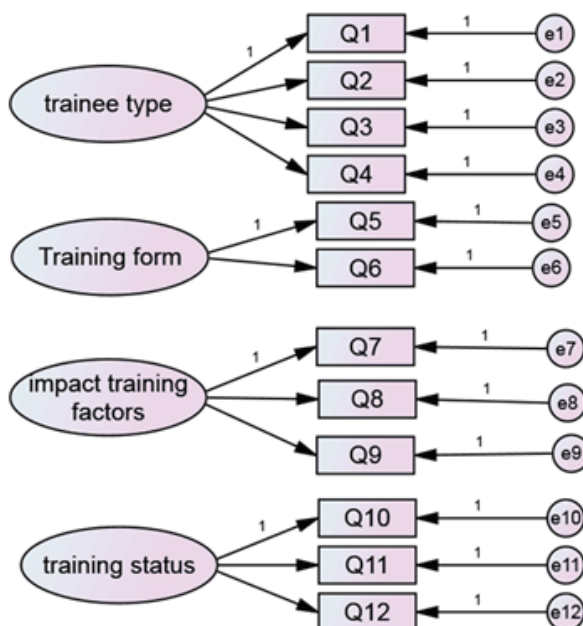


Fig. 1. Structural equation model of influencing factors of training intention

After combing the structural model, it appears to fit up with the questionnaire results. According to Table 3, each latent variable (trainee type, training form, influence (impact) training factor, training situation) is shown in the table.

Table 3

Parameter estimation between latent variables of training willingness impact factors

The relationship between latent variables	Standard evaluation	Standard error	Critical value	P	Label
Trainee type<--- academic degree	.469	.089	7.522	***	par_3
Training Form <--- time quantum	.339	.129	2.62	.009	par_6
Impact factors of training<--- desire	.568	.266	2.13	.033	par_7
Impact factors of training<--- Organizational importance	.849	.487	- 1.33	.183	par_8
Impact factors of training<--- Previous training evaluation	2.623	1.07	2.45	.014	par_9
Training status <---pioneering and interdisciplinary research	.457	.098	4.68	***	par_10
Training status <-- effectiveness	.504	.087	5.76	***	par_11
Training status <--- Is it a system?	.207	.125	1.66	.097	par_12

The study revealed that:

The influence of perceived value on customer satisfaction is relatively large;

The standard error fluctuates between 0.087–1.07, the index being under a strong explanatory power for the measurement model. From the model of feedback, as you can see, training will organize the degree of attention, and on previous training the impact assessment of training effect is the most significant one.

4. Conclusions

4.1. Training Impact Factors Analysis

According to the results of a questionnaire survey and in face-to-face interview of a certain proportion of staff in high-tech Zone, the main factors that affect the SME staff training for training will organize the degree of attention, and the evaluation of previous training.

1) Desire to train

The training will reflect the trainees to the training initiative. From the questionnaire and findings of the face to face interview, new recruits (entry 1 year), 3 years after the entry of the training will be relatively strong. This is mainly because just recruits newcomers and not engaged in this industry for some the work, even if engaged in the skilled work, some awareness of school knowledge structure and entry after fault, stimulate the willingness of training. In the past year, after 3 years of the employees having become familiar with their work, their based training will weaken. In the past 3 years, later, most people have a desire for promotion or change the work demand. There arises the demand for training again in the form of training. Since the majority is concentrated on the form of teaching, the trainees, and the training will affect the degree of investment. So the impact on the training effect will grow.

2) Organizational importance

Organization degree of attention refers to the trainee's organization, the degree of attention to training. The majority of the participants' demands for training are based on the need of their work, so that organizations attach importance to the organizations need skills. For some enterprises, one could even participate in industry training of employees in the promotion, etc. There are some incentive measures, thus, affecting the training results. Some employees participate in the occupational skills training for occupational qualification enterprises may be more recognized by. So there is a certain incentive for employees, thus, affecting the training effect.

3) Evaluation of past training

Evaluation of previous training directly affects the trainees' new training expectations, and their enthusiasm of training. According to the interview report, once the majority of workers participated in the training, all of them (as far as is possible with the training process) actively improve themselves. The main reason for the low training effect is that workers have not been able to participate in the training, some of which – because the company cannot match the time, some enterprises do not pay attention to their employees taking part in training, so they do not participate in the process. Therefore, evaluation of previous training is low, many workers will choose to participate in the training of intermittent or simply give up.

4.2. Suggestions

The integrated analysis of enterprise personnel training factors in high-tech Zone is based on low (for this stage of training) effectiveness of overall satisfaction. The main reason is some training content is less needed or requires some more time to respond to. But the employees for the training itself are not exclusive. Even many workers expressly require training, though in the form of a specific training content, with a certain preference.

The proposed training for SME respond to the following points:

1) Investigation and concentrate on Industry Training

The demand within the same industry is similar. Though being not able to make full training, trainees themselves cannot control the training content, thus affecting the training effect. Essential here is the investigation before training, so that the latter feeds up with the employees' topic of interest. Such kind of effect proves to be better.

2) Diversified forms of training

The traditional teaching mode intends to provide the occupational skills training. The training should be a little behind the form to case training, industry salon and other forms. Let more trainees participate empathy. Encourage the trainees to express their ideas, so as to further identify the training needs, one can herewith stimulate additional trainees' ideas, training the effect of the upgrade.

3) Feedback on training effectiveness

If there is not any training assessment, it is not complete. Any training feedback needs to correct the effect of the training program under the guidance of an enterprise. There should take place the evaluation of training effect with the obvious effect of training. Continue to maintain or even increase the employees' participation incentive intensity, so that the training effect should be consolidated.

5. Acknowledgment

The paper was supported by Research project of Philosophy and Social Sciences in Daqing (№.DSGB2016119).

-
1. Wang Ying. Research on employee training in small and micro enterprises [D]. Yan'an University, 2013.
 2. Yang Zhen. Research on the development of small and micro enterprises in China [D]. Yan'an University, 2014.
 3. Zhao Zhao. Evaluation and Empirical Study of enterprise training effectiveness based on DEA and Kolmogorov model [D]., North China Electric Power University, 2014.
 4. Li Jian, Yang Jian. Small and micro businesses staff training and preliminary study on the problems of the small and medium-sized enterprise management technology and [J]. (2015,06:4.)
 5. and Philippines. Evaluation of training effectiveness and its influencing factors [D]., Capital University of Economics and Business, 2012.
 6. Jiang Zhen, Zhang Fuling. Construction of evaluation index system for training effectiveness of enterprise employees [J]., Journal of Qingdao University of Science & Technology (SOCIAL SCIENCE EDITION), 2013,04:69-73.

7. Zhang Weiqiang, Han Ruizhu. Evaluation of training effect of enterprise staff based on comprehensive evaluation model [J]. science and technology, information development and economics, 2008,19:165-1678. Bella Ya Hui ben, Riehard Yu Yuan Huang , Gary.N.Melean. Training evaluation based on eases of Taiwanese benchmarked high-tech companies[J] .International Journal Of Training and Development,2007,11(1) :35-45.
8. Venkatesh V., Davis F.D., A theoretical extension of the technology acceptance model: Four longitudinal field studies[J]., Management Science, 2000,46(2):186 -204 ·
9. Dai Debao, Liu Lei. Research on informal learning model of “micro-blog group” based on AMOS technology [J]. open education research, 2013,06:108-116.
10. Gan Zhentao, Mei Wen, Guo Yujun. Investigation of online learning loyalty based on [J]., AMOS Chinese medical education technology, 2012,05:483-487.
11. Cao Chuanhao, Guo Xue. Establishment of enterprise training evaluation mechanism, [J]. human resource management, 2011,08:45-47.

© Вэнь Минмин (Wen Mingming), 2017

© Лю Чан (Liu Chang), 2017

© Фань Чуаньхун (Fan Chuanhong), 2017

© Ван Бин (Wang Bing), 2017

Для цитирования: Исследование эффективности процесса обучения работников микро- и малого бизнеса в научно-инновационной отрасли Дацина (с использованием метода моделирования структурными уравнениями) / Вэнь Минмин, Лю Чан, Фань Чуаньхун, Ван Бин // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9, № 3. С. 128–136.

For citation: Wen Mingming, Liu Chang, Fan Chuanhong, Wang Bing. Food security ensuring at the macro- and microeconomic levels as the most important priority of the state agrarian policy, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, Vol. 9, No 1, pp. 128–136.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3/128-136

Дата поступления: 14.08.2017.

А.С. Голобоков¹

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

В.И. Сергеева²

П.А. Пономарева³

МИП ООО Межрегиональный образовательный центр «Владивостокские инновации»
Владивосток. Россия

Проблемы энергетического сотрудничества на Корейском полуострове в условиях угроз региональной безопасности

В статье исследованы вопросы энергетического сотрудничества России, КНДР и Южной Кореи в условиях обострения международных отношений в Восточной Азии и угроз региональной безопасности, связанных с трудностями развития межкорейского диалога. Цель работы – проанализировать динамику развития энергетического сотрудничества в треугольнике Россия – КНДР – Республика Корея, интересы участников и перспективы энергетического сотрудничества в свете напряженных отношений между государствами в регионе. Актуальность исследования состоит в неоднозначности комплексной оценки проблем политического и энергетического дисбаланса в Северо-Восточной Азии, позиций стран по отношению к проекту международного газопровода, проблемы, которые являются препятствием к полноценному энергетическому сотрудничеству между Россией, Северной и Южной Кореей на международном уровне. Предложенный подход состоит в системном анализе политических событий и результатов политических действий заинтересованных сторон с целью проанализировать характер внешней политики стран АТР (Россия, Южная Корея, Китай, Северная Корея, США) в рамках энергетического сотрудничества и определить перспективы поддержания энергетической безопасности и стратегического равновесия в регионе. В ходе исследования авторы приходят к выводу, что стимулирование энергетического диалога на Корейском полуострове будет способствовать созданию новых транспортных коммуникаций, стимулированию обмена различными ресурсами между тремя государствами; укрепит безопасность в Северо-Восточной Азии и в определенной степени снизит напряженность в этом пограничном регионе. Значимость исследования состоит в анализе подходов отечественных и зарубежных авторов к проблеме энергетического сотрудничества на Корейском полуострове. Результаты данной работы представляют ценность для политиков, дипломатов, ученых, изучающих возможность создания модели безопасности в АТР.

Ключевые слова и словосочетания: Азиатско-Тихоокеанский регион, стратегическое партнерство, экономическое развитие, энергетическое сотрудничество, Россия, Южная Корея, Северная Корея, региональная безопасность, межкорейский диалог, Северо-Восточная Азия, газопровод.

¹ Голобоков Андрей Сергеевич – канд. полит. наук, доцент кафедры экономики и менеджмента; e-mail: golobkov_as@mail.ru.

² Сергеева Валерия Игоревна – стажер; e-mail: shkolnay-96@mail.ru.

³ Пономарева Полина Александровна – стажер; e-mail: ponomarevapolina96@mail.ru.

A.S. Golobokov¹

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

V.I. Sergeeva²

P.A. Ponomareva³

Vladivostok Innovations Educational Centre
Vladivostok, Russia

Problems of energy cooperation on Korean peninsula in terms of regional security threats

The paper reviews various features of energy cooperation between Russia, North Korea and South Korea in terms of deteriorating international relations in East Asia and regional security threats related to the difficulties of inter-Korean dialogue. The goal is to analyze the dynamics of energy cooperation development in the Russia – North Korea – South Korea triangle, the interests of the participants and the prospects of energy cooperation considering tense relations between the states. The research is topical because of the comprehensive assessment ambiguity of political and energy imbalance in Northeast Asia, the countries' positions in relation to the draft of the international gas pipeline issues to be an obstacle to the full energy cooperation between Russia, North and South Korea on the international level. Multiple-factor analysis of the foreign policy of the Asia-Pacific countries (Russia, South Korea, China, North Korea and the United States) within the energy cooperation and prospects for maintaining energy security and the strategic balance in the region proposed. The conclusion is made, that stimulation of the energy dialogue on the Korean Peninsula will contribute to the creation of new transport communications; encourage the exchange of different resources between three countries will strengthen security in Northeast Asia and to some extent reduce the tensions in the border region. The significance of the work is in analysis of the approaches of Russian and foreign authors to the issue of energy cooperation on the Korean Peninsula. Results from this study could be useful for policymakers, diplomats and lecturers, as they work to create a security model in the Asia-Pacific region.

Keywords: Asia-Pacific, strategic partnership, economic development, energy cooperation, Asian-Pacific region, Russia, South Korea, North Korea, regional security, trans-Korean dialogue, North-East Asia, gas pipeline

Развитие экономического сотрудничества в Восточной Азии является необходимым средством для улучшения международных связей, укрепления позиций на мировой арене, а также модернизации Дальнего Востока России. Одновременно с этим в регионе постепенно набирает силу поляризация интересов и целей ведущих мировых экономик – США и Китая. Соединенные Штаты стараются нарушить связи Китая с соседями и партнерами в АТР [5]. Обострение международных отношений в Восточной Азии замедляет разрешение конфликта, связанного с северокорейской ядерной программой. В 2016 г. Северная Корея проигнорировала предостережения Китая, пригрозив нанесением ядерного удара по США и отка-

¹ Golobokov Andrey Sergeevich – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Chair of Management; e-mail: golobokov_as@mail.ru.

² Sergeeva Valeriya Igorevna – trainee; e-mail: shkolnay-96@mail.ru.

³ Ponomareva Polina Aleksandrovna – trainee; e-mail: ponomarevapolina96@mail.ru.

завшись от заключенного 60 лет назад перемирия с Южной Кореей. Предвоенное состояние и психологическая война между США и Северной Кореей вызывают опасения мировой общественности [11].

В этих условиях Россия сохраняет свою позицию в отношении восстановления стабильности в Северо-Восточной Азии и поддерживает интересы сторон конструктивных отношений и взаимовыгодного сотрудничества не только с Северной и Южной Кореями, но и со всеми странами региона [3]. В частности, Россия прилагает усилия по поддержанию энергетической безопасности в СВА. Одним из проектов в этой области является создание газопровода через территории КНДР и Республики Корея. Экономические интересы всех участников механизма энергетического сотрудничества требуют решения этой актуальной энергетической проблемы, однако по политическим причинам реализация этого проекта сопровождается большими сложностями.

Аспекты энергетического сотрудничества России, КНДР и Южной Кореи рассмотрены в трудах таких исследователей как, К.А. Кокарев, М.М. Стеклов, Х.С. Кан, г.Д. Толорая, О.А. Резниченко и др. Некоторые исследователи считают, что открытие газопровода между Россией, Южной и Северной Кореями привлекает страны многочисленными аспектами для каждой стороны не только в экономическом, но и политическом планах [10]. В то же время напряженные отношения между Северной и Южной Кореями на данный момент препятствуют реализации проекта газопровода, необходимого для региона. Цель работы – проанализировать динамику развития энергетического сотрудничества в треугольнике Россия – КНДР – Республика Корея, интересы участников и перспективы энергетического сотрудничества в свете напряженных отношений между государствами в регионе.

Энергетическое сотрудничество в Северо-Восточной Азии на данный момент характеризуется, прежде всего, расширением двусторонних энергетических связей России и Китая. Это обусловлено рядом обстоятельств. По данным Управления США по энергетической информации в 2020 г. уровень зависимости Китая от импортных нефтяных ресурсов составит 62,8%, а в 2025 г. достигнет 68,8% [6]. Кроме того, в стратегии России произошла переоценка роли регионализма, в связи с чем российское руководство пытается риторически противостоять «европоцентристской» идеологии и отделить отношения с Китаем от всех остальных отношений в регионе [14]. В условиях обоюдной заинтересованности в снижении конкуренции за центрально-азиатские энергоресурсы и поступательном развитии региона Россия и Китай в последние два года демонстрировали положительную динамику в обеспечении энергетической безопасности [2].

В свою очередь, проект международного газопровода на Корейском полуострове, согласно которому российский газ должен поступать в Южную Корею через Северную, существует еще с 1980-х гг. Как известно, Северная Корея на протяжении долгого времени имеет энергетический дефицит, который приводит к сдерживанию экономического развития страны и роста уровня жизни населения. Это происходит потому, что энергетика КНДР основывается на местных углях и гидроресурсах. Из-за нехватки энергоресурсов качество энергии остается крайне низким, отмечается нестабильное напряжение и частота тока. Вследствие этого КНДР, испытывающая острый недостаток энергоносителей, рассматривала варианты получения доступа к советскому, а затем российскому углеводородному сырью.

В свою очередь, Южная Корея заинтересована в решении энергопроблемы в КНДР. Такая заинтересованность обусловлена тем, что Республика Корея также нуждается в получении российских энергоресурсов [9]. В Южной Корее нет собственных запасов, зато темпы роста энергопотребления одни из самых высоких в мире [8]. Поставка электроэнергии позволила бы также уменьшить расходы Республики Кореи на импорт энергоносителей, например угля, на который приходится большая часть эмиссий «парниковых газов». Можно добавить, что цена на российский природный газ в несколько раз дешевле импортируемого в Корею из других мест. А именно этот проект позволил бы сократить расходы на транспортировку газа, которая на данный момент осуществляется по морю, как минимум на 1/3. Так, например, Южная Корея могла бы закупать сырье по ценам на 18–29% ниже нынешних [12].

Говоря о региональной безопасности, такое сотрудничество определенно способствовало бы сближению обеих Корей и ослаблению напряжения между ними. Если бы прямой диалог между Югом и Севером относительно транзита российского газа через территорию КНДР был установлен, то существовала бы возможность разработки новых планов сотрудничества. Например, КНДР могла бы получать часть платы в виде газа, а Республика Корея способствовала бы строительству газоперерабатывающих сооружений на севере.

Несмотря на все преимущества, проект газопровода остается незавершённым по ряду причин, основной из которых является отсутствие нормативно-правовой базы, а именно: между Россией и Северной Кореей нет соглашения о сотрудничестве в газовой сфере [12]. Также приостанавливают осуществление проекта нестабильные отношения между Южной Кореей и КНДР. Южнокорейская сторона считает, что на данном этапе риски велики для всех сторон, особенно для самой Республики Кореи. Такая позиция обусловлена тем, что отношения между севером и югом политически неустойчивы и их ухудшение может произойти в любой момент. Республика Корея опасается, что конфликтная ситуация может спровоцировать Северную Корею на перекрытие газопровода, а также регулирование поступления газа без согласования с другими сторонами. Некоторые западные эксперты считают, что строительство газопровода совместно с Северной Кореей является весьма рискованным, аргументируя это тем, что КНДР не имеет достаточного опыта в сфере международных отношений.

В пример можно привести ряд двухсторонних консультаций между Россией, КНДР и Южной Кореей в 2011 г. В процессе переговоров каждая сторона отстаивала свои интересы в более выгодных позициях, что не позволило сторонам прийти к общему знаменателю. Более того, Северная Корея запросила за транспортировку газа через свою территорию цену выше, чем обычная на мировом рынке [4].

Тем не менее, со стороны России с 2010-х гг. предпринимаются попытки содействовать решению проблем на Корейском полуострове и улучшить партнерские отношения. Так, например, Россия в 2012 г. простила Северной Корее долг в размере 10 млрд долл., предполагая, что это ускорит процесс реализации проекта. [13]. В 2011 г. состоялось подписание «дорожной карты», которая фиксирует план мероприятий для строительства трубопровода в порядке их приоритетности.

В течение нескольких лет страны принимали представителей государств-партнеров, для того чтобы с помощью переговоров перейти на новый этап развития

в вопросе строительства газопровода. Тем не менее, процесс остается инертным по причине того, что представители России и Южной Кореи не могут прийти к общему компромиссу с КНДР.

Основные проблемы связаны с политической позицией Северной Кореи, а именно: политика Кореи явно не направлена на международное сотрудничество и не является гибкой в вопросах компромиссов [1]. КНДР озвучила цену: 300–500 млн долларов в год за транзит газа, что в два–три раза выше, чем действующие международные тарифы. Например, при транзите российского газа через Украину в Европу тариф для России 2 доллара за тысячу кубометров на один километр трубопровода. Если считать по этому тарифу, то Северная Корея получала бы от Российской стороны за транзит газа по своей территории 150 млн долл. Таким образом, условия северокорейской стороны не выгодны для России. Ситуацию усложняет и тот факт, что Республика Корея даст свое согласие лишь в том случае, если Россия будет нести ответственность за надежность и бесперебойность газовых поставок.

Решить вышеперечисленные проблемы можно только в рамках расширения и развития различных форм энергетического сотрудничества: например, сотрудничество в области гидроэнергетики, развитие совместной отрасли энергетического машиностроения (в котором Россия обладает достаточно большим опытом); усиление финансовых и институциональных механизмов энергетического сотрудничества на Корейском полуострове и т.д. Россия как ведущий мировой экспортер продукции в данной отрасли и ближайший сосед указанных государств Северо-Восточной Азии способна решать энергетические проблемы в условиях стабильности и партнерского сотрудничества [7].

В целом реализация энергетических проектов на Корейском полуострове будет способствовать созданию новых логистических коммуникаций, например, соединение Транссибирской и Транскорейской железных дорог; электрификации региона; обмену различными ресурсами между тремя государствами. Немаловажен и тот факт, что объединение этих стран укрепит безопасность в Северо-Восточной Азии и способствует снижению напряженности в пограничном регионе.

Если предположить, что Вашингтон будет стремиться к ограничению региональных возможностей России по укреплению своей экономики, а российско-китайские отношения стратегического взаимодействия и партнерства продолжают свое развитие, стимулирование энергетического диалога на Корейском полуострове – еще один важный фактор для поддержания безопасности и стратегического равновесия в регионе. Кроме того, Россия сможет укрепить свои позиции на международной арене в рамках АТР, оказывать поступательное воздействие на обстановку в Северо-Восточной Азии и выйти на перспективный энергетический рынок Азиатско-Тихоокеанского региона.

-
1. Габуев А. Гарантией станет заинтересованность Пхеньяна и Сеула в успехе проекта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1827381> (дата обращения 04.04.2017).
 2. Голобоков А.С. Энергетическое сотрудничество России и Китая и роль в нем многосторонних неправительственных механизмов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–1. С. 316.

3. Заявления КНДР вызывают беспокойство США. Обзор последних событий. URL: <https://www.first-americans.spb.ru/zayavleniya-kndr-vyzyvayut-obespokoennost-ssha/> (дата обращения 06.04.2017).
4. Кокарев К.А. Внешняя политика России и российско-корейские отношения. Аналитика. URL: <https://riss.ru/analytics/9369/> (дата обращения 02.04.2017).
5. Лексютина Я.В.. Соперничество Китая в XXI веке. URL: <http://www.webeconomy.ru/index.php?newsid=2598&page=cat&type=news> (дата обращения 28.03.2017).
6. Ли Син, Ван Чэнсин Стратегия энергетической безопасности Китая В Центральной Азии // Сравнительная политика. 2013. № 2 (12). С. 50–59
7. Резниченко О.А. Проблемы энергетической безопасности России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. URL: <http://ifl.dvfu.ru/files/Научные%20конференции/Угрозы%20безопасности%20в%20АТР.pdf> (дата обращения 15.04.2017).
8. Стеклов М.М. Перспективы сотрудничества России и Южной Кореи в решении энергетической проблемы КНДР. URL: <file:///C:/Users/Aser1/Desktop/статья/perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-yuzhnoy-korei-v-reshenii-energeticheskoy-problemy-kndr.pdf> (дата обращения 16.03.2017).
9. Стеклов М.М. Современные проблемы развития топливно-энергетического комплекса Южной Кореи. URL: http://dissert.ucoz.ru/_ld/0/5_avtoref_steklov.doc (дата обращения 03.04.2017).
10. Энергетические дисбалансы Северной и Южной Кореи и возможности международного энергетического сотрудничества: сб. стат. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25696195> (дата обращения 15.03.2017).
11. Толорая г.Д. Россия и проблемы Корейского полуострова на современном этапе. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-problemy-koreyskogo-poluostrova-na-sovremennom-etape> (дата обращения 20.03.2017).
12. Кан Х.С. Газопровод из России в Южную Корею: значение для российской экономики и политики. URL: http://www.amgpgu.ru/upload/iblock/e2b/kankhesyn_gazoprovod_iz_rossii_v_yuzhnyu_koreyu_znachenie_dlya_rossiyskoy_ekonomiki_i_politiki.pdf (дата обращения 21.03.2017).
13. Haggard S. «More on the pipeline // North Korea Witness to Transformation». URL: <https://piie.com/blogs/north-korea-witness-transformation/more-pipeline> (дата обращения 06.04.2017).
14. Kuhrt N.C. Russia and Asia-Pacific: From ‘Competing’ to ‘Complementary’ Regionalisms // Political Studies Association. 2014. Vol. 34. Issue 2. P. 138–148.

Транслитерация

1. Gabuev A. Garantiei stanet zainteresovannost' Pkhen'yana i Seula v uspekke proekta. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1827381> (дата обращения 04.04.2017).
2. Golobokov A.S. Energeticheskoe sotrudnichestvo Rossii i Kitaya i rol' v nem mnogostoronnikh nepravitel'stvennykh mekhanizmov, *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2015, No 2–1, p. 316
3. Zayavleniya KNDR vyzyvayut obespokoennost' SShA. Obozrenie poslednikh sobytii. URL: <https://www.first-americans.spb.ru/zayavleniya-kndr-vyzyvayut-obespokoennost-ssha/> (дата обращения 06.04.2017).

4. Kokarev K.A. Vneshnyaya politika Rossii i rossiisko-koreiskie otnosheniya. Analitika. URL: <https://riss.ru/analitics/9369/> (data obrashcheniya 02.04.2017).
5. Leksyutina Ya.V.. Sopernichestvo Kitaya v XXI veke. URL: <http://www.webeconomy.ru/index.php?newsid=2598&page=cat&type=news> (data obrashcheniya 28.03.2017).
6. Li Sin, Van Chensin Strategiya energeticheskoi bezopasnosti Kitaya v Tsentral'noi Azii, *Cravnitel'naya politika*, 2013, No 2 (12), pp. 50–59
7. Reznichenko O.A. Problemy energeticheskoi bezopasnosti Rossii v Aziatsko-Tikhookeanskom regione. URL: <http://ifl.dvfu.ru/files/Научные%20конференции/Угрозы%20безопасности%20в%20АТР.pdf> (data obrashcheniya 15.04.2017).
8. Steklov M.M. Perspektivy sotrudnichestva Rossii i Yuzhnoi Korei v reshenii energeticheskoi problemy KNDR. URL: <file:///C:/Users/Aser1/Desktop/stat'ya/perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-yuzhnoy-korei-v-reshenii-energeticheskoy-problemy-kndr.pdf> (data obrashcheniya 16.03.2017).
9. Steklov M.M. Sovremennye problemy razvitiya toplivno-energeticheskogo kompleksa Yuzhnoi Korei. [Elektronnyi resurs]. URL: http://disser.ucoz.ru/_ld/0/5_avtoref_steklov.doc (data obrashcheniya 03.04.2017)
10. Energeticheskie disbalansy Severnoi i Yuzhnoi Korei i vozmozhnosti mezhdunarodnogo energeticheskogo sotrudnichestva: sbor. stat. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25696195> (data obrashcheniya 15.03.2017).
11. Toloraya G.D. Rossiya i problemy Koreiskogo poluostrova na sovremennom etape. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-problemy-koreyskogo-poluostrova-na-sovremennom-etape> (data obrashcheniya 20.03.2017).
12. Kan Kh.S. Gazoprovod iz Rossii v Yuzhnyuyu Koreyu: znachenie dlya rossiiskoi ekonomiki i politiki. URL: http://www.amgpgu.ru/upload/iblock/e2b/kankhesyn_gazoprovod_iz_rossii_v_yuzhnyuyu_koreyu_znachenie_dlya_rossiyskoy_ekonomiki_i_politiki.pdf (data obrashcheniya 21.03.2017).
13. Haggard S. More on the pipeline // North Korea Witness to Transformation. URL: <https://piie.com/blogs/north-korea-witness-transformation/more-pipeline> (дата обращения: 06.04.2017).
14. Kuhrt N.C. Russia and Asia-Pacific: From 'Competing' to 'Complementary' Regionalisms, *Political Studies Association*, 2014, vol. 34, issue 2, Pp. 138–148.

© А.С. Голобоков, 2017

© В.И. Сергеева, 2017

© П.А. Пономарева, 2017

Для цитирования: Голобоков А.С., Сергеева В.И., Пономарева П.А. Проблемы энергетического сотрудничества на Корейском полуострове в условиях угроз региональной безопасности // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9, № 3. С. 137–143.

For citation: Golobokov A.S., Sergeeva V.I., Ponomareva P.A. Problems of energy cooperation on Korean peninsula in terms of regional security threats, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, Vol. 9, No 3, pp. 137–143.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3/137-143

Дата поступления: 29.05.2017.

А.Ю. Мамычев¹

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

А.Д. Уханов²

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва. Россия

Социокультурное измерение институциональных и функциональных характеристик публично-властных отношений*

Объектом исследования настоящей работы являются властные отношения в политическом процессе современного общества, а его предметом – институциональные, функциональные и социокультурные характеристики публично-властных отношений в контексте государственно-правовой организации общества. Авторы обосновывают гипотезу о том, что государственная власть как вид публичной власти имеет «собственное» институционально-функциональное измерение, не совпадающее с функциями государства и структурно-функциональными признаками государственного аппарата. Особое внимание в работе уделяется социокультурной адекватности функционирования государственной власти. В работе использованы всеобщие, общенаучные и специальные методы. Среди всеобщих методов следует выделить системный подход, диалектико-материалистическую методологию, а также диспозитивный метод и антропологический подход, которые применяются для рассмотрения феномена публичной власти в социокультурном контексте. В работе обосновывается, что исследования властных отношений с современным обществом разворачиваются в различных регистрах мысли и контекстах, однако в рамках политико-правовой организации общества ключевыми характеристиками публично-властного взаимодействия являются институциональность и функциональность. Последние рассматриваются как с универсальной (общеродовой), так и специфической (социокультурной) точек зрения. При этом аргументируется, что институциональность, функциональность и социокультурная адекватность являются ключевыми качественными характеристиками государственной власти. Их комплексный анализ позволяет «преодолеть» ограниченность формально-юридического и структурно-функционального подходов к интерпретации государственной власти.

Ключевые слова и словосочетания: власть, государство, институт, политика, политический процесс, политическая система, социокультурность, общество, современное общество, функции.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МД-6669.2016.6

¹ Мамычев Алексей Юрьевич – д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории российского и зарубежного права; e-mail: mamychhev@yandex.ru.

² Уханов Антон Дмитриевич – магистрант 1 курса факультета права; e-mail: vin-chun.95@list.ru.

A.Yu. Mamychev¹

Vladivostok State University of Economics and Service

Vladivostok. Russia

A.D. Ukhanov²

National Research University "Higher School of Economics"

Moscow. Russia.

Sociocultural dimension of institutional and functional characteristics of public power relations

The object of this study is power relations in the political process of modern society, and its subject is the institutional, functional and sociocultural characteristics of public power relations in the context of the state-legal organization of society. The authors substantiate the hypothesis that the state power as a kind of public authority has a "proper" institutional and functional dimension that does not coincide with the functions of the state and the structural and functional features of the state apparatus. Particular attention is paid to the socio-cultural adequacy of the functioning of state power. General, general scientific and special methods are used in the work. Among the universal methods it is necessary to distinguish the systemic approach, the dialectical-materialistic methodology, as well as the dispositive method and the anthropological approach, which are used to consider the phenomenon of public authority in a sociocultural context. The paper substantiates that research power relations with modern society unfolds in various registers of thought and contexts, however, within the political and legal organization of society, the key characteristics of public-power interaction are institutionality and functionality. The latter are considered both from a universal (general-purpose) and specific (sociocultural) points of view. At the same time, it is argued that institutional, functional and sociocultural adequacy are key qualitative characteristics of state power. Their comprehensive analysis allows us to "overcome" the limitations of the formal legal and structural-functional approaches to the interpretation of state power.

Keywords: power, state, institution, politics, political process, political system, social culture, society, modern society, functions.

Введение

Властные отношения – это *отношения* между социальными агентами. Конечно, в эти отношения могут быть вовлечены природные (пространство, ландшафт, архитектура и проч. [14]), материальные (вещи, технологии, машины [15, 6, 18, 13]) объекты, а само властное взаимодействие разворачивается на конкретно-историческом фоне [23] и в специфических социокультурных контекстах [26]. В то же время в рамках политико-правовой организации общества ключевыми характеристиками властного взаимодействия являются институциональность и функциональность.

¹ Mamychev Alexey Yurievich – Doctor of Political Science, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Law; e-mail: mamychev@yandex.ru.

² Ukhanov Anton Dmitrievich – Master of 1 course of the Faculty of Law; e-mail: vin-chun.95@list.ru.

Например, еще дореволюционный юрист и философ права Н.Н. Алексеев отмечал, что в рамках публично-властной организации «государство можно определить как властное отношение между личностями. Этот элемент власти есть одно из самых обычных явлений в междуличных отношениях. Эмпирически мы его наблюдаем повсюду». При этом реализующиеся в обществе властные отношения в большей степени, чем какие-либо другие, характеризуются институциональностью и четко определенной функциональностью, которые рассматриваются в качестве неразрывных и взаимосвязанных свойств государственной власти: «образуя так называемые учреждения властвования, приобретаая разумную, нравственную и правовую форму» [1, с. 151].

Именно поэтому, если в ряде социальных наук происходит отказ от понятия «субъект» в пользу более «свободных» и «нейтральных» категорий – актер, актант и т.п. [2], то в контексте государственно-правовой организации теоретико-концептуальное и практическое описание политических и юридических процессов идет в «субъективно-ориентированной методологии». Действительно, в этом контексте субъект, реализующий публичную власть, характеризуется, прежде всего, четкой институционально-правовой оформленностью своей «властной позиции» и однозначным закреплением функционального характера «властной активности» в законодательных актах [4].

Исследовать публичную власть например, государственную власть, следует не только в качестве социокультурного феномена, но и в контексте ее институционально-правовой организации. Следовательно, политико-правовой срез проблемы позволяет адекватно описать институциональные и функциональные характеристики ее функционирования в современном политическом процессе. Так, по мнению известного дореволюционного правоведа Н.М. Коркунова, «те, за кем признаются права на распоряжение властью, суть органы (т.е. воспринимаются не как личности, а как представители безличных институтов, органов власти – *авт.*) власти; выполняемые этими органами действия составляют функции государственной власти» [12, с. 456]. В современных исследованиях вообще говорится о сверхинституциональном характере государственной власти, эта «сверхинституциональная власть в значительно *большей степени*, чем другие формы власти, то есть институциональная власть» [8, с. 545]; она «является организацией организаций», «институциональной организацией институтов» [19, с. 18].

Проанализируем в этом аспекте институциональность, функциональность и социокультурность как ведущие качественные характеристики публичной власти на примере власти государственной, как одного из видов этой общеродовой категории.

Основная часть

В контексте эволюции политической организации общества – от раннеклассовых городов-государств до современных политических организаций – трактовка сущности государственной власти, ее форм и содержания рассматривалась именно через институциональные и функциональные характеристики, причем преимущественно как безличное или, скорее, сверхличное начало. В данном случае следует

сделать одно важное теоретико-методологическое замечание, связанное с тем, что даже в патриархальном, теократическом и монархическом понимании власти, где личностному аспекту уделялось наибольшее значение, государственная власть трактовалась в сверхличностном, институциональном плане.

Здесь важно не отождествлять власть отца, священника, жреца, монарха собственно с политическим управлением, поскольку власть, которой наделялся любой из вышеобозначенных, по своей сущности и содержанию не совпадала с пониманием власти, реализуемой в управлении государством. Неслучайно одними из фундаментальных признаков государственной власти являются публичность и специализированность. Мы знаем, например, что уже в раннеклассовых организациях государственная власть оформляется через «отделение» от общества, превращение ее в относительно самостоятельный (уровень которой, т.е. границы этой самостоятельности, в каждую эпоху разный, определяется конкретно-историческими социально-нормативными регуляторами, ценностями, целями, задачами и т.п.) публичный аппарат (институт) управления, который функционально специализируется только на регламентировании общественных процессов [23].

Справедливо в этом плане отмечает В.Я. Любашиц, что в качестве «маркера» этих границ в эволюционных стадиях служит смена кода нормативных структур. Это своего рода институционализация кодов нормативного порядка, определяющих границы функционирования государственной власти и управления. Причем смена системы социальных функций ведет к модификации как этих нормативных кодов, так и границ функционирования государственной власти, в конечном итоге «к модификации или появлению нового политико-правового режима. Политико-правовые режимы тем самым концептуализируются через системы социальных функций» [27].

В свою очередь, рассмотрение институционально-функциональных характеристик государственной власти имеет как теоретическую, так и очевидную практическую ценность, поскольку последние не только уточняют, конкретизируют социальную сущность, роль и назначение государственной власти, характер деятельности механизма государства (системы органов и структур), но и отражают ее разнообразные направления, приоритеты функционирования и разносторонние виды деятельности. Однако здесь следует сделать ряд важных теоретико-методологических замечаний.

Во-первых, институт и функция неразрывны, взаимообуславливают друг друга. И институт как стандартизированная и устойчивая социально-культурная форма взаимодействия людей в различных сферах (политической, юридической, экономической, духовной и т.п.) всегда связан с реализацией определенной «жизненно важной функции» (Б. Малиновский).

В этом плане институт и, в частности, те или иные властные институты трактуются с точки зрения «широкого подхода», разрабатываемого в исследованиях так называемого неинституционального направления (или нового институционализма) анализа политического процесса. В этом контексте институт понимается не только как формальные и устойчивые правила, процедуры и нормы, но и как

символическая система, когнитивные сценарии и духовно-нравственные образцы (например, публичного взаимодействия личности, общества, государства), которые воспроизводят «рамки значения», управляющие мыследеятельностью человека, их взаимодействием [25].

Поэтому, с точки зрения известного исследователя Р. Мертона, анализ функций и институтов должен представлять собой «единый системный процесс», поскольку любое общество институционально и функционально едино. В государственно-властном измерении функция должна рассматриваться как элемент единой системы функций в определенной институциональной публичной организации общества, вне этой системы и организации «понятие функции не имеет реального смысла» [17, с. 120-121].

Следовательно, существующие функции и реализующие их институты являются важными и обязательными для общественной системы, т.к. «если они не будут выполнены, общество не сохранится» [17, с. 122-123]. Перефразируя Мертона, можно сказать, что институциональность и функциональность публичной власти – это необходимые признаки ее существования и неперенные условия ее функционирования в обществе. Следовательно, институциональность и функциональность публичной власти – это те социально-культурные и политико-правовые формы, которые необходимы для ее «социальной репрезентации».

Во-вторых, в политической, юридической и социологической теории функции государственной власти, как таковые, *вообще не анализируются*, поскольку проблема функций государственной власти, как правило, рассматривается как разновидность вопроса о формах и направлениях деятельности государства. Лишь эпизодически исследователи, анализирующие сущность государственной власти и ее функционирование, ставят вопрос: «есть ли необходимость выделять функции власти, поскольку давно устоялось понятие функции государства?» [7, с. 57].

В большинстве случаев, конечно, вопрос решается в пользу отождествления функций государственной власти и функций государства. В редких случаях утверждается обратное, а именно: государственная власть находит свое проявление в присущих ей функциях, которые не совпадают, содержательно отличаются от функций государства [10]. С нашей точки зрения, вопрос должен стоять иначе: изначально не следует сосредоточивать внимание на различии функций государственной власти и государства. Думается, вернее начать анализ с рассмотрения функциональных свойств (как определенных качественных характеристик явления) последних, а по ним очевидно, что функциональные характеристики государственной власти и государства не совпадают по содержанию и объему (о чем будет более подробно указано ниже).

Другой аспект рассматриваемой проблематики заключается в том, что исследование современной публично-властной организации невозможно и без социокультурного аспекта. Об этом измерении публично-властных отношений в последнее время выходит достаточно много исследований [21, с. 31–50]. Однако проблемным вопросом остаётся взаимосвязь институциональных и функциональных характеристик публичной власти с ее социокультурным измерением. Так,

с позиции социокультурной теоретико-концептуальной установки политического мышления обосновывается тесная «связка» институциональных и функциональных характеристик публичной власти с социально-культурными условиями и структурно-процессуальными аспектами общественного взаимодействия.

В этом аспекте сущность и функции институтов государственной власти неразрывно связываются с социально-культурным опытом, нормативно-ценностной моделью конкретного общества, спецификой и характером общественного взаимодействия. При этом доказывается, что ее функционирование напрямую связано с условиями и социальным контекстом, которые способствуют институционализации определённой модальности властных отношений, специфической конфигурации публично-правовых институтов власти и системы социальных представлений о них, требований и ожиданий от функционирования последних. Все это в совокупности образует определённый культурный текст эпохи, внутри которого «считывается», развивается и изменяется институционально-властная практика.

Так, функции власти, в частности государственной власти, для Т. Парсонса связаны с тем, что она является обобщенной способностью, поддерживаемой действующими институтами (выражающими коллективные цели, интересы, потребности), которая состоит в том, чтобы «добиваться от членов коллектива выполнения их обязательств, легитимизированных значимостью последних для целей коллектива, и допускающей возможность принуждения строптивых посредством применения к ним негативных санкций, кем бы ни являлись действующие лица этой операции» [20].

Здесь сущность как самой власти, так и ее институциональной конфигурации и функциональной направленности связывается с социальными отношениями, являющимися источниками возникновения всяких институций, реализуемых ими функций в обществе, а также выступающими факторами эволюционной динамики институциональной организации общества. Например, в социологическом варианте осмысление власти и функционирования организующих и реализующих ее публичных институтов связывается напрямую с социальными отношениями, которые:

1) снимают традиционные властные проблемы (например, какие классы стоят у власти, кто кем управляет, как ограничить власть определенных субъектов и т.п.), «в социологическом варианте власть производится и действует в социальных отношениях... в ней проблемы класса и власти испаряются» [22];

2) акцентируют внимание на ресурсе обмена и постоянного перераспределения, на качестве властных отношений и проч. Например, политологи Дж. Бьюкенен и Д. Таллок в этом контексте указывают, что «этот подход включает политическую деятельность как специфическую форму социального обмена... взаимная выгода для всех сторон предположительно вытекает из коллективных отношений. Поэтому во вполне реальном смысле политическое действие считается средством, которое позволяет увеличить власть всех участников, если мы определяем власть как способность управлять вещами, желательными для человека» [24, р. 23].

Так, политического социолога П. Бурдьё, в противовес традиционному принципу политического мышления, больше интересует не сам субъект властных

отношений как элемент определённой институциональной структуры, а условия и институциональные практики, обуславливающие его действия. Как правило, при традиционном подходе исследователь встает в объективную позицию, интерпретируя и комментируя субъекта как частицу (элемент) структуры, абстрагируя его от социального действия и лишая на уровне обобщенного анализа познавательной активности и роли случайных отклонений в его деятельности. У Бурдье социальный актор выступает как сознательно действующий в рамках определенного социального поля, подчиняясь конкретным институциональным правилам и социально-властным стратегиям.

Такая социальная диспозиция (габитус) актора в конкретном поле социоментальной структуры позволяет классифицировать и продуцировать специфические виды властных практик. Эта включенность в политический дискурс, с одной стороны, способствует процессу успешной политической социализации, а с другой – создает возможность для эффективного действия и принятия решений. С этих позиций в реализации публичной власти, по его утверждению, в основном используется «*акт официальной номинации*», т.е. «акт символического внушения, который имеет для этого всю силу коллективного, силу консенсуса, здравого смысла, поскольку он совершен через доверенное лицо государства, обладателя монополии на легитимное символическое насилие» [4, с. 72].

С точки зрения П. Бергера и Т. Лукмана, в функциональные характеристики публичной власти входит не только поддержание определенного социального порядка и сложившейся институциональной структуры общества, но и, главным образом, обеспечение посредством властных институций *интерсубъективного социального мира* с присущим ему «объективным»/«признанным» корпусом знания. Значимость последнего обусловлена тем, что «реальность повседневной жизни содержит схемы типизации, на языке которых возможно понимание других и общение с ними в ситуациях лицом-к-лицу... Наше взаимодействие лицом-к-лицу будет упорядочено этими типизациями» [3, с. 55].

Любой институт, обеспечивающий социальный порядок, по утверждению исследователей, это опривыченная мыследеятельность людей, именно она выступает источником становления различных социальных институтов и фактором их общественного генезиса: «Всякая человеческая деятельность подвергается хабитуализации (т.е. опривычиванию). Любое действие, которое часто повторяется, становится образцом, впоследствии оно может быть воспроизведено с экономией усилий и ipso facto осознано как образец его исполнителем... Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода, иначе говоря, любая такая типизация есть институт». С этой точки зрения любой политический институт, политический порядок в целом всегда историчен и уникален, формируется в конкретных социально-культурных условиях и функционально определен именно этими условиями: «Институты всегда имеют историю, продуктом которой они и являются. Невозможно адекватно понять институт, не понимая исторического процесса, в ходе которого он был создан. Кроме того, институты уже благодаря самому факту их существования контролируют

человеческое поведение, устанавливая predetermined его образцы, которые придают поведению одно из многих теоретически возможных направлений» [3, с. 90-94].

Данные теоретико-методологические установки являются основой и в политической концепции Джона Грея, который утверждает, что проект обустройства политической жизни общества – это не просто набор эффективных принципов, средств и институтов, утверждающих рационально организованный порядок отношений, но, прежде всего, целостный образ жизни. Поэтому, с его точки зрения, не может существовать единой, годной для всех идеально-типичной модели политических, государственных, экономических и социальных институтов, способных организовать эффективный и стабильный порядок: «Есть разнообразие исторических форм, каждая из которых коренится в плодотворной почве культуры, присущей определенной общности». И, следовательно, институты, «не отражающие национальную культуру или не соответствующие ей, не могут быть ни легитимными, ни стабильными: они либо видоизменяются, либо будут отвергнуты теми народами, которым они навязаны» [9, с. 115]. Другими словами, стабильность и легитимность политических и государственных институтов будут зависеть от того, насколько данные формы организации и результаты их функционирования остаются этически, культурно и экономически приемлемыми для основной массы населения.

Кроме того, в рамках социокультурного измерения институционально-функциональных характеристик публичной власти обосновывается, что «содержание» публично-властных отношений, их институционализация в определенные политические структуры, детерминирующие процесс государственного управления, зависят от типа общества, основанного на конкретно-исторической специфике социально-экономических отношений.

В этом аспекте «власть в обществе, конечно, следует изучать не только с точки зрения неспецифической, надорганизованной власти организованных элит, но и с точки зрения самой формы организации, особенно формы организации труда, который различается по типу и объему господства и независимости, но марксистский акцент на эксплуатации и классе связан с рассмотрением власти лишь в общем понимании последней... Определение власти с точки зрения ответственности, выбора и согласия и разграничения между судьбой, принуждением, авторитетом, манипулированием и властью присущи субъективистскому дискурсу и как таковые лежат за рамками собственно марксистского анализа. Последний начинается не “с точки зрения действующего лица”, а с точки зрения разворачивающихся социальных процессов» [22].

Здесь важны не только структуры, обеспечивающие определенную конфигурацию властных институций и функциональную направленность, но и процессы воспроизводства властных отношений в обществе. Например, известный исследователь природы власти и властных отношений С. Льюкс по этому поводу замечает, что «капиталистический процесс производства, рассматриваемый в общей связи или как процесс воспроизводства, производит не только товары, не только

прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение» [16, с. 163].

Иными словами, в функциональные обязанности институтов государственной власти как особой структуры, порожденной сложившейся системой социально-экономических отношений, входят производство и воспроизводство публичных отношений, поддержание определенной формы господства и типа государственно-правовой организации.

При этой политической установке исследовательская практика, направленная на анализ институциональных и функциональных характеристик государственной власти, связана с такими вопросами, как «какое общество, какие фундаментальные отношения воспроизводятся? При помощи каких механизмов? Каковы роль структуры и действия (или бездействия) государства (или местных органов власти) в этом процессе воспроизводства – способствуют ли они ему, просто делают его возможным или мешают ему? Анализ воспроизводства дает возможность ответить на вопрос о том, как связаны между собой в обществе различные проявления власти, даже если не существует никакой осознанной межличностной связи... факт воспроизводства особой формы эксплуатации и господства служит свидетельством классового правления и важным аспектом власти в обществе» [22].

Стержневой проблемой в рассмотрении институциональных и функциональных характеристик государственной власти являются вопросы влияния государства на производство и воспроизводство определенных типов властных отношений и форм публично-властной организации общества. Поскольку в государственной структуре механизмы этого (вос)производства получают официальное закрепление и нормативную поддержку, само правление одного класса, элитарной группы и т.п. осуществляется посредством институтов государственной власти. И, по убеждению Г. Тербона, в этом подходе главным итогом исследовательской практики является формирование типологии государственного вмешательства и типологии государственных структур, обеспечивающих это (вос)производство отношений и типа организации [22].

Выводы

В завершение отметим, что анализ институционально-функциональных характеристик государственной власти имеет очевидную теоретико-практическую ценность, поскольку они не только уточняют, конкретизируют социальную сущность, роль и назначение данного вида публичной власти, характер деятельности механизма государства (системы органов и структур), но и отражают её разнообразные направления, приоритеты функционирования и разносторонние виды деятельности. При этом институт и функция неразрывны, взаимообуславливают друг друга, а институциональность и функциональность государственной власти – это необходимые признаки её существования и неперемные условия её функционирования в политическом процессе, обусловленные социально-культурными и политико-правовыми формами. В качестве частной проблемы, которая требует отдельного исследования, выше было обозначено, что функции государственной

власти как таковые вообще не анализируются, поскольку проблематика функций последней, как правило, рассматривается в аспекте форм и направлений деятельности института государства (т.е. функций государства). Однако институциональные и функциональные свойства (как определённые качественные характеристики явления) государственной власти не совпадают по своему содержанию с функциями государства.

1. Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. М., 2008. 486 с.
2. Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. М.: Логос. 354 с.
3. Бергер П., Томас Л. Социальное конструирование реальности. М., 1995. 334 с.
4. Бердые П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М., 2016. 720 с.
5. Бурдые П. Социология политики. М., 1993. 336 с.
6. Вахштайн В. Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 // Логос. 2017. Т. 27, №2. С. 1–48.
7. Витченко А.М. Теоретические проблемы исследования государственной власти. Саратов, 1982. 194 с.
8. Гомеров И.Н. Государство и государственная власть. М., 2002. 832 с.
9. Грей Дж. Поминки по просвещению: политика и культура на закате современности. М., 2003. 368 с.
10. Григорян Л.А. Социалистическая государственная власть и представительная форма ее осуществления // Советское государство и право. 1969. № 3. С. 89–90.
11. Жувенель, Б. де. Власть: естественная история ее возрастания. М., 2011. 546 с.
12. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. 456 с.
13. Латур Б. Политика объяснения: альтернатива // Социология власти. 2012. № 8. С. 113–143.
14. Ло Дж. Объекты и пространство // Социологическое обозрение. 2006. Т.5. № 1. С. 30–42.
15. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М., 2015. 352 с.
16. Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. М., 2010. 240 с.
17. Мергон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. 873 с.
18. Мол А. Множественное тело // Социология власти. 2015. № 1. С. 232–247.
19. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. 180 с.
20. Парсонс Т. О понятии «политическая власть» // Антология мировой политической мысли. М., 1997. Т. 2. С. 479.
21. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2006. 559 с.

22. Тербон Г. Что делает правящий класс. Когда он правит? Некоторые размышления о различных подходах к изучению власти в обществе // *Логос*. 2003. №6. С. 76–84.
23. Baranov P.P., Mamychev A.Y., Ovchinnikov A.I. Management of the conservative political platform of the transformation public-power organization in Eurasia // *International Review of Management and Marketing*. 2016. No 6 (S6). P. 241–246.
24. Buchanan J., Tullok G. *The Calculus of Consent*. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1962.
25. Hall P., Taylor R. Political science and three new institutionalisms // *Political studies*. 1996. Vol. 44. P. 947.
26. Lyubashits V., Mamychev A., Mordovcev A., Vronskay M. The social-cultural paradigm of state authority // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. No 6 (36). P. 301–306.
27. Lyubashits V.Y., Mamychev A.Y., Vronskaya M.V, Timofeeva A.A. Socio-economic and Public-power Aspects of the State and Society Relations in Modernizing Russia // *International Review of Management and Marketing*. 2016. No 6 (S6). P. 116–120.

Транслитерация

1. Alekseev N.N. *Ocherki po obshchei teorii gosudarstva. Osnovnye predposylki i gipotezy gosudarstvennoi nauki*. M., 2008, 486 p.
2. Bad'yu A. *Meta/Politika: Mozhno li myslit' politiku? Kratkii traktat po metapolitike*. M.: Izd-vo Logos, 354 p.
3. Berger P., Tomas L. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti*. M., 1995, 334 p.
4. Berd'e P. *O gosudarstve: kurs lektsii v Kollezhe de Frans (1989–1992)*. M., 2016, 720 p.
5. Burd'e P. *Sotsiologiya politiki*. M., 1993, 336 p.
6. Vakhshain V. *Peresborka povsednevnosti: bespilotniki, lify i proekt PkM-1*, *Logos*, 2017, vol. 27, No 2, pp. 1–48.
7. Vitchenko A.M. *Teoreticheskie problemy issledovaniya gosudarstvennoi vlasti*. Saratov, 1982, 194 p.
8. Gomerov I.N. *Gosudarstvo i gosudarstvennaya vlast'*. M., 2002, 832 p.
9. Grei Dzh. *Pominki po prosveshcheniyu: politika i kul'tura na zakate sovremennosti*. M., 2003, 368 p.
10. Grigoryan L.A. *Sotsialisticheskaya gosudarstvennaya vlast' i predstavitel'naya forma ee osushchestvleniya*, *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1969, No 3, pp. 89–90.
11. Zhavenel', B. de. *Vlast': estestvennaya istoriya ee vozrastaniya*. M., 2011, 546 p.
12. Korkunov N.M. *Lektzii po obshchei teorii prava*. SPb., 2003, 456 p.
13. Latur B. (2012) *Politika ob'yasneniya: al'ternativa*, *Sotsiologiya vlasti*, 2012, No 8, pp. 113–143.
14. Lo, Dzh. *Ob'ekty i prostranstvo*, *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2006, vol. 5, No 1, pp. 30–42.
15. Lo, Dzh. *Posle metoda: besporyadok i sotsial'naya nauka*. M., 2015, 352 p.
16. L'yuks S. *Vlast': Radikal'nyi vzglyad*. M., 2010, 240 p.
17. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura*. M., 2006, 873 p.
18. Mol A. *Mnozhestvennoye telo*, *Sotsiologiya vlasti*, 2015, No 1, pp. 232–247.

19. Nort D. Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki. M., 1997. 180 p.
20. Parsons T. O ponyatii «politicheskaya vlast'», *Antologiya mirovoi politicheskoi mysli*, M., 1997, vol. 2, p. 479.
21. Solov'ev A.I. Politologiya: Politicheskaya teoriya, politicheskie tekhnologii. M., 2006, 559 p.
22. Terbon G. Chto delaet pravyashchii klass. Kogda on pravit? Nekotorye razmyshleniya o razlichnykh podkhodakh k izucheniyu vlasti v obshchestve, *Logos*, 2003, No 6, pp. 76–84.
23. Baranov P.P., Mamychev A.Y., Ovchinnikov A.I. Management of the conservative political platform of the transformation public-power organization in Eurasia, *International Review of Management and Marketing*, 2016, No 6 (S6), pp. 241–246.
24. Buchanan J., Tullock G. The Calculus of Consent. Ann Arbor: *Univ. of Michigan Press*, 1962.
25. Hall P., Taylor R. Political science and three new institutionalisms, *Political studies*, 1996, vol. 44, p. 947.
26. Lyubashits V., Mamychev A., Mordovcev A., Vronskay M. The social-cultural paradigm of state authority, *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, No 6 (36), pp. 301–306.
27. Lyubashits V.Y., Mamychev A.Y., Vronskaya M.V., Timofeeva A.A. Socio-economic and Public-power Aspects of the State and Society Relations in Modernizing Russia, *International Review of Management and Marketing*, 2016, No 6 (S6), pp. 116–120.

© А.Ю. Мамычев, 2017

© А.Д. Уханов, 2017

Для цитирования: Мамычев А.Ю., Уханов А.Д. Социокультурное измерение институциональных и функциональных характеристик публично-властных отношений // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9, № 3. С. 144–155.

For citation: Mamychev A.Yu., Ukhanov A.D. Sociocultural dimension of institutional and functional characteristics of public power relations, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, Vol. 9, No 1, pp. 144–155.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3/144-155

Дата поступления: 28.08.2017.

А.Б. Волынчук¹

Институт истории, археологии и этнографии (ИИАЭ) ДВО РАН
Владивосток. Россия

Я.А. Волынчук²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Япония и Китай в Северо-Восточной Азии: поиски стратегического равновесия

Стремление России к восстановлению своего влияния на мировой арене неизбежно ведет к возрастанию угроз безопасности, которые будут перманентно возникать в регионах, прилегающих к государственной территории страны. А с учетом того, что глобальный центр политической и экономической активности перемещается с Атлантики на Тихий океан, где позиции современной России наиболее уязвимы, Северо-Восточная Азия должна стать одним из главных приоритетов российской внешней политики. В этой связи необходимы не только ревизия сил и средств, которыми страна располагает в СВА, но и понимание геополитической ситуации в регионе с учетом целей, задач, ресурсных возможностей, а также характера межгосударственных отношений региональных держав. В этом контексте представляет интерес оценка внешнеполитических интересов Японии и Китая, которые, занимая верхние строчки глобальных рейтингов, являются региональными геополитическими конкурентами.

В статье исследован характер геополитических устремлений Японии и Китая – экономических и политических лидеров Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона. Выявлены их основные цели, реализуемые в современных условиях трансформации региональной архитектуры безопасности. Оценены ресурсные возможности региональных акторов, необходимые им для достижения своих национальных интересов в формировании новой системы региональной безопасности, с учетом меняющегося баланса сил.

Авторский подход к анализу геополитического соперничества Японии и Китая в СВА построен на результатах экспертизы геополитических статусов государств, в основу которой положены оценки ресурсного потенциала, экономической мощи и «качества» национальных интересов.

Ключевые слова и словосочетания: Северо-Восточная Азия, Япония, Китай, региональная безопасность, геополитические интересы, баланс сил.

¹ Волынчук Андрей Борисович – д-р полит. наук, доцент, старший научный сотрудник отдела международных отношений и региональной безопасности ЦАТИ; e-mail: i-abv@yandex.ru.

² Волынчук Яна Александровна – канд. полит. наук, доцент кафедры управления; e-mail: FrolovaJana@yandex.ru

A.B. Volynchuk

Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the far-east (FEBRAS)

Vladivostok. Russia

Ya.A. Volynchuk

Vladivostok State University of Economics and Service

Vladivostok. Russia

Japan and China in Northeast Asia: seeking strategic balance

Russia's desire to restore its influence in the world leads to an increase in security threats. They will arise in the regions that are adjacent to the state territory of Russia. Today, the global center of political and economic activity is moving from the Atlantic to the Pacific. Here, the positions of modern Russia are most vulnerable. Therefore, Northeast Asia should become the main priority of Russian foreign policy. It is necessary not only to audit the forces and means that the country has in Northeast Asia, but also to understand the geopolitical situation in the region. It is necessary to take into account the goals, objectives, resource opportunities and the nature of interstate relations of the countries of the region. In this context, the most interesting is the assessment of the foreign policy interests of Japan and China. These countries are regional geopolitical competitors. In the article, the character of the geopolitical aspirations of Japan and China - the economic and political leaders of North-East Asia and the Asia-Pacific region - has been studied. Their main goals in the transformation of the regional security architecture are revealed. The resource capacities of the regional actors that they need to achieve their national interests in the formation of a new regional security system, taking into account the changing balance of power, are estimated.

The author's approach to the analysis of Japan's and China's geopolitical rivalry in the Northeast Asia is built on the results of an examination of the geopolitical statuses of states based on assessments of the resource potential, economic power and the "quality" of national interests.

Keywords: North-East Asia, Japan, China, regional security, geopolitical interests, balance of power.

Замысел данной публикации сформировался под влиянием ряда теоретических и эмпирических положений, которые в современных условиях трансформации мировой системы приобретают принципиальный характер.

Во-первых, это признание того, что процесс экономической и политической глобализации не разрешил проблем неравномерного развития стран, а только усилил межгосударственную дифференциацию. Во-вторых, межгосударственное соперничество является основой международных отношений современности. Формулирование национальных интересов стран происходит на фоне усиления конкуренции различных моделей политического, экономического и социального

¹ Volynchuk Andrey Borisovich – Doctor of Political Science, Associate Professor; e-mail: i-abv@yandex.ru.

² Volynchuk Yana Aleksandrovna – Candidate of Political Science, Associate Professor of the Chair of Management; e-mail: FrolovaJana@yandex.ru.

развития. В-третьих, несмотря на значительное усиление в международных отношениях роли негосударственного сектора, национальные государства остаются основными участниками мировых политических, экономических и геополитических процессов, а в кризисные периоды их значение только возрастает. В-четвертых, жизнь современных национальных государств по-прежнему регулируется правилами и законами конкурентной борьбы за доминирование. В этой связи геополитический статус страны выступает универсальным показателем, определяющим уровень конкурентоспособности страны при решении своих геостратегических задач в тех или иных регионах мира.

Победа Д. Трампа на президентских выборах в США добавила турбулентности в процесс изменения баланса сил в Северо-Восточной Азии. При администрации Б. Обамы ситуация в регионе представлялась более или менее прогнозируемой – американский «разворот» в Тихоокеанскую Азию не оставлял сомнений в серьезности намерений Вашингтона препятствовать росту экономического и политического влияния Пекина как в АТР, так и в СВА. Однако новый президент решил основательно скорректировать содержание тихоокеанской политики. Прежде всего изменения коснулись Транс-Тихоокеанского партнерства (ТТП). Выходом США из ТТП Трамп фактически разрушил проект своего предшественника, пошатнув при этом всю архитектуру региональной безопасности. Одностороннее и несогласованное решение в рамках многостороннего соглашения по ТТП придало новой тихоокеанской политике «окрас» непредсказуемости, что значительно повысило геополитические и геоэкономические риски для региональных союзников США – Сеула и Токио.

Несмотря на всю спорность статистических данных по экономическому росту КНР, очевидно, что ее экономика развивается весьма высокими темпами (6,5–10% в год). Такой быстрый рост соседа на фоне затяжной рецессии и дефляционных тенденций в Японии не мог не вызвать озабоченности японских экспертов. В отечественной литературе на основе анализа мнений разных специалистов выделены следующие моменты, на которые акцентируют внимание сторонники концепции «китайской угрозы» для Японии [6].

Во-первых, Япония потеряла былой экономический вес в мировом и региональном масштабе вследствие замедления темпов роста экспорта и экономического кризиса. Китай же в эти годы заметно укрепил свои позиции. Например, доля Японии в мировом экспорте сократилась с 5,9% в 2005 г. до 3,79% в 2015 г., в то время как удельный вес китайского экспорта в те же годы возрос с 7,2 до 13,8% [12]. Во-вторых, Япония стоит перед проблемой старения населения, и, следовательно, его работоспособная часть неуклонно сокращается. В этой ситуации японскому рынку труда сложно конкурировать с более чем полумиллиардной массой дешевой рабочей силы КНР. Подчиняясь логике глобализации, японские компании стремятся перенести свое производство в Китай, что является одной из причин спада производства в стране. В-третьих, сторонники теории «китайской угрозы» полагают, что вынос производства и передача технологий оппоненту ведут к «вымыванию» промышленности Японии и повышению конкурентоспособности китайской продукции, которая наводнила японский рынок [7, с. 42].

В декабре 2005 г. в столице Малайзии состоялся первый Восточноазиатский саммит, основным результатом которого стали намерения стран-участниц двигаться по пути восточноазиатской интеграции с целью создания «Восточно-Азиатского сообщества» (ВАС) [8, с. 57]. В качестве локомотива этого процесса выступили страны Восточной Азии, имеющие наилучшие показатели социально-экономического развития. Оказалось, что подходы региональных лидеров – Китая и Японии – к решению вопросов о содержании и формах интеграции, ее целях и задачах существенно разнятся [3, с. 3].

Очевидно, что Восточноазиатский регион занимает особое место не только во внешнеэкономических связях Японии, но и в ее внешней политике в целом. Между тем устойчивый тренд негативных для Японии изменений в экономическом, политическом и стратегическом балансе сил в регионе требует от Токио существенной корректировки традиционного подхода к Восточной Азии как к своему «заднему двору». Если до конца 1980-х – начала 1990-х годов у «стаи летящих гусей», образованной «четырьмя малыми драконами» – Гонконгом, Тайванем, Сингапуром и Южной Кореей, вожаком была Япония, то теперь с учетом стремительного роста китайской экономики и повышения роли КНР в региональной торговле и инвестициях лидером «стаи» стал Китай. В условиях обостряющегося с конца 1990-х годов дефицита внешнеполитических ресурсов Токио ищет новые, менее затратные инструменты сохранения своего влияния на эти страны, призванные обеспечить там интересы японской политики и бизнеса. Неудивительно, что в реализации концепции «Восточноазиатского сообщества» под японским руководством и по японской же модели в стране Восходящего солнца видят наиболее рациональный путь к достижению своих стратегических целей.

Исходя из складывающихся в регионе новых реалий в экономической, политической и других областях, Токио проводит курс на укрепление всесторонних отношений со странами региона. Принципиальная позиция, сформулированная в концепции «открытого регионализма», заключается в том, что региональное сотрудничество между восточноазиатскими странами должно осуществляться в интересах предотвращения политики изоляционизма с упором на интересы регионального экономического сотрудничества. В действительности, политика Японии состоит в колебании между восточноазиатской и азиатско-тихоокеанской моделями интеграции, принципиальное различие которых заключается в возможности участия США во вновь создаваемых структурах. Отношения с Вашингтоном занимают беспрецедентное место в формировании внешнеполитического менталитета японцев и во всей внешней политике страны. Можно согласиться с утверждением, основной смысл которого сводится к тому, что политика Соединенных Штатов Америки стала важнейшим политико-образующим фактором для Японии [9, с. 50]. В реальной политической практике судьбы двух стран переплелись настолько тесно, что в контексте взаимоотношений между двумя странами можно говорить об американизации Японии и японизации США [11].

В результате позиционных метаний Токио Япония упустила инициативу, и лидерство в продвижении идей регионализма перешло к Китаю. При этом Пекин

усилил свои позиции в формулировании актуальной повестки переговоров, сформировал условия для увеличения своего присутствия на региональных рынках, а также расширил свои возможности противодействия росту экономического влияния США в регионе.

Рост потенциала противостояния не является только «фигурой речи». Этот процесс не следует абсолютизировать или возводить в статус современных геополитических теорий. Нельзя не считаться с тем фактом, что мощь Китая в региональном и глобальном масштабах ощутимо возросла. Сегодня соперничество в деле продвижения интеграционных моделей осуществляется между КНР и США, а Токио, утратив лидирующие позиции, вынужден лавировать между интересами Пекина и Вашингтона. Возросшая политическая активность стала продолжением курса Пекина на повышение своей роли в ключевых многосторонних институтах азиатского регионализма. Китай готов как разделить лидерство с другими ведущими акторами, так и единолично определять характер деятельности международных организаций. Первый подход Пекином реализован в Шестисторонних переговорах по безопасности Корейского полуострова и Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП). Второго подхода Китай придерживается в управлении двумя структурами: Советом по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и базовым проектом АТЭС по формированию Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) [3, с. 301].

Современный Китай позиционирует себя как набирающая глобальную значимость сила. Он пока не уверен в своих ресурсах и не обладает ими в достаточном объеме, чтобы стать лидером в мировой экономике и политике. Нет у страны и уверенности, что реакция мирового сообщества на его возвышение будет ему выгодной. Поэтому КНР ищет равноправное сотрудничество с Западом в поддержании глобальной и региональной стабильности, но не готова и не желает пока брать на себя «излишнюю» ответственность и лишаться торговых преимуществ. Желая быть партнером Западу, Китай не готов перенимать его демократические ценности и поступаться национальными интересами.

У современной Японии, по меньшей мере, два глобальных вызова. Прежде всего, насколько руководству страны удастся привести в соответствие сильную экономическую и недостаточную политическую роль в мире. Во-вторых, насколько получится повысить статус Японии как мировой державы и усилить ее влияние на мировое развитие. Япония позиционирует себя как военно-политический союзник США, что воспринимается в мире как отсутствие собственных стратегических устремлений и подчиненность внешнеполитических интересов Токио интересам США. Американо-японский военно-политический союз продолжает рассматриваться страной Восходящего солнца как опора стабильности и безопасности в АТР [3, с. 106]. Региональное сотрудничество Токио в вопросах безопасности скорее служит дополнением к двусторонним отношениям стратегического партнерства с США. «Новые» отношения с региональными державами в вопросах безопасности вообще стали возможны для Японии только в рамках японо-американского договора безопасности и в объемах, отвечающих интересам Вашингтона [4, с. 51].

Поэтому определяющим фактором развития сотрудничества с Токио в вопросах безопасности в СВА является позиция Соединенных Штатов. А она по большей части сконцентрирована на создании трехстороннего военно-политического блока Японии, Южной Кореи и США для противодействия угрозе дестабилизации Корейского полуострова, а также для сдерживания Китая [13].

Сохранение неопределенности в решении ядерной проблемы КНДР, рост военного потенциала Китая, взрывоопасная ситуация на Корейском полуострове и в Тайваньском проливе, обострение спора о принадлежности островов Сенкаку вынуждают власти Японии активно поддерживать Соединенные Штаты в их политике в отношении стран региона. Именно этими соображениями в первую очередь можно объяснить последовательность курса Токио на укрепление японо-американского договора безопасности и сохранение военного присутствия США на территории страны. Однако характер японо-американского военно-политического сотрудничества за последнее время сильно эволюционировал [2, с. 429]. Пришедший к власти Синдзо Абэ взял курс на укрепление обороноспособности страны: в январе 2015 г. утвержден крупнейший за всю историю страны оборонный бюджет в размере 41,97 млрд долл.; в июле принят закон, дающий войскам самообороны право участвовать в боевых операциях за рубежом [10].

В 2015 году в ходе подготовки визита японского премьера в США Вашингтон и Токио объявили о пересмотре ключевых принципов военного союза: «В соответствии с новым руководством по оборонному сотрудничеству две страны организуют постоянный, единый правительственный механизм по координации их союза, что обеспечит быстрое реагирование на всех фазах...» [5]. Б. Обама назвал гарантии США по защите Японии «абсолютными» и подтвердил намерение защищать любой ценой не только основную территорию Японии, но и острова Сенкаку, на которые претендует Китай. Пекин постоянно выказывает свое негативное отношение к милитаризации Японии и укреплению ее стратегического партнерства с США в Восточной Азии.

После проигрыша во Второй мировой войне Япония выработала основные принципы своей региональной политики: антимилитаризм, сохранение договора безопасности с США, паназиатизм и экономический прогресс в интересах развития всех стран региона. Однако новый век внес в эти правила свои коррективы. Обладая превосходящей Японию ресурсной базой, Китай осуществляет стратегию, направленную на возвышение своего геополитического статуса в Восточной и Северо-Восточной Азии. По факту КНР уже обрела статус регионального лидера и пытается увеличить разрыв с ближайшими конкурентами и, прежде всего, с Японией [1].

На сегодня Япония не имеет достаточного пространства для стратегического маневра, вынуждена реактивно менять геополитическую стратегию. Ресурсный потенциал, по определению, не обладает нужной в данных условиях эластичностью и не способен оперативно обеспечить необходимый «прирост» влияния. Потенциал развития Японии может какое-то время поддерживать значение ее статуса на нынешнем уровне. В этой связи отставание Японии от Китая можно определить долговременным геополитическим трендом. Тем более, что сам Китай не собира-

ется останавливаться на достигнутом. Резерв роста его геополитического статуса видится в качественном улучшении всего комплекса стратегических интересов Пекина. Перспективным представляется конвертация экономической мощи Китая в политическое влияние с помощью инструментов «мягкой силы». Для Китая это задача нового типа. Однако события последних лет демонстрируют серьезный прогресс в данном направлении.

1. Волынчук А.Б., Фролова Я.А. Китай в трансграничном регионе Северо-Восточная Азия: экономико-географическое основание геополитического статуса // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. №4 (20). С. 24–29.
2. Гриванов Р.И., Гриванова Н.В. Экономические механизмы становления и развития современной системы международных отношений в АТР в 60–70-е гг. XX века: роль Японии // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 3–3. С. 427–429.
3. Конкурирующие модели и современные тенденции восточноазиатского и азиатско-тихоокеанского регионализма: монография / С.В. Севастьянов и др.; науч. ред. С.В. Севастьянов; под общ. ред. А.Б. Волынчука. Владивосток: Дальневост. федер. ун-т: Дальнаука, 2014. 360 с.
4. Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. Япония в Восточной Азии: эволюция внешней политики после «холодной войны» // Афро-азиатские общества: история и современность. 2007. №2. С. 50–61.
5. Против кого укрепляют военный союз США и Япония. URL: <http://expert.ru/2015/04/28/yaponiya-i-ssha>
6. Саплин-Силановицкий Ю. КНР – Япония. Кто будет лидером в Восточной Азии? // Азия и Африка сегодня. 2007. №2. С. 25–26.
7. Семин А.В. Внешнеполитические ориентиры Японии и Китай (90-е гг.). М., 2001. 176 с.
8. Стрельцов Д. Япония и «Восточноазиатское сообщество»: взгляд со стороны // Мировая экономика и международные отношения. 2007. №2. С. 57–66.
9. Чугров С. Япония – США: искаженное взаимовосприятие // Мировая экономика и международные отношения. 2007. №2. С. 50–56.
10. Япония вооружается ради «предотвращения войны». URL: <http://vz.ru/world/2015/7/16/756566.html>
11. Harootunian H.D. America's Japan. Japan in the World, Durham, 1993. P. 196–221.
12. World trade developments WTO. URL: <http://stat.wto.org/CountryProfile/WSDBCountryPFView.aspx?Language=E&Country=CN%2cJP>
13. Yamakage Susumu. Japan's National Security and Asia Pacific's Regional Institutions in the Post-Cold War Era. Network Power: Japan and Asia / ed. by P. Katzenstien, T. Shiraiishi. Ithaca: Cornell University Press, 1999. P. 2–24.

Транслитерация

1. Volynchuk A.B., Frolova Ya.A. Kitai v transgranichnom regione Severo-vostochnaya Aziya: ekonomiko-geograficheskoe osnovanie geopoliticheskogo statusa, *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2012, No 4 (20), pp. 24–29.

2. Grivanov R.I., Grivanova N.V. Ekonomicheskie mekhanizmy stanovleniya i razvitiya sovremennoi sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii v ATR v 60–70-e gg. XX veka: rol' Yaponii, *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*, 2016, No 3–3, pp. 427–429.
3. Konkuriuyushchie modeli i sovremennyye tendentsii vostochnoaziatskogo i aziatsko-tikhookeanskogo regionalizma: monografiya / S.V. Sevast'yanov i dr. nauch. red. S.V. Sevast'yanov; pod obshch. red. A.B. Volynchuka, Vladivostok: Dal'nevost. federal. un-t: Dal'nauka, 2014, 360 p.
4. Krupyanko M.I., Areshidze L.G. Yaponiya v Vostochnoi Azii: evolyutsiya vneshnei politiki posle «kholodnoi voyny», *Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 2007, No 2, pp. 50–61.
5. Protiv kogo ukrepyayut voennyi soyuz SShA i Yaponiya. URL: <http://expert.ru/2015/04/28/yaponiya-i-ssha>
6. Saplin-Silanovitskii Yu. KNR – Yaponiya. Kto budet liderom v Vostochnoi Azii? *Aziya i Afrika segodnya*, 2007, No 2, pp. 25–26.
7. Semin A.V. Vneshnepoliticheskie orientiry Yaponii i Kitai (90-e gg.), M., 2001, 176 p.
8. Strel'tsov D. Yaponiya i «Vostochnoaziatskoe soobshchestvo»: vzglyad so storony, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2007, No 2, pp. 57–66.
9. Chugrov S. Yaponiya – USA: iskazhennoe vzaimovospriyatie, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2007, No 2, pp. 50–56.
10. Yaponiya vooruzhaetsya radi «predotvrashcheniya voyny». URL: <http://vz.ru/world/2015/7/16/756566.html>
11. Harootunian H.D. America's Japan. Japan in the World, *Durham*, 1993, pp. 196–221.
12. World trade developments WTO. URL: <http://stat.wto.org/CountryProfile/WSDBCountryPFView.aspx?Language=E&Country=CN%2cJP>
13. Yamakage Susumu. Japan's National Security and Asia Pacific's Regional Institutions in the Post-Cold War Era. *Network Power: Japan and Asia* / ed. by P. Katzenstien, T. Shiraiishi. Ithaca: Cornell University Press, 1999, pp. 2–24.

© А.Б. Волынчук, 2017

© Я.А. Волынчук, 2017

Для цитирования: Волынчук А.Б., Волынчук Я.А. Япония и Китай в Северо-Восточной Азии: поиски стратегического равновесия // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9, № 3. С. 156–163.

For citation: Volynchuk A.B., Volynchuk Ya.A. Japan and China in Northeast Asia: seeking strategic balance, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, Vol. 9, No 3, pp. 156–163.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3/156-163

Дата поступления: 03.04.2017.

А.А. Гресько¹
К.С. Солодухин²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Выбор смешанных типов стратегий взаимодействия университета с иностранными студентами на основе нечеткой многопериодной модели*

Целью работы являются разработка и апробация метода выбора стратегий взаимодействия вуза с группой заинтересованных сторон «Иностранные студенты» на основе нечеткой многопериодной модели выбора смешанных типов стратегий взаимодействия организации со стейкхолдерами. Показаны преимущества использования нечеткой модели по сравнению с ранее предложенными. Выделение иностранных студентов в качестве отдельной релевантной группы заинтересованных сторон связано со значительным ростом ее значимости в функционировании большинства отечественных вузов. Метод описывается на примере Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС), для которого, учитывая особенности приграничного территориального расположения, ведение международной деятельности является неотъемлемой составляющей развития. Выбор ВГУЭС для апробации метода связан также с существенным превышением значений большинства показателей мониторинга эффективности, относящихся к международной деятельности, медианных значений показателей государственных и муниципальных вузов страны. Описан ресурсный обмен группы стейкхолдеров «Иностранные студенты» с региональным университетом, и показана его специфичность. Выделены три возможных сценария развития отношений университета с группой заинтересованных сторон, в основе которых лежат различные изменения структуры спроса стейкхолдеров. Рассчитана целесообразность применения каждого из пяти «чистых» типов стратегий взаимодействия по всем трем сценариям с использованием расстояния Хемминга как меры близости соответствующих нечетких чисел. Предложены смешанные стратегии взаимодействия вуза с группой стейкхолдеров. Показаны их преимущества по сравнению с возможными чистыми стратегиями. Определены «узкие» места в системе взаимодействия университета с иностранными студентами.

Ключевые слова и словосочетания: группы стейкхолдеров, стратегии взаимодействия, нечеткая модель, многопериодная модель, смешанные стратегии.

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-6656.2016.6.

¹ Гресько Александр Александрович – канд. экон. наук, доцент кафедры математики и моделирования; e-mail: gresko_al@mail.ru.

² Солодухин Константин Сергеевич – д-р экон. наук, профессор кафедры математики и моделирования; e-mail: k.solodukhin@mail.ru.

A.A. Gresko¹
K.S. Solodukhin²

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

Selecting mixed types of university engagement strategies with foreign student based on fuzzy multi-period model

The aim of the work is to develop and approbate the method of selecting mixed types of university engagement strategies with foreign students based on fuzzy multi-period model for selecting mixed types of stakeholder engagement strategies of the company. The advantages of using the fuzzy model in comparison with the previously proposed ones are shown. The selection of foreign students as a separate relevant stakeholder group associated with a significant increase in its importance in the functioning of most national universities. The method is described on the example of Vladivostok State University of Economics and Service. International activity is an integral part of the University's development, taking into account the peculiarities of cross-border territorial location. The specificity of the resource exchange of the University with foreign students is shown. Three possible scenarios for the development of relations between the University and the stakeholder group are described. Mixed strategies for interaction between the University and the stakeholder group are proposed. Their advantages are shown in comparison with pure strategies. "Bottlenecks" in the system of interaction of the University with foreign students are defined.

Keywords: stakeholder groups, engagement strategies, fuzzy model, multi-period model, mixed strategies.

Одним из наиболее популярных подходов к разработке стратегий вузов является использование концепции заинтересованных сторон (стейкхолдерской теории фирмы) [11]. Современный университет представляет собой яркий пример организации, условием существования которой является способность устанавливать и поддерживать отношения с широким кругом заинтересованных сторон (стейкхолдеров). Такие организации были названы нами «стейкхолдер-организации». В свою очередь, была предложена концепция вуза как стейкхолдер-организации [15].

Количество выделяемых стейкхолдеров университетов различается у разных авторов. Например, у Е.А. Князева и Н.В. Дрантусовой их четыре [9], в работах Л.А. Малышевой их пять [11], в наших работах выделялось шесть релевантных групп заинтересованных сторон [4; 15]. Иностранцы студенты обычно не выделялись в качестве отдельной группы, что было связано с их относительно небольшой ролью в функционировании большинства отечественных вузов. Однако в последние годы значение международной деятельности университетов существенно возросло. Повышенное внимание этому направлению уделяет Министерство образования и науки РФ.

¹ Gresko Aleksandr Aleksandrovich – Candidate of Economical Sciences, Docent of Mathematics and Modeling Department; e-mail: gresko_al@mail.ru.

² Solodukhin Konstantin Sergeevich – Doctor of Economical Sciences, Professor of Mathematics and Modeling Department, Head of Strategic Planning Lab; e-mail: k.solodukhin@mail.ru

Заинтересованность вузов в привлечении иностранных студентов связана как с экономическими (рост доходов, рост учебной нагрузки), так и с социальными факторами (формирование поликультурной образовательной среды, мотивация к развитию программ на иностранных языках, воспитание толерантности), а также с определенными имиджевыми преимуществами, поскольку значительная доля иностранных студентов является признаком (и фактором) привлекательности вуза в мировом, национальном и региональном масштабах. Кроме того, вузы получают возможность выбирать лучших выпускников школ со всего мира, добиваясь таким образом улучшения качества образования [1].

Выделение иностранных студентов в качестве отдельной релевантной группы заинтересованных сторон обусловлено не только повышением их роли в деятельности университетов. Необходимо отметить и специфичность ресурсного обмена между этой группой и вузом.

Обучение иностранных студентов вносит определенную специфику в деятельность каждого вуза. Мера этой специфичности определяется содержанием обучения, организационно-методическими и ресурсными особенностями, необходимостью социально-культурной и бытовой поддержки. Иностранные студенты по своему статусу и уровню своей жизни в российском университете существенно отличаются от российских студентов, так как имеют другие личностные и образовательные потребности. Они приезжают в российские университеты с образовательной базой и ожиданиями, обусловленными образовательно-воспитательными системами своих стран [10].

Выбор набора стратегий взаимодействия с каждым стейкхолдером обусловливается стремлением организации к долгосрочной сбалансированности отношений со всеми ее стейкхолдерами, для чего в краткосрочном периоде организация может осознанно допускать нарушение баланса отношений с любой отдельной группой заинтересованных сторон, а именно удовлетворять интересы одних стейкхолдеров за счет других (перераспределяя созданную организацией как системой заинтересованных сторон ренту). В долгосрочном периоде преследование интересов одного из стейкхолдеров в ущерб остальным классам стейкхолдеров может привести к крайне негативным последствиям (такие последствия подробно описаны в работе [6]). Все это в полной мере относится к группе заинтересованных сторон «Иностранные студенты», несмотря на ее растущую значимость.

Целью данного исследования является разработка и апробация метода выбора стратегий взаимодействия вуза с группой заинтересованных сторон «Иностранные студенты» на основе нечеткой многопериодной модели выбора смешанных типов стратегий взаимодействия организации со стейкхолдерами.

Выбор стратегии взаимодействия организации со стейкхолдером определяется характеристиками сложившихся между ними отношений, связанных так или иначе с ресурсным обменом между ними. Однако, зачастую, упускается из внимания тот факт, что компания и стейкхолдеры в реальности обмениваются пучками ресурсов. При этом для каждой ресурсной компоненты, входящей в пучок, соответствующие характеристики отношений (зависимость, удовлетворенность, ожидания, желание

изменений) могут существенно отличаться. В этой связи может возникнуть ситуация, при которой в отношении одного и того же стейкхолдера по разным наборам ресурсов организации следует придерживаться стратегий разных типов. Тем самым возникает необходимость формирования смешанных стратегий из стратегий базовых типов (удовлетворение запросов, защита, воздействие, сотрудничество, сдержанность).

Отношения между организацией и стейкхолдерами изменяются с течением времени. Характеристики отношений (зависимость, желание изменений) могут ослабевать или усиливаться, причем, не всегда монотонно. В этой связи возникает необходимость в использовании многопериодных моделей, позволяющих выбирать наиболее целесообразные типы стратегий взаимодействия компании с каждой группой стейкхолдеров.

Ранее авторами были разработаны такие многопериодные модели двух типов. Во-первых, многопериодные модели, позволяющие выбирать наиболее целесообразные типы стратегий взаимодействия компании с каждой группой стейкхолдеров [5]. Во-вторых, многопериодные модели выбора смешанных типов стратегий взаимодействия организации со стейкхолдерами [2; 3].

В данной работе описана нечеткая многопериодная модель выбора смешанных типов стратегий взаимодействия организации со стейкхолдерами. Использование нечетко-множественных инструментов связано с тем, что обычно выбор стратегий осуществляется в условиях высокой неопределенности, недостатка релевантной информации, носящей невероятностный характер (при одновременном огромном объеме неоднозначной информации, которую необходимо учитывать при принятии решений). Кроме того, измерение характеристик отношений в лингвистических шкалах существенно облегчает работу экспертов и повышает точность их оценок и прогнозов.

Продемонстрируем использование модели на примере Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС) и его группы стейкхолдеров «Иностранные студенты».

Учитывая особенности приграничного территориального расположения ВГУЭС, ведение международной деятельности является неотъемлемой составляющей в функционировании и развитии университета. По состоянию на 1 октября 2016 г. во ВГУЭС обучались 327 иностранных студентов, из них 250 из дальнего зарубежья (в первую очередь, из стран АТР: Китай, Лаос, Республика Корея, Япония, Вьетнам). Значение показателя мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования Е 3.1 «Удельный вес численности иностранных студентов (кроме стран СНГ), обучающихся программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, в общей численности студентов (приведенный контингент)» (5,02%) намного превышает медианные значения показателей государственных и муниципальных вузов России. Постоянно растет объем средств от образовательной деятельности, полученных ВГУЭС от иностранных граждан и иностранных юридических лиц. По данному показателю (41 985,5 тыс. руб.) ВГУЭС также значительно превышает медианные значения. Более того, такая

ситуация (существенное превышение медианных значений показателей государственных и муниципальных вузов) наблюдается для 9 показателей международной деятельности из 13. Если же рассматривать медианные значения показателей вузов региона, то лишь один показатель ВГУЭС имеет значение ниже. В целом значение обобщенного показателя Е.3 «Международная деятельность» намного превышает установленное Министерством образования и науки РФ пороговое значение (6,29, при пороговом значении 1). При этом данный показатель показывает наибольшую положительную динамику из всех восьми основных показателей эффективности деятельности вуза.

Большое количество иностранных студентов не только говорит о высоком уровне образовательных программ и развитой инфраструктуре вуза, но и способствует научной и образовательной интеграции Дальнего Востока России в Азиатско-Тихоокеанский регион и усилению влияния русского языка и культуры. Развитая международная деятельность, в том числе и наличие иностранных студентов, повышает привлекательность вуза и на внутреннем рынке [8].

Важно понимать, какие именно иностранные студенты обучаются во ВГУЭС и других региональных университетах. Если говорить о китайских студентах (а таких во ВГУЭС большинство), то самые лучшие выпускники школ пытаются поступить в национальные университеты, значительно продвинувшиеся в международных рейтингах вузов. Следующая группа абитуриентов ориентирована на англоязычные образовательные программы. При этом руководством КНР не поощряется обучение на таких программах не в англоязычных странах. В этой связи англоязычные программы, предлагаемые российскими вузами, оказываются невостребованными у китайских студентов. Третья группа абитуриентов поступает в ведущие университеты центральной части России. И, наконец, четвертая группа абитуриентов с более низким уровнем платежеспособности предпочитает поступать на русскоязычные программы в региональные российские университеты, такие, как ВГУЭС.

Опишем ресурсный обмен этой группы иностранных студентов с региональным университетом.

Университет получает от иностранных студентов следующие ресурсы:

1. *Оплата образовательных услуг.* Здесь важно отметить возрастающую значимость доходов региональных вузов от иностранных студентов в условиях значительного сокращения государственного финансирования (в том числе, существенного снижения контрольных цифр приема российских студентов). Цена образовательных программ для иностранных студентов более чувствительна, чем для российских. При этом ослабление рубля по отношению к мировым валютам повышает привлекательность российских русскоязычных образовательных программ не только за счет их стоимости, но и удешевления пребывания в стране.

2. *Имидж.* Иностранные студенты университета формируют имидж вуза в своей стране. Они делятся информацией со своими друзьями, знакомыми об уровне обучения, квалификации преподавателей, современности МТБ. Устраиваясь на работу после окончания университета, они формируют имидж вуза в бизнес-среде.

3. *Выполнение показателей мониторинга Министерства образования и науки России*, относящихся к международной деятельности.

Иностранные студенты получают от университета следующие ресурсы:

1. Документы, подтверждающие факт успешного окончания образовательных программ (дипломы, сертификаты). Здесь важно отметить меньшую чувствительность к бренду вуза со стороны иностранных студентов по сравнению с российскими.

2. Технологии преподавания. Образовательный процесс обучения иностранных студентов значительно отличается от обучения российских студентов. Для обучения иностранных студентов необходима разработка специализированных технологий и методик преподавания, обеспечивающих получение современных и востребованных знаний, формирование профессиональных компетенций. Развитие методологии обучения, использование в образовательном процессе инфокоммуникационных технологий также способны ускорить подъем уровня владения русским языком. Для методик нового поколения характерно углубленное исследование речевого общения как формы взаимодействия людей посредством языка.

3. Возможность реализации в культуре и спорте. Возможность реализации в спорте, творчестве, знакомства окружающих с культурой своей страны очень важна для иностранных студентов.

4. Комфортные условия проживания. Чтобы университет привлекал иностранных студентов, очень важно не только качество образовательных программ, но и наличие развитой инфраструктуры – общежития, спортзалы, столовые, библиотеки, информационные ресурсы. Для иностранных студентов комфортные и безопасные условия проживания – норма [8]. При этом играет большую роль, обособленно ли проживают студенты каждой страны или вперемешку со студентами других стран.

5. Система адаптации студентов в вузе, помощь в бытовых и жизненных ситуациях. Интернационализация современного высшего образования, продвижение России на международный рынок образовательных услуг актуализируют проблему приспособления иностранных студентов к образовательному пространству и адаптации к новой социокультурной среде, представленной новым социумом, городом и теми культурно-детерминированными реалиями, с которыми они сталкиваются в ином сообществе [10]. Процесс адаптации – сложный процесс, формирующий способности иностранного студента не только развиваться в области коммуникативного общения, изучения методики познания иностранного языка, но и успешно взаимодействовать в формировании новых качеств личности, приобретении новых ценностей, осмыслении значимости будущей профессии. Успешная и быстрая адаптация помогает быстро включиться в учебный процесс и способствует повышению качества подготовки студентов в вузе [12]. Адаптация иностранных студентов включает в себя их вовлечение в общеуниверситетские и городские мероприятия, приглашение на фестивали, выставки, концерты, а также организацию для них экскурсий и праздников [8].

6. Коммуникативная площадка для установления личных деловых контактов. Преимущество международного образования состоит не только в приобретении

знаний иностранных языков, но и в установлении личных деловых контактов с коллегами из разных стран, а, значит, повышении конкурентоспособности при трудоустройстве [8].

Анализ взаимодействия университета с иностранными студентами базируется на следующих сценариях развития отношений.

Сценарий 1. В университете продолжается положительная динамика роста количества иностранных студентов, вызванная благоприятной экономической ситуацией и усилиями университета по увеличению контингента иностранных студентов. При этом количество востребованных иностранцами направлений подготовки существенно не меняется.

Сценарий 2. В рамках второго сценария предполагается рост спроса иностранных студентов на новые направления подготовки. В свою очередь это приведет к более быстрому темпу роста численности иностранных студентов, чем в первом сценарии.

Сценарий 3. В рамках третьего сценария предполагается сокращение направлений подготовки, на которые есть устойчивый спрос со стороны иностранцев, и, соответственно, снижение динамики роста численности иностранных студентов.

В предыдущих работах авторами были выделены следующие характеристики отношений между организацией и группами заинтересованных сторон (ГЗС): степень желаяния изменений (являющаяся функцией удовлетворенности и ожиданий в отношении контрагента), степень влияния (на контрагента). Данные характеристики можно представить в виде лингвистических переменных, описываемых с помощью нечетких чисел. В таблице 1 представлено преобразование вербальных оценок степени желаяния изменений отношений в нечеткие числа.

Таблица 1

Преобразование вербальных оценок степени желаяния изменений отношений в нечеткие числа

Вербальная оценка степени желаяния изменений отношений	Значения x										
	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	Значения $\mu(x)$										
Отсутствует	1	0,8	0,4	0,1	0	0	0	0	0	0	0
Очень маленькая	0,8	1	0,8	0,4	0,1	0	0	0	0	0	0
Незначительная	0,4	0,8	1	0,8	0,4	0,1	0	0	0	0	0
Небольшая	0,1	0,4	0,8	1	0,8	0,4	0,1	0	0	0	0
Ниже среднего уровня	0	0,1	0,4	0,8	1	0,8	0,4	0,1	0	0	0
Средняя	0	0	0,1	0,4	0,8	1	0,8	0,4	0,1	0	0
Выше среднего уровня	0	0	0	0,1	0,4	0,8	1	0,8	0,4	0,1	0
Большая	0	0	0	0	0,1	0,4	0,8	1	0,8	0,4	0,1
Значительная	0	0	0	0	0	0,1	0,4	0,8	1	0,8	0,4
Очень большая	0	0	0	0	0	0	0,1	0,4	0,8	1	0,8
Абсолютная	0	0	0	0	0	0	0	0,1	0,4	0,8	1

В таблице 2 представлено преобразование вербальных оценок степени взаимного влияния в нечеткие числа.

Таблица 2

**Преобразование вербальных оценок степени взаимного влияния
в нечеткие числа**

Вербальная оценка степени взаимного влияния	Значения x										
	-5	-4	-3	-2	-1	0	1	2	3	4	5
	Значения $\mu(x)$										
Влияние ГЗС на организацию несравнимо больше, чем влияние организации на ГЗС (ВГОНБ)	1	1	0,4	0	0	0	0	0	0	0	0
Влияние ГЗС на организацию существенно больше, чем влияние организации на ГЗС (ВГОСБ)	0,4	1	1	0,4	0,1	0	0	0	0	0	0
Влияние ГЗС на организацию умеренно больше, чем влияние организации на ГЗС (ВГОУБ)	0	0,4	1	1	0,2	0	0	0	0	0	0
Влияние ГЗС на организацию незначительно больше, чем влияние организации на ГЗС (ВГОНЗБ)	0	0	0,4	1	1	0,4	0,1	0	0	0	0
Влияние ГЗС и организации друг на друга примерно одинаково (ВГОПО)	0	0	0	0,2	0,9	1	0,9	0,2	0	0	0
Влияние организации на ГЗС незначительно больше, чем влияние ГЗС на организацию (ВОГНЗБ)	0	0	0	0	0,1	0,4	1	1	0,4	0	0
Влияние организации на ГЗС умеренно больше, чем влияние ГЗС на организацию (ВОГУБ)	0	0	0	0	0	0	0,2	1	1	0,4	0
Влияние организации на ГЗС существенно больше, чем влияние ГЗС на организацию (ВОГСБ)	0	0	0	0	0	0	0,1	0,4	1	1	0,4
Влияние организации на ГЗС несравнимо больше, чем влияние ГЗС на организацию (ВОГНБ)	0	0	0	0	0	0	0	0	0,4	1	1

Рассмотрим динамику изменения характеристик отношений между ВГУЭС и ГЗС «Иностранные студенты» по отдельно взятым ресурсам в рамках трех сценариев (табл. 3).

Таблица 3

Динамика изменения характеристик отношений для трех сценариев

Ресурсы	Сценарий 1 / Сценарий 2 / Сценарий 3					
	Степень желания изменений отношений			Степень взаимного влияния		
	2017 г.	2018–2019 гг.	2020–2021 гг.	2017 г.	2018–2019 гг.	2020–2021 гг.
1	2	3	4	5	6	7
Ресурсы, получаемые иностранными студентами от вуза						
Дипломы, сертификаты	Небольшая / Небольшая / Небольшая	Небольшая / Ниже среднего уровня/ Небольшая	Небольшая / Средняя / Небольшая	ВГОПО / ВГОПО / ВГОПО	ВГОПО / ВГОНЗБ / ВГОУБ	ВГОПО / ВГОУБ / ВГОНЗБ

1	2	3	4	5	6	7
Технологии преподавания	Значительная/ Значительная / Значительная	Выше среднего уровня/ Большая / Выше среднего уровня	Ниже среднего уровня/ Средняя / Небольшая	ВГОСБ / ВГОСБ / ВГОСБ	ВГОУБ / ВГОСБ / ВГОНЗБ	ВГОНЗБ / ВГОСБ / ВГОПО
Возможность реализации в культуре и спорте	Небольшая / Небольшая / Небольшая	Небольшая/ Небольшая/ Небольшая	Небольшая / Небольшая / Небольшая	ВОГНЗБ / ВОГНЗБ / ВОГНЗБ	ВГОПО / ВГОПО / ВГОПО	ВОГНЗБ / ВОГНЗБ / ВОГНЗБ
Комфортные условия проживания	Выше среднего уровня/ Выше среднего уровня / Выше среднего уровня	Средняя / Средняя / Ниже среднего уровня	Ниже среднего уровня/ Средняя / Небольшая	ВГОУБ / ВГОУБ / ВГОУБ	ВГОУБ / ВГОУБ / ВГОНЗБ	ВГОНЗБ / ВГОУБ / ВГОПО
Система адаптации	Незначительная/ Незначительная / Незначительная /	Незначительная / Незначительная / Очень маленькая	Очень маленькая / Небольшая/ Очень маленькая	ВГОПО / ВГОПО / ВГОПО	ВГОПО / ВГОПО / ВОГНЗБ	ВОГНЗБ / ВГОПО / ВОГНЗБ
Коммуникативная площадка	Средняя / Средняя / Средняя	Ниже среднего уровня / Небольшая/ Средняя	Небольшая/ Незначительная / Выше среднего уровня	ВГОПО / ВГОПО / ВГОПО	ВОГНЗБ / ВОГНЗБ / ВГОНЗБ	ВОГУБ / ВОГУБ / ВГОУБ
Ресурсы, получаемые вузом от иностранных студентов						
Оплата образовательных услуг	Средняя / Средняя / Средняя	Средняя / Средняя / Выше среднего уровня	Средняя / Ниже среднего уровня / Большая	ВОГНЗБ / ВОГНЗБ / ВОГНЗБ	ВОГУБ / ВОГУБ / ВОГНЗБ	ВОГУБ / ВОГУБ / ВГОПО
Имидж	Средняя / Средняя / Средняя	Ниже среднего уровня/ Ниже среднего уровня / Средняя	Небольшая / Небольшая / Средняя	ВГОСБ / ВГОСБ / ВГОСБ	ВГОСБ / ВГОУБ / ВГОСБ	ВГОУБ / ВГОУБ / ВГОСБ
Выполнение показателей мониторинга	Незначительная / Незначительная / Незначительная	Очень маленькая / Очень маленькая / Незначительная	Очень маленькая / Отсутствует / Небольшая	ВГОУБ / ВГОУБ / ВГОУБ	ВГОУБ / ВОГНЗБ / ВГОУБ	ВОГНЗБ / ВОГНЗБ / ВГОУБ

Как уже отмечалось в предыдущих работах, для каждой группы стейкхолдеров на основе анализа характеристик отношений может быть выбран определенный (наиболее подходящий при прочих равных) тип стратегии взаимодействия: удовлетворение запросов, защита, воздействие, сотрудничество, сдержанность.

Для того чтобы определить, какой тип стратегии следует применять к стейкхолдеру в сложившейся ситуации, каждому из типов ставится в соответствие

нечеткий весовой коэффициент, отражающий целесообразность применения стратегии данного типа. Целесообразность применения стратегии l -го типа ($l = \overline{1,5}$) в отношении k -й ГЗС (w_l^k) рассчитывается по следующим формулам:

$$w_1^k = \frac{5+G_1^k-V^k}{20}, w_2^k = \frac{10-|G_1^k-5|-V^k}{15}, w_3^k = \frac{5+G_2^k+V^k}{20}, w_4^k = \frac{25-G_1^k-G_2^k-|V^k|}{25}, w_5^k = \frac{10-|G_2^k-5|+V^k}{15}, \quad (1)$$

где V^k – степень взаимного влияния организации и k -й ГЗС, G_1^k – степень желаний изменений k -й ГЗС в отношении организации, G_2^k – степень желаний изменений организации в отношении k -й ГЗС.

Пусть имеется d сценариев изменения внешней среды, в результате которых в каждом из t периодов некоторым образом изменяются отношения организации с k -й ГЗС. На основе полученных оценок характеристик отношений рассчитываются коэффициенты целесообразности применения l -го типа стратегии в отношении k -й ГЗС (w_{lij}^k) в рамках i -го сценария ($i = \overline{1, d}$). Коэффициенты целесообразности применения l -го типа стратегии в отношении k -ой ГЗС по каждому сценарию сводятся к одному интегральному коэффициенту (w_{li}^k):

$$w_{li}^k = \frac{\sum_{j=1}^t w_{lij}^k \cdot q_{ij}^k}{\sum_{j=1}^t q_{ij}^k}, \quad (2)$$

где t – количество периодов, i – номер сценария, q_{ij}^k – коэффициент, отражающий степень уверенности эксперта (или лица принимающего решение (ЛПР)) в полученном для j -го периода коэффициенте целесообразности применения l -го типа стратегии в отношении k -й ГЗС в рамках i -го сценария.

Расчет интегральных коэффициентов целесообразности применения типов стратегий производится с использованием нечетко-множественных операций [7; 13].

Вначале рассчитываются нечеткие «идеальные» значения целесообразности применения стратегий: $w_1^{uk}, w_2^{uk}, w_3^{uk}, w_4^{uk}, w_5^{uk}$. Для этого выбираются нечеткие характеристики отношений, при которых весовые коэффициенты целесообразности применения типов стратегий достигают своих максимальных значений (в соответствии с выбранными лингвистическими шкалами).

Затем на основе реальных оценок характеристик отношений рассчитываются «реальные» нечеткие значения целесообразности применения стратегий: $w_1^{pk}, w_2^{pk}, w_3^{pk}, w_4^{pk}, w_5^{pk}$.

На последнем этапе для каждого типа стратегии определяется расстояние Хемминга между «идеальным» и «реальным» значением целесообразности применения стратегии по следующей формуле:

$$\rho(w_{li}^{uk}, w_{li}^{pk}) = \int_{-\infty}^{+\infty} |\mu_{w_{li}^{uk}}(x_h) - \mu_{w_{li}^{pk}}(x_h)| dx, \quad (3)$$

где $\mu_{w_{li}^{uk}}(x_h)$ и $\mu_{w_{li}^{pk}}(x_h)$ – функции принадлежности соответственно «идеальной» и «реальной» целесообразности применения типов стратегий.

Выбор следует осуществлять в пользу того типа стратегии, которому будет соответствовать наименьшее расстояние Хемминга между «идеальной» и «реальной» целесообразностью применения стратегии.

В рассмотренном нами примере расстояния Хемминга были рассчитаны для интегральных весовых коэффициентов целесообразности применения типов стратегий по трем сценариям (табл. 4–6).

Таблица 4

Расстояния Хемминга для типов стратегий взаимодействия для трех сценариев

Сценарии (вероятность)	Типы стратегий взаимодействия				
	Удовлетворение запросов	Защита	Воздействие	Сотрудничество	Сдержанность
Сценарий 1 (средняя)	0,89	0,64	1,1	0,91	1
Сценарий 2 (ниже среднего уровня)	0,86	0,54	0,98	0,86	0,87
Сценарий 3 (низкая)	0,83	0,6	0,99	0,95	1,01
Математическое ожидание	0,868	0,599	1,039	0,901	0,959
Среднеквадратичное отклонение	0,0229	0,0442	0,0582	0,0324	0,0625

Как уже отмечалось, может возникнуть ситуация, при которой в отношении одного и того же стейкхолдера по разным наборам ресурсов организации следует придерживаться стратегий разных типов. Тем самым появляется необходимость формирования смешанных стратегий из стратегий базовых типов. В результате возникают так называемые «физические смеси стратегий» [14]. Поэтому расчет расстояний Хемминга лучше делать не в целом для группы, а по отдельному ресурсу.

В нашем случае необходимо определить доли (веса) ресурсных компонентов, для которых наиболее целесообразно применение той или иной стратегии, и затем использовать метод формирования стратегий смешанного типа.

В подобных задачах исходом для принимающего решение при выборе им альтернативы $s = \overline{1, r}$ является случайная величина вида $\xi_s = \begin{bmatrix} a_s^1 & \dots & a_s^m \\ p_1 & \dots & p_m \end{bmatrix}$, где $(a_s^1 \dots a_s^m)$ – вектор выигрышей; $(p_1 \dots p_m)$ – вектор вероятностей выигрышей. Если принимающий решение использует смешанную стратегию $x = (x_1, \dots, x_r)$, то исходом, соответствующим этой смешанной стратегии, будет случайная величина $\xi = \sum_{s=1}^r x_s \xi_s$.

Математическое ожидание данной случайной величины может быть найдено по формуле:

$$M\xi = M(\sum_{s=1}^r x_s \xi_s) = \sum_{s=1}^r M\xi_s = \sum_{s=1}^r x_s M_s. \tag{4}$$

Для отклонения случайной величины ξ от ее ожидаемого значения выполняется условие $\xi - M\xi = \sum_{s=1}^r x_s \xi_s - \sum_{s=1}^r x_s M_s = \sum_{s=1}^r x_s (\xi_s - M_s)$, откуда получаем выражение для дисперсии:

$$D\xi = M(\xi - M\xi)^2 = M[(\sum_{s=1}^r x_s (\xi_s - M_s))(\sum_{z=1}^r x_z (\xi_z - M_z))] = \sum_{s,z=1}^r x_s x_z M[(\xi_s - M_s)(\xi_z - M_z)]. \tag{5}$$

В данном случае риск применения стратегий смешанного типа будет меньше по сравнению с риском использования «чистых» стратегий.

По каждой ресурсной компоненте, участвующей в ресурсном обмене университета и его группы стейкхолдеров, для каждого из трех сценариев нами были рассчитаны расстояния Хемминга для всех типов стратегий взаимодействия. В таблицах 5 и 6 приведены математические ожидания расстояний Хемминга (с учетом четких вероятностей сценариев, полученных из заданных нечетких (см. [13]).

Таблица 5

Расстояния Хемминга для ресурсов, получаемых университетом от иностранных студентов

Ресурсы, получаемые университетом от иностранных студентов	Важность ресурса	Тип стратегии	
		Воздействие	Сдержанность
Оплата образовательных услуг	Выше среднего уровня	0,69	0,41
Имидж	Выше среднего уровня	1,09	1,13
Выполнение показателей мониторинга	Очень высокая	1,16	1,1

Таблица 6

Расстояния Хемминга для ресурсов, получаемых иностранными студентами от университета

Ресурсы, получаемые иностранными студентами от университета	Важность ресурса	Тип стратегии	
		Удовлетворение запросов	Защита
Дипломы, сертификаты	Высокая	0,87	0,5
Технологии преподавания	Высокая	0,44	0,57
Возможность реализации в культуре и спорте	Средняя	1,03	0,63
Комфортные условия проживания	Выше среднего уровня	0,65	0,49
Система адаптации	Очень высокая	1,06	0,69
Коммуникативная площадка	Высокая	0,92	0,65

Нетрудно сделать вывод (табл. 5), что по ресурсам «Оплата образовательных услуг» и «Выполнение показателей мониторинга эффективности деятельности» целесообразнее придерживаться стратегии сдержанности. Относительно ресурса «Имидж» лучше придерживаться стратегии воздействия. Для того чтобы задать вероятностный вектор смешанной стратегии, нечеткие оценки важности ресурсов нормируются с последующей дефазификацией [13]. В данном случае получился следующий вероятностный вектор смешанной стратегии (0,29; 0,71). Рассчитывая для данной смешанной стратегии математическое ожидание и среднеквадратичное отклонение, получаем: $M = 0,98$, $\sigma = 0,057$. Значение математического ожидания оказалось больше, чем при чистом типе стратегии сдержанности (который мы, очевидно, выбрали бы, если ограничивались только чистыми стратегиями), но существенно меньше, чем при чистом типе стратегии воздействия (табл. 5).

При этом показатель риска («Среднеквадратичное отклонение») оказался меньше по сравнению с обоими типами стратегий.

По ресурсу «Технологии преподавания» целесообразнее придерживаться стратегии удовлетворения запросов, так как у данного типа стратегии расстояние Хемминга меньше, по сравнению со стратегией защиты (табл. 6). По всем остальным ресурсам следует придерживаться стратегии защиты. Для данного смешанного типа стратегии был получен вероятностный вектор (0,11; 0,89). Рассчитывая для данной смешанной стратегии математическое ожидание и среднеквадратичное отклонение, получаем: $M = 0,629$, $\sigma = 0,04$. Значение математического ожидания оказалось немного хуже, чем при чистом типе стратегии защиты, но намного лучше, чем при чистом типе стратегии удовлетворения запросов. Значение риска («Среднеквадратичное отклонение») изменилось в лучшую сторону, но очень незначительно (что и следовало ожидать при таком вероятностном векторе).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что ВГУЭС удалось выстроить систему взаимодействия с иностранными студентами, позволяющую в целом удовлетворять запросы учащихся на высоком уровне и формирующую у них позитивные ожидания. При этом «узким» местом являются технологии преподавания, совершенствованию которых необходимо уделить особое внимание. Это должно привести и к улучшению имиджа вуза, также требующего повышенного внимания.

-
1. Ватолкина Н.Ш., Федоткина О.П. Академическая мобильность студентов в условиях интернационализации образования // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 2(96). С. 17–26.
 2. Горбунова М.В., Гресько А.А., Солодухин К.С. Динамическая модель выбора смешанных типов стратегий взаимодействия организации с группами стейкхолдеров // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–25. С. 5626–5630.
 3. Горбунова М.В., Гресько А.А., Солодухин К.С. Многопериодная модель выбора смешанных типов стратегий взаимодействия вуза со стейкхолдерами // Проблемы современной экономики. 2016. № 3. С. 215–218.
 4. Гресько А.А., Солодухин К.С., Чен А.Я. Многопериодная модель ресурсного взаимодействия заинтересованных сторон вуза // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5, № 2 (15). С. 77–81.
 5. Гресько А.А., Солодухин К.С. Многопериодные модели выбора стратегий взаимодействия вуза со стейкхолдерами в условиях риска // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 4–5. С. 36–43.
 6. Гурков И.Б. Условия устойчивого развития коммерческой фирмы // Экономическая наука современной России. 2011. № 3. С. 100–114.
 7. Заде Л.А. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М.: Мир, 1976.
 8. Иностранцы студенты приезжают во ВГУЭС за качественным образованием. URL: <http://www.vvsu.ru/latest/article/10776096>.

9. Князев Е.А., Дрантусова Н.В. Дифференциация в высшем образовании: основные концепции и подходы к изучению // Университетское управление: практика и анализ. 2012. № 5. С. 43–52.
10. Козулина А.П. Современные проблемы подготовки иностранных студентов к обучению в российских вузах // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 141.
11. Малышева Л.А. Стратегическое управление в вузах: технологии и инструменты // Университетское управление: практика и анализ. 2013. № 1. С. 78–87.
12. Погукаева А.В., Коберник Л.Н., Омелянчук Е.Л. Адаптация иностранных студентов в российском вузе // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 3. С. 294.
13. Птускин А.С. Нечеткие модели задач принятия стратегических решений на предприятиях: ди. ... д-ра экон. наук: 08.00.13. М., 2004.
14. Розен В.В. Математические модели принятия решений в экономике: учеб. пособие. М.: Книжный дом «Университет», Высшая школа, 2002. 288 с.
15. Солодухин К.С. Стратегическое управление вузом как стейкхолдер-компанией. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009. 289 с.

Транслитерация

1. Vatolkina N.Sh., Fedotkina O.P. Akademicheskaya mobil'nost' studentov v usloviyakh internatsionalizatsii obrazovaniya, *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2015, No 2 (96), pp. 17–26.
2. Gorbunova M.V., Gres'ko A.A., Solodukhin K.S. Dinamicheskaya model' vybora smeshannykh tipov strategii vzaimodeistviya organizatsii s gruppami steikkholderov, *Fundamental'nye issledovaniya*, 2015, No 2–25, pp. 5626–5630.
3. Gorbunova M.V., Gres'ko A.A., Solodukhin K.S. Mnogoperiodnaya model' vybora smeshannykh tipov strategii vzaimodeistviya vuza so steikkholderami, *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2016, No 3, pp. 215–218.
4. Gres'ko A.A., Solodukhin K.S., Chen A.Ya. Mnogoperiodnaya model' resursnogo vzaimodeistviya zainteresovannykh storon vuza, *Azimet nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 2016, vol. 5, No 2 (15), pp. 77–81.
5. Gres'ko A.A., Solodukhin K.S. Mnogoperiodnye modeli vybora strategii vzaimodeistviya vuza so steikkholderami v usloviyakh riska, *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2014, No 4–5, pp. 36–43.
6. Gurkov I.B. Usloviya ustoichivogo razvitiya kommercheskoi firmy, *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*, 2011, No 3, pp. 100–114.
7. Zade L.A. Ponyatie lingvisticheskoi peremennoi i ego primenenie k prinyatiyu priblizhennykh reshenii, М.: Mir, 1976.
8. Inostrannye studenty priezzhayut vo VGUES za kachestvennym obrazovaniem. URL: <http://www.vvsu.ru/latest/article/10776096>.
9. Knyazev E.A., Drantusova N.V. Differentatsiya v vysshem obrazovanii: osnovnye kontseptsii i podkhody k izucheniyu, *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2012, No 5, pp. 43–52.

10. Kozulina A.P. Sovremennye problemy podgotovki inostrannykh studentov k obucheniyu v rossiiskikh vuzakh, *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2014, No 5, p. 141.
11. Malysheva L.A. Strategicheskoe upravlenie v vuzakh: tekhnologii i instrumenty, *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2013, No 1, pp. 78–87.
12. Pogukaeva A.V., Kobernik L.N., Omel'yanchuk E.L. Adaptatsiya inostrannykh studentov v rossiiskom vuze, *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2016, No 3, p. 294.
13. Ptuskin A.S. Nechetkie modeli zadach prinyatiya strategicheskikh reshenii na predpriyatiyakh: dis... d-ra ekon. nauk: 08.00.13. Moskva, 2004.
14. Rozen V.V. Matematicheskie modeli prinyatiya reshenii v ekonomike: ucheb. posobie. M.: Knizhnyi dom «Universitet», Vysshaya shkola, 2002, 288 p.
15. Solodukhin K.S. Strategicheskoe upravlenie vuzom kak steikholder-kompaniei. SPb.: Izd-vo Politekh. un-ta, 2009. 289 p.

© А.А. Греско, 2017

© К.С. Солодухин, 2017

Для цитирования: Греско А.А., Солодухин К.С. Выбор смешанных типов стратегий взаимодействия университета с иностранными студентами на основе нечеткой многопериодной модели // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9, № 3. С. 164–178.

For citation: Gresko A.A., Solodukhin K.S. Selecting mixed types of university engagement strategies with foreign student based on fuzzy multi-period model, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, Vol. 9, No 1, pp. 164–178.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3/164-178

Дата поступления: 08.08.2017.

Г.В. Петрук

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Публикационная активность университетов Дальнего Востока России как фактор интеграции в международное научное пространство

Цель настоящей работы заключалась в анализе роли университетов Дальнего Востока России в международном научном пространстве с позиции общепринятых в международной и российской практике научных индикаторов. В ходе исследования заявленной темы применялись методы сравнительного анализа, анализа библиометрических показателей, статистических данных, отраженные в официальных мониторингах, национальных и зарубежных информационно-аналитических системах. В статье обобщены подходы к оценке показателей научной деятельности, проведен анализ наукометрических показателей ряда университетов Дальнего Востока России.

Оценить современную роль университетов в международном научном пространстве автору позволил анализ ряда показателей научно-исследовательской деятельности, среди которых, публикационная активность, цитируемость, индекс Хирша и др. Интеграция российской науки в международную научно-исследовательскую сферу, расширение географии международного научного сотрудничества, поддержка исследований в рамках выполнения совместных международных научных проектов позволит стране оставаться в тренде современных исследований, а впоследствии прочно закрепить успехи в экономической сфере.

Проведенное исследование доказывает, что высшие учебные организации в последние годы вносят достаточно весомый вклад в международное научное пространство с позиции общепринятых в зарубежной и российской практике научных индикаторов. Они наращивают свою публикационную активность, публикуя работы, значимые и востребованные в научном сообществе, о чем свидетельствует их динамика. Использование результатов научно-исследовательской деятельности в процессе создания нового научного знания позволяет решать прикладные задачи в интересах развития современной экономики и общества. Материалы статьи могут служить базой для анализа научно-исследовательской деятельности университетов.

Ключевые слова и словосочетания: публикационная активность, наукометрические показатели, индексы цитирования, импакт-фактор.

G.V. Petruk

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

Public activity of university of the Far East of Russia as the factor of integration in the international scientific space

The objectives of the study described in the article are analysis of the role of the universities of the Russian Far East in the international scientific space from the position of scientific indicators generally accepted in international and Russian practice. Methods and methodology. In the course of the study of the stated topic, the methodology of a comprehensive study was applied, including methods of comparative analysis, analysis of bibliometric indicators, statistical data reflected in official monitoring and national and foreign information and analytical systems. Results and scientific novelty. The article summarizes the approaches to assessing the indicators of scientific activity, analyzed the role of the universities of the Russian Far East in the international scientific space. To evaluate the modern role of universities in the international scientific space, the author was allowed to analyze a number of indicators of scientific research activity, including publication activity, citation, Hirsch index, etc. Integration of Russian science into the international research sphere, expansion of the geography of international scientific cooperation, joint international scientific projects will allow the country to remain in the trend of modern research, and to consolidate success in the economic sphere. The conducted research proves that the universities of the Far East of Russia in recent years have made a sufficiently significant role in the international scientific space from the standpoint of scientific indicators generally accepted in international and Russian practice. Higher educational institutions are increasing their publication activity, publish works that are significant and in demand in the scientific community, as evidenced by the dynamics of the indicators of publication activity, citation and the Hirsch index. The importance of ongoing research, the use of the result of scientific activity in the process of creating new scientific knowledge allows us to solve applied problems in the interests of the development of modern economy and society. The materials of the article can serve as a basis for analyzing the research activities of universities.

Keywords: Publication activity, scientometric indicators, citation indexes, impact factor.

Введение

В условиях формирования экономики знаний университеты и научно-исследовательские институты выступают ключевым элементом системы общественного развития и реально влияют на процесс ее формирования. В такой экономике миссия университетов должна быть направлена, прежде всего, на генерацию новых знаний и их передачу в неакадемический сектор. «Глобальные вызовы, связанные с развитием экономики знаний, требуют превращения высшей школы в активного агента инновационного развития страны и регионов. «Третья миссия» университетов, расширяющая ответственность вузов из традиционных сфер – обучения и исследований – до внедрения научных разработок в экономику, обуславливает необходимость формирования современной инновационной инфраструктуры» [1].

Petruk Galina Vladimirovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Chair of Management, Director of Scientific Research Department; e-mail: Galina.Petruk@vvsu.ru.

Экономика знаний в информационном обществе характеризуется динамичностью и непрерывностью технологических инноваций. Для того чтобы оставаться в тренде современных исследований, а впоследствии прочно закрепить успехи в экономической сфере, необходимы интеграция российской науки в международную научно-исследовательскую сферу, расширение географии международного научного сотрудничества, поддержка исследований в рамках выполнения совместных международных научных проектов. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года предусматривает задачу восстановления лидирующих позиций фундаментальной науки на мировой арене, а также формирование сбалансированного и устойчиво развивающегося сектора исследований и разработок [2]. Особенно актуальна реализация данной стратегии в период перехода к экономике знаний для регионов, которые в правительственных программах развития в последние годы приобрели приоритетный характер. К одним из них и относится Дальневосточный регион России.

Оценить современную роль университетов в международном научном пространстве позволяет анализ ряда показателей научно-исследовательской деятельности, одними из которых являются публикационная активность, цитируемость, индекс Хирша и др. Цель настоящей работы заключается в исследовании роли университетов Дальнего Востока России в международном научном пространстве с позиции общепринятых в международной и российской практике научных индикаторов.

Методы и методология исследования

В оценке результативности научной деятельности университетов используются разнообразные библиометрические показатели, которые рассчитываются с использованием общепринятых в наукометрии критериев. Основная проблема, на наш взгляд, заключается в выборе параметров, которые могут быть применены для построения объективного многогранного, комплексного анализа.

Как правило, в рейтингах и мониторингах, оценивающих научную деятельность вузов, используются следующие показатели, которые можно сформировать в три основные группы:

1) востребованность научной деятельности, о которой можно судить по количеству цитирований на одну статью, а также среднему уровню цитирования журналов, в которых опубликованы статьи. В мониторингах чаще всего прибегают к суммарному или совокупному импакт-фактору журналов, в которых опубликованы статьи авторов;

2) масштаб научной деятельности, включающий количество публикаций авторов вуза, индекс Хирша университета, число публикаций с участием зарубежных авторов, а также количество публикаций, выполненных в сотрудничестве с другими организациями;

3) научный потенциал, который можно оценить по качеству цитирований (исключающий самоцитирование авторов), концентрации публикаций в определенной предметной области.

Приведенные показатели относятся к наиболее объективным измерителям эффективности научной деятельности, найти которые можно в зарубежных и националь-

ных информационно-аналитических системах. В специальной литературе описаны различные подходы к анализу данных, полученных на основе библиометрии, но, как отмечают большинство экспертов [3–5], идеальных индикаторов не существует.

На территории Дальневосточного федерального округа расположено тридцать пять высших учебных заведений (без учета филиалов). Стоит подчеркнуть, что масштаб образовательной и финансово-экономической деятельности данных образовательных организаций существенно отличается друг от друга. Представляется нецелесообразным сравнивать университеты-гиганты с образовательными организациями, которые имеют более узкий перечень направлений подготовки, на порядок ниже количество обучаемых студентов и, как следствие, штат профессорско-преподавательского состава, являющиеся генераторами научных знаний. Поэтому в качестве основного критерия, который был положен в отбор университетов, чьи показатели анализировались, представлен широкий спектр направлений подготовки обучающихся. Таким образом, исследуемая референтная группа включает 13 университетов Дальнего Востока, в том числе два федеральных.

Основной материал исследования

Оценка востребованности научной деятельности университетов Дальнего Востока. В условиях информационного общества и необходимости быстрого обмена знаниями невозможно представить научное сообщество без полноценных оперативных коммуникаций результатов научных исследований. Оценить востребованность научной деятельности, влияние ученого или организации на науку, определить качество проведенных научных исследований дают возможность индикаторы российских и международных баз данных – индексы цитирования.

Публикационная активность относится к количественному показателю и включает в себя, прежде всего, анализ, который в большинстве мониторингов и рейтингов показан через количество публикаций, приходящихся на одного научно-педагогического работника вуза. Общее количество индексируемых в российском индексе цитирования публикаций университетов ДФО в 2016 г. можно рассматривать по данным научной электронной библиотеки Elibrary.ru с использованием национальной информационно-аналитической системы, а также по данным отчетов официальных мониторингов. В таблице 1 отражены данные публикационной активности университетов Дальнего Востока, отобранных по указанному выше критерию.

Таблица 1

Количество публикаций организации по ДВФО, индексируемых в информационно-аналитических системах научного цитирования РИНЦ, Web of Science (WOS) и Scopus в расчете на 100 НПП

Вузы Дальнего Востока	2015			2016		
	Scopus статей	WoS статей	РИНЦ статей	Scopus статей	WoS статей	РИНЦ статей
1	2	3	4	5	6	7
Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ)	32,56	21,54	131,25	43,05	31,46	200,34

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (СВФУ)	9,38	6,05	200,78	17,93	8,48	216,25
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС)	16,32	6,42	172,58	20,51	7,65	400,80
Тихоокеанский государственный университет (ТОГУ)	8,53	2,65	156,60	7,63	5,63	254,45
Сахалинский государственный университет (СахГУ)	4,46	1,49	48,83	6,28	3,25	80,42
Амурский государственный университет (АмГУ)	10,75	4,46	198,65	10,8	3,81	220,04
Хабаровский государственный университет экономики и права (ХГУЭП)	2,89	0,36	245,48	1,67	1,26	257,79
Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет (КнАГТУ)	8,99	5,58	201,89	11,62	5,03	281,41
Благовещенский государственный педагогический университет (БГПУ)	6,25	4,33	289,01	14,12	10,73	341,24
Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема (ПГУ им. Шолом-Алейхема)	6,16	13,87	138,67	13,67	1,82	275,30
Северо-Восточный государственный университет (СВГУ)	5,68	0	64,20	2,36	1,18	89,60
Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет (АмГПУ)	9,9	6,86	246,86	12,74	4,25	336,99
Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга (КамГУ им. Витуса Беринга)	8,95	4,48	125,34	14,04	14,98	234,08

Источник: сост. авт. по [6].

Анализ данных таблицы позволяет выделить первую тройку лидеров в 2016 г. по количеству публикаций высших учебных заведений ДВФО, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования РИНЦ, куда входят такие университеты, как Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС), Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет и Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет. Необходимо отметить, что в последние годы явно прослеживается тенденция увеличения количества публикаций в российской информационно-аналитической системе научного цитирования. Так, в 2016 г. все представленные в табл. 1 организации увеличили количество публикаций практически в два и более раза.

Оценить продвижение научных исследований в международное научное пространство позволяют индикаторы международных баз данных. К самым распространённым базам, которые анализируются в различных мониторингах, национальных и международных рейтингах, относятся информационные системы Web of Science (WOS) и Scopus. Они помогают произвести наукометрический анализ по интересующей тематике, найти информацию о ключевых научных исследованиях в мире, основных тенденциях развития науки. В настоящее время показатель количества публикаций, индексируемых в информационно-аналитических системах WOS и Scopus, активно используется не только для оценки научно-образовательных организаций в целом, но и для оценки деятельности российских ученых, например, при проведении экспертизы заявок на финансирование в рамках различных конкурсов, государственных фондов, федеральных целевых программ, а также для аттестации научно-педагогических работников.

Явными лидерами количества публикаций международной системы Scopus в ДФО являются: Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса и Благовещенский государственный педагогический университет.

Анализ публикационной активности вузов Дальнего Востока показал, что наибольшее количество публикаций, реферируемых в международной системе «Сеть науки», приходится на такие организации, как Дальневосточный федеральный университет, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. Стоит отметить, что согласно данным системы мониторинга результативности высших учебных организаций есть ряд учреждений региона, которые в 2016 г. не опубликовали ни одной научной статьи, реферируемой международными базами данных.

В целом анализ табл. 1 наглядно демонстрирует тенденцию увеличения количества публикаций российских ученых в международных базах данных. Так, прирост научных статей в рассматриваемых вузах составил от 40 до 226% в международной системе Scopus и от 60 до 350% в международной системе «Сеть науки».

Безусловно, количественный показатель не дает возможности объективно оценить научную важность результатов исследований, которые отражены в статьях, поэтому прибегают к анализу востребованности работ конкретных авторов и организаций у определенной целевой аудитории.

Анализ цитирования публикаций. Об актуальности, перспективности, продуктивности научного исследования можно судить по такому универсальному индикатору, как цитирование статей ученых и журналов. При этом в библиометрии применяется ряд индексов – индекс цитирования научных статей, импакт-фактор журналов и т.п. Использование значений этих показателей очень удобно ранжировать в определении оценки значимости или эффективности работ исследователей, организаций и даже стран.

Нет однозначного отношения к данному библиометрическому показателю со стороны экспертов. Одни из них указывают на то, что цитирование является качественным показателем, поскольку позволяет оценить эффективность работ исследователей. Другие отмечают, что это количественный показатель, который

не учитывает мотивы цитирований [7], что в принципе не позволяет различать, чем вызваны высокие значения таких показателей: действительно ли работы автора стали основой для большого количества новых результатов или существует договор авторов о взаимном цитировании научных работ? Несмотря на неоднозначность отношения экспертов к данному показателю, он достаточно эффективно применяется в оценке научной деятельности вузов. В таблице 2 отражено распределение вузов ДВФО по частоте цитирования публикаций.

Таблица 2

Количество цитирований организации по ДВФО, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования РИНЦ, Web of Science (WOS) и Scopus в расчете на 100 НПП

Вузы Дальнего Востока	2015			2016		
	Scopus	WoS	РИНЦ	Scopus	WoS	РИНЦ
Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ)	61,63	50,11	97,99	80,04	88,06	160,50
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (СВФУ)	48,59	30,25	183,00	93,20	62,72	327,18
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС)	36,12	40,13	576,86	122,78	64,91	921,0
Тихоокеанский государственный университет (ТОГУ)	9,68	5,53	51,62	18,13	8,0	282,45
Сахалинский государственный университет (СахГУ)	7,80	9,29	98,79	6,28	0,84	58,22
Амурский государственный университет (АмГУ)	36,70	20,18	166,45	40,31	23,69	205,07
Хабаровский государственный университет экономики и права (ХГУЭП)	0	0	457,70	0	0	1717
Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет (КНАГТУ)	19,23	13,65	915,18	50,88	16,65	672,42
Благовещенский государственный педагогический университет (БГПУ)	37,99	55,78	458,28	106,78	59,32	700,0
Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема (ПГУ им. Шолом-Алейхема)	157,94	130,20	1492	144,94	41,02	1395,62
Северо-Восточный государственный университет (СВГУ)	1,70	0,57	100	1,77	1,77	160,73
Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет (АмГПГУ)	47,24	28,95	238,48	42,48	26,19	107,61
Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга (КамГУ им. Витуса Беринга)	76,10	62,67	212,18	33,71	38,39	234,08

Источник: сост. авт. по [6].

Данные таблицы свидетельствуют о том, что самый высокий уровень цитирования публикаций в российском индексе научного цитирования вузов Дальнего Востока России в 2016 г. приходится на три организации: Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема (1395,62), Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (921,0), Благовещенский государственный педагогический университет (700,0).

Наиболее значимым показателем востребованности работ международным научным сообществом является показатель цитирования научных публикаций, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Scopus (рис. 1).

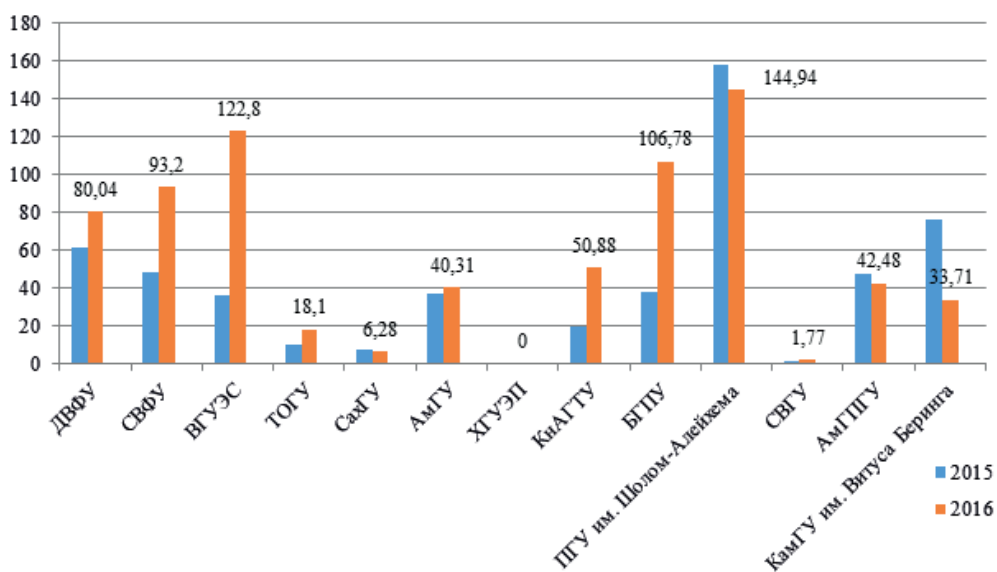


Рис. 1. Количество цитирований публикаций организаций по ДВФО, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Scopus, в расчете на 100 НПП [6]

Высокий уровень цитирования научных публикаций в данной базе отмечается в Приамурском государственном университете имени Шолом-Алейхема, Владивостокском государственном университете экономики и сервиса, Благовещенском государственном педагогическом университете. В целом в рассматриваемой линейке университетов цитируемость публикаций в информационно-аналитической базе Scopus с 2015 по 2016 г. увеличилась с 40 до 340%.

В Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года отмечается, что одна из важных задач, стоящая перед современной наукой России, состоит в росте количества цитирований в расчете на 1 публикацию российских исследователей в научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (Web of Science), до 4 ссылок к 2020 г. [2]. Высокий уровень цитирования научных публикаций, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Web of Science при высокой публикационной активности

отмечается в ДВФУ, ВГУЭС и Благовещенском государственном педагогическом университете (рис. 2).

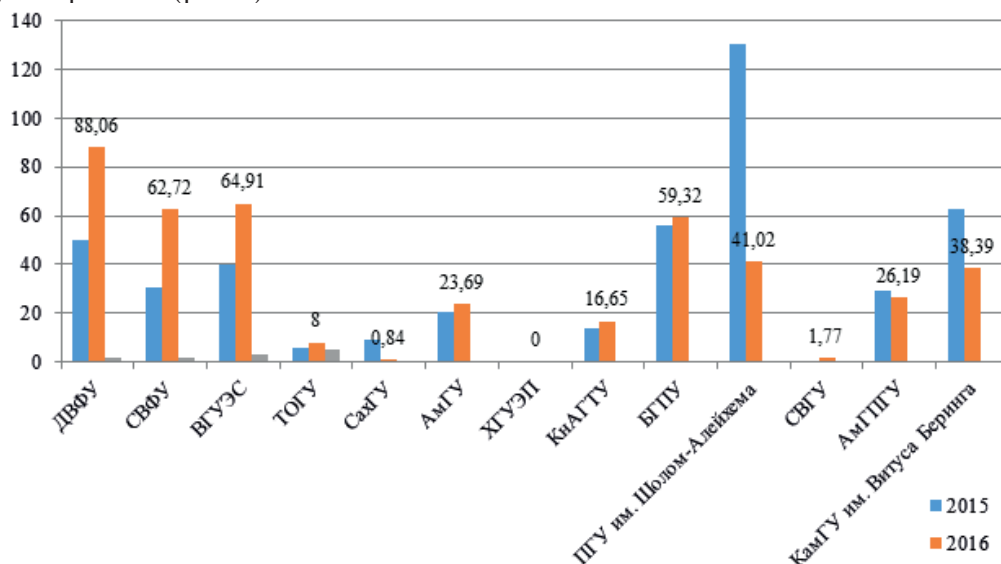


Рис. 2. Количество цитирований публикаций организаций по ДВФО, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Web of Science, в расчете на 100 НПП [6]

Положительная динамика показателей цитирования в международных информационно-аналитических системах научного цитирования отражает «воздействие научных работ на научное сообщество» [8, с. 43] и косвенно свидетельствует о повышении значимости публикаций ученых ДВФО.

Общепринятым показателем признания научным сообществом работ ученого считается показатель индекс Хирша, являющийся количественной характеристикой продуктивности исследователя, в основе которой лежит соотношение между числом публикаций и числом их цитирований. Можно сказать, что индекс Хирша характеризует масштабность и успешность исследовательской и публикационной деятельности организации и отражает усредненную публикационную активность исследователей.

Таблица 3

Сравнительные показатели вузов ДВФО по индексу Хирша

Вузы Дальнего Востока	По всем публикациям на elibrary.ru	По ядру РИНЦ
1	2	3
Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ)	52	33
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (СВФУ)	36	17
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС)	34	18

1	2	3
Тихоокеанский государственный университет (ТОГУ)	24	16
Сахалинский государственный университет (СахГУ)	13	7
Амурский государственный университет (АмГУ)	38	20
Хабаровский государственный университет экономики и права (ХГУЭП)	27	5
Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет (КнАГТУ)	23	7
Благовещенский государственный педагогический университет (БГПУ)	28	18
Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема (ПУ им. Шолом-Алейхема)	41	9
Северо-Восточный государственный университет (СВГУ)	15	6
Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет (АмГПУ)	13	3
Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга (КамГУ им. Витуса Беринга)	26	14

Источник: [9].

Самое большое значение индекса Хирша зафиксировано в Дальневосточном федеральном университете как по всем публикациям на elibrary.ru, так и по ядру РИНЦ. В целом 77% университетов имеют значение индекса Хирша по всем публикациям elibrary.ru более двадцати, что свидетельствуют о быстрой аккумуляции публикаций.

С 2016 г. Аналитический центр «Эксперт» проводит оценку научной продуктивности университетов России на базе измерения их международной публикационной активности в различных предметных областях – «Рейтинг факультетов». При расчете общего балла университета в рейтинге проводится оценка показателей университета по трем категориям (с равными долями по 33,3%), учитывающим цитируемость, публикационную активность, индекс Хирша и т.д. В 2017 г. рейтинговые оценки получили 88 российских вузов по 13 предметным областям. В каждом предметном рейтинге участвуют университеты, на долю которых за последние четыре года пришлось хотя бы 0,5% от общего количества российских научных статей, опубликованных за тот же период [10]. При расчете учитываются статьи, опубликованные в журналах, которые индексируются международной базой научного цитирования Scopus за последние четыре года. Из дальневосточных вузов России во все предметные области попал единственный университет – ДВФУ. Кроме данного университета, в предметные области математика (21–23 позиция), науки о земле (18–19 позиция), социальные науки (9–11 позиция) вошел Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, а в предметную область экономика – Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, заняв 24 позицию рейтинга.

Выводы. Результаты проведенного исследования доказывают, что университеты Дальнего Востока России в последние годы вносят достаточно весомый вклад в международное научное пространство с позиции общепринятых в международной и российской практике научных индикаторов. Высшие учебные организации наращивают свою публикационную активность, публикуют работы, значимые и востребованные в научном сообществе, о чем свидетельствует динамика показателей цитируемости. Значимость проводимых исследований, использование результатов научной деятельности в процессе создания нового научного знания позволяют решать прикладные задачи в интересах развития современной экономики и общества. На наш взгляд, основными условиями успешной интеграции российской науки в мировое научное пространство являются государственная поддержка научных коллективов (прежде всего, финансовая), развитие материально-технической базы исследований, активное участие в научных международных коммуникационных площадках.

1. Приоритеты развития профессионального образования в Российской Федерации: доклад на Госсовете РФ. 31.08.2010 г.
2. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р. URL: <https://rg.ru/2012/01/03/innov-razvitie-site-dok.html>
3. Когаловский М.Р., Неволин И.В., Паринов С.И. Развитие научных коммуникаций как условие модернизации оценки научной результативности // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51, № 1. С. 188–205.
4. Ардашкин И.Б., Сидоренко Т.В. Публикационная активность и ее роль в оценке профессиональной деятельности научно-педагогических работников вузов (Российский опыт) // Образование и наука. 2016. № 1 (130) С. 145–158.
5. Коцемир М.Н. Динамика российской и мировой науки сквозь призму международных публикаций // Форсайт. 2012. Т. 6, № 1. С. 38–59.
6. Мониторинг результативности вузов [Электронный ресурс]. URL: <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/>
7. Третьякова О.В. Публикационная активность экономических институтов РАН в свете новых вызовов научной политики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6 (48). С. 266–287.
8. Киселев М.В. Перспективные задачи развития вузовской научной деятельности // Вестник Костромского государственного технологического университета. 2013. № 1 (30). С. 3–8.
9. Научная электронная библиотека Elibrary. URL: <https://elibrary.ru>
10. Предметный рейтинг научной продуктивности университетов России «Рейтинг факультетов» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.acexpert.ru/analytics/ratings/predmetniy-reyting-nauchnoy-produktivnosti-vuzov-.html>

Транслитерация

1. Priorityty razvitiya professional'nogo obrazovaniya v Rossiiskoi Federatsii: Doklad na Gossoвете RF. 31.08.2010 g.
2. Strategiya innovatsionnogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda: Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 8 dekabrya 2011 g. № 2227-р. URL: <https://rg.ru/2012/01/03/innov-razvitie-site-dok.html>
3. Kogalovskii M.R., Nevolin I.V., Parinov S.I. Razvitie nauchnykh kommunikatsii kak uslovie modernizatsii otsenki nauchnoi rezul'tativnosti. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2017, vol. 51, No 1, pp. 188–205.
4. Ardashkin I. B., Sidorenko T. V. Publikatsionnaya aktivnost' i ee rol' v otsenke professional'noi deyatel'nosti nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov vuzov (Rossiiskii opyt. *Obrazovanie i nauka*, 2016, No 1 (130), pp. 145–158.
5. Kotsemir, M.N. Dinamika rossiiskoi i mirovoi nauki skvoz' prizmu mezhdunarodnykh publikatsii. *Forsait*, 2012, vol. 6, No 1, pp. 38–59.
6. Monitoring rezul'tativnosti vuzov. URL: <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/>
7. Tret'yakova O.V. Publikatsionnaya aktivnost' ekonomicheskikh institutov RAN v svete novykh vyzovov nauchnoi politiki. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2016, No 6 (48), pp. 266–287
8. Kiselev M.V. Perspektivnye zadachi razvitiya vuzovskoi nauchnoi deyatel'nost'. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2013, No 1 (30), pp. 3–8
9. Nauchnaya elektronnyaya biblioteka Elibrary. URL: <https://elibrary.ru>
10. Predmetnyi reiting nauchnoi produktivnosti universitetov Rossii «Reiting fakul'tetov». URL: <http://www.acexpert.ru/analytics/ratings/predmetnyi-reyting-nauchnoy-produktivnosti-vuzov--.html>

© Г.В. Петрук, 2017

Для цитирования: Петрук Г.В. Публикационная активность университетов Дальнего Востока России как фактор интеграции в международное научное пространство // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9, № 3. С. 179–190.

For citation: Petruk G.V. Public activity of university of the Far East of Russia as the factor of integration in the international scientific space, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, Vol. 9, No 1, pp. 179–190.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3/179-190

Дата поступления: 21.08.2017.

В.Л. Лозицкий¹

А.Н. Яковлев²

Полесский государственный университет
Пинск. Республика Беларусь

Дидактическая роль электронного учебно-методического комплекса на первой ступени высшего образования (на примере учебной дисциплины «Спортивно-педагогическое совершенствование»)

Статья посвящена исследованию проблематики разработки и системного применения электронных учебно-методических комплексов (ЭУМК) на первой ступени высшего профессионального образования. На примере учебной дисциплины «Спортивно-педагогическое совершенствование» авторы обосновывают теоретические практико-ориентированные положения, реализация которых позволит создавать и внедрять в целостный педагогический процесс в высшей профессиональной школе эффективные высокотехнологичные информационные продукты учебного назначения. В разработанной авторами функциональной модели электронного учебно-методического комплекса реализован модульный принцип выстраивания архитектуры ЭУМК, что позволяет оперативно и гибко решать проблему соответствия контента создаваемого образовательного продукта в условиях изменения содержания образования по учебной дисциплине. Результаты экспериментальной деятельности по реализации технологического и дидактического подходов в исследованиях по интеграции средств информационно-коммуникационных технологий в учебный процесс, осуществляемых в учреждении образования «Полесский государственный университет», показывают, что их использование в практике обучения специалистов в сфере физической культуры и спорта позволяет достичь высоких образовательных результатов.

Ключевые слова и словосочетания: высшее профессиональное образование, учреждение высшего образования, электронный учебно-методический комплекс, информационно-коммуникационные технологии, специфика обучения, модуль.

¹ Лозицкий Вячеслав Леонтьевич – канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук, философии и права Полесского государственного университета; e-mail: bakalaur@tut.by.

² Яковлев Анатолий Николаевич – канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры оздоровительной и адаптивной физической культуры Полесского государственного университета; e-mail: Yak-33-c1957@mail.ru.

V.L. Lozitsky¹
A.N. Yakovlev²

Polesye State University
Pinsk. Belarus

Didactic role of an electronic educational and methodical complex at the first step of the higher education (on the example of the subject matter «Pedagogics and psychology of the higher school»)

Article is devoted to a research of a perspective of development and system application of electronic educational and methodical complexes at the first step of higher education. On the example of a subject matter “Sports and pedagogical improvement” authors prove theoretical and practical provisions which implementation will allow to create and introduce in complete pedagogical process at the higher vocational school effective hi-tech information products of educational appointment. In the functional model of an electronic educational and methodical complex developed by authors it is realized modular the principle of forming of architecture of that allows to solve quickly and flexibly a problem of compliance of content of the created educational product in the conditions of change of content of education on a subject matter. Results of experimental activities for realization of technological and didactic approaches in the researches on integration of means of information and communication technologies into educational process conducted in establishment of education “Polesky State University”, show that their use in practice of training of experts in the sphere of physical culture and sport allows to achieve high educational results.

Keywords: higher education, institution of higher education, electronic educational and methodical complex, information and communication technologies, specifics of training, module.

Введение

Решение совокупности задач современного вузовского образования в своей прогнозируемой результирующей части предполагает разработку соответствующих средств обучения, адаптированных содержанию современного образования и существующим дидактическим подходам. Модернизационные процессы в сфере высшего профессионального образования в своей остроте актуализируют проблематику исследований в области разработки и применения эффективного высокотехнологичного дидактического инструментария, позволяющего в соединении с используемыми методами обучения повысить качество подготовки специалистов – выпускников вузов. Создание и интеграция в педагогическую практику высшей профессиональной школы средств информационно-коммуникационных технологий позволят поднять уровень самостоятельной учебной деятельности студентов с

¹ Vyacheslav L. Lozitsky – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Chair of humanities, philosophies and rights of the Polesye State University; e-mail: bakalaur@tut.by.

² Anatolij N. Yakovlev – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Chair of the improving and adaptive physical culture of the Polesye State University; e-mail: Yak-33-cl957@mail.ru.

учетом специфики получения образования в сфере физической культуры и спорта. В свою очередь, систематизация и обобщение результатов экспериментальной деятельности в данной области позволит рельефно обозначить важные тенденции, учет которых целесообразен в рамках продолжения эффективных разработок, ориентированных на потребности высшей профессиональной школы (в том числе, первой ее ступени).

Состояние вопроса

Уровень исследованности проблематики разработки и интеграции средств информационно-коммуникационных технологий в образование, достигнутый в работах Н.В. Агеева, А.И. Архиповой, В.П. Беспалько, В.А. Воробьева, Ю.И. Воротницкого, Е.И. Дмитриева, Ю.Г. Дрекса, А.И. Жука, Д.В. Иуса, И.В. Кочубей, А.В. Макарова, П.А. Мандрика, О.А. Сосновского, А.М. Филипцова [1–5, 8], позволяет учесть специфику создания электронных учебно-методических комплексов в аспекте их системного применения в процессе обучения студентов, получающих высшее профессиональное образование в сфере физической культуры и спорта. Рассмотрение вопросов разработки и системного применения ЭУМК в учебном процессе в существующих фундаментальных и прикладных исследованиях способствует активизации процесса создания функциональных моделей электронных образовательных ресурсов и интеграции их в практику обучения. Выделение при этом ценностно-целевого компонента в содержании образования, а также когнитивных моделей субъект-субъектных взаимодействий участников целостного педагогического процесса позволяет не только вычлнить дидактическую роль создаваемых ЭУМК, но и определить организационно-методические условия их эффективного применения в учреждениях высшего образования. В соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании [6] на первой ступени высшего образования реализуется образовательная программа, призванная обеспечить профессиональную подготовку студентов, сформировать у них соответствующие лично значимые компетенции. Данные аспекты учитывались при инициировании темы научного исследования.

Результаты экспериментальной деятельности по реализации технологического и дидактического подходов в исследованиях по интеграции средств информационно-коммуникационных технологий в учебный процесс, осуществляемых в учреждении образования «Полесский государственный университет» с 2013 г., показывают, что их использование в практике обучения специалистов в сфере физической культуры и спорта позволяет достичь высоких образовательных результатов.

Цель исследования. Теоретико-методологическое обоснование разработки и системного применения инструментария электронного учебно-методического комплекса в процессе подготовки специалистов в сфере физической культуры и спорта на первой ступени высшего профессионального образования.

Предмет исследования. Процесс разработки и практического применения высокотехнологичного дидактического инструментария электронного учебно-методического комплекса по учебной дисциплине «Спортивно-педагогическое

совершенствование» в условиях модернизационных процессов в сфере высшего профессионального образования, позволяющего в системе методов обучения эффективно решать актуализируемые социумом образовательные задачи.

Материал и методы исследования. Сравнительно-сопоставительный анализ научной и специальной литературы.

Результаты исследований и их обсуждение. В рамках политики методического обеспечения процесса обучения, осуществляемой в Полесском государственном университете, а также мероприятий, реализуемых по теме научно-исследовательской работы на кафедрах гуманитарных наук, философии и права, а также оздоровительной и адаптивной физической культуры создана и интегрирована в учебный процесс функциональная модель ЭУМК по учебной дисциплине «Спортивно-педагогическое совершенствование» [7]. Практическая реализация разработанной модели осуществлена с помощью технологического и дидактического потенциала облачного сервиса образовательной платформы «MOODLE» (<http://moodle.edu.by>). Авторами учтена проблематика определения дидактической роли, а также критериев структурирования и содержательного наполнения компонентов ЭУМК, ориентированных в своей направленности на формирование и развитие у студентов соответствующих компетенций, определяемых содержанием образовательного стандарта и учебной программы по дисциплине. Представляется недопустимым включение в структуру ЭУМК компонентов, ориентированных на воспроизведение определенных объемов учебной информации без отработки умений ее анализа и систематизации. Исходя из специфики организации процесса обучения на первой ступени высшего образования, дидактический и технологический потенциал включаемых в ЭУМК компонентов должен в своей господствующей направленности ориентироваться на поддержку проблемно-поисковой и исследовательской деятельности в рамках компетентностного подхода в противовес традиционному репродуктивно-знаниевому обучению в режиме его исключительно демонстрационного сопровождения. В данной взаимосвязи важной проблемой, решаемой авторами-практиками при создании эффективно применяемого ЭУМК, являются конструирование и отбор содержания учебного материала с учетом требований образовательного стандарта и учебной программы.

Авторами учтено, что основной целью освоения студентами дисциплины «Спортивно-педагогическое совершенствование» является формирование психолого-педагогических компетенций, обеспечивающих эффективное решение профессиональных и социально-личностных проблем спортивно-тренировочной деятельности в учреждении высшего образования. Изучение данной дисциплины в сочетании с дисциплинами предметного цикла, прежде всего теория и методика физического воспитания и теория спорта, направлено на решение педагогических и практических задач, связанных с формированием целостного представления о профессиональной деятельности специалистов в области физической культуры и спорта.

Практико-ориентированным аспектом в обучении студентов является выработка компетенций в педагогически правильном и научно обоснованном использовании комплекса средств, методов и форм работы, применяемых в избранном виде спорта.

Это позволит сыграть особую роль в формировании у выпускников учреждения высшего образования психолого-педагогической компетентности, которая будет востребована как в педагогической, так и в других профессиональных областях и обеспечит продуктивное разрешение разнообразных социально-профессиональных задач, включая управленческие, коммуникативные, акмеологические. Эффективное решение данных задач разнонаправленно позволяет обеспечивать применение электронного учебно-методического комплекса по учебной дисциплине как студентами, так и преподавателями.

ЭУМК «Спортивно-педагогическое совершенствование», применяемый на первой ступени высшего образования, целесообразно рассматривать в качестве предметного информационного образовательного ресурса, предназначенного для эффективного дидактического обеспечения организации и осуществления процесса обучения студентов. Свою дидактическую роль ЭУМК выполняет посредством функциональной реализации технологического и дидактического потенциала. Программный продукт учебного назначения обеспечивает непрерывность и полноту дидактического цикла процесса обучения, содержит организационные и систематизированные теоретические, практические, контролирующие материалы, оптимизированные по отношению к разработанным научно-методическим основам их создания и системного применения на первой ступени высшего образования. В качестве таковых основ нами определены следующие:

- дидактический подход к пониманию сущности электронных компонентов УМК, связанный с учетом их технологических и дидактических свойств и обусловленный особенностями процесса познания во взаимосвязи со спецификой предметного обучения на первой ступени высшего образования;

- методические принципы системного применения электронных компонентов ЭУМК;

- методические условия создания и системного применения ЭУМК с учетом дидактической роли, выполняемой его структурными компонентами;

- критерии содержательного наполнения электронных компонентов ЭУМК с учетом основных содержательных линий образовательного стандарта, компонентов учебных знаний и соответствующих формируемых профессиональных компетенций студентов.

Авторами создателями ЭУМК учтено, что задачи изучения дисциплины «Спортивно-педагогическое совершенствование» определяются требованиями к овладению студентами обобщенными знаниями и умениями, лежащими в основе психолого-педагогических компетенций, характеризующих психолого-педагогическую компетентность выпускника вуза. Психолого-педагогические компетенции, которые формируются в процессе освоения дисциплины «Спортивно-педагогическое совершенствование» на первой ступени высшего образования, включают:

- компетенции, относящиеся к изучению и учету возрастных, гендерных и психологических особенностей студентов вуза, механизмов их мотивации;

- компетенции, направленные на организацию и осуществление процесса обучения и спортивно-тренировочной деятельности, активизацию самостоятельной работы студентов;

- компетенции, обеспечивающие организацию процесса воспитания студентов;
- компетенции, обеспечивающие овладение эффективными педагогическими технологиями и совершенствование учебно-методического обеспечения образовательного процесса (в том числе, с использованием средств информационно-коммуникационных технологий);
- компетенции, направленные на продуктивное решение коммуникативных проблем педагогической деятельности;
- компетенции, связанные с проведением педагогического мониторинга, управлением образовательным процессом, учреждением образования в целом, развитием студенческого коллектива, а также с менеджментом качества образования;
- компетенции, обуславливающие освоение педагогических инноваций в сфере физической культуры и спорта;
- компетенции непрерывного профессионального самообразования и личностного самосовершенствования.

Выделенные авторами ЭУМК целе-задачные аспекты позволили выстроить структуру и содержание практической модели электронного образовательного ресурса с учетом многокомпонентного состава предлагаемых к усвоению учебных знаний. К компонентам состава учебных знаний, определяющих содержательное наполнение ЭУМК «Спортивно-педагогическое совершенствование», относятся:

- теоретические (включают в себя понятия разной степени обобщения, существенные причинно-следственные связи, закономерности развития, теоретические выводы, содержащие оценки фактов, обобщенную характеристику их сущностных признаков, причин, следствий и значения);
- методологические (знания о методах, процессе познания, о конкретных методах науки и различных способах деятельности);
- оценочные (ознакомление с различными точками зрения на события, явления и процессы).

Представленный многокомпонентный состав учебных знаний учтен в структуре и содержании практической модели электронного образовательного ресурса, в тематических линиях модулей. К таковым линиям в ЭУМК по учебной дисциплине отнесем:

- общие основы спортивной педагогики и психологии;
- педагогические основы процесса обучения в области физической культуры и спорта;
- основные методы, формы и средства обучения в учреждении образования;
- технологизацию и информатизацию образовательного процесса в учреждении образования;
- теоретико-практические основы физического воспитания в школе;
- педагогический менеджмент в системе образования.

Как доказывает практика создания и системного применения электронных образовательных ресурсов, неприемлемой является интеграция в образовательный процесс предметных ЭУМК, дидактическая роль которых на первой ступени высшего образования сводилась бы к жесткому навязыванию той или иной траектории

обучения студентов. Ведь гибкость и способность предлагать преподавателю элементы для создания неповторимой и индивидуальной модели учебного занятия, а студентам – ресурсы для осуществляемой самостоятельной учебной деятельности являются важным методическим требованием к применению электронных компонентов учебно-методического комплекса. В такой взаимосвязи педагогически оправданным видится определение дидактической роли ЭУМК на первой ступени высшего образования в управлении процессом усвоения студентами многокомпонентного состава учебных знаний, а также в формировании их профессиональных психолого-педагогических компетенций при осуществлении учебной деятельности на всех ее этапах и при необходимой алгоритмизации.

Обозначенный подход в трактовке дидактической роли предметного ЭУМК позволил реализовать модульный принцип выстраивания структуры электронного образовательного ресурса по учебной дисциплине «Спортивно-педагогическое совершенствование». Модуль ЭУМК – это структурный компонент электронного образовательного ресурса, относительно самостоятельная организационно-содержательная единица системы обучения, выполняющая конкретную дидактическую роль.

Реализованная на практике модель предметного электронного образовательного ресурса включает в себя следующие модули:

- нормативный (содержит документацию, определяющую содержание высшего образования на первой ступени в данной предметной области, и иные программно-планирующие и учебно-методические документы: образовательный стандарт; учебные программы, перечень рекомендуемых учебных изданий и информационно-аналитических материалов, вопросы зачета/экзамена);

- справочно-информационный (элементы дидактического обеспечения организации и проведения учебных занятий: тезаурус – понятийно-терминологическое структурирование учебного материала; электронный глоссарий, включающий в себя элементы теоретического знания – понятийно-терминологический аппарат; электронная хрестоматия);

- теоретический (электронные материалы лекционного курса, обеспечивающие теоретическое изучение дисциплины в объеме, определяемом требованиями образовательного стандарта и предметной программы);

- практический (включает материалы семинарских/практических занятий);

- контрольно-диагностический (варианты тематических и обобщающих комплексов разноуровневых тестовых заданий – электронный инструментарий, позволяющий осуществлять педагогическую диагностику и контроль с целью определения соответствия результатов учебно-познавательной деятельности студентов требованиям образовательного стандарта и учебной программы).

Содержательное наполнение модулей в реализованной модели предметного ЭУМК оптимизировано с учетом специфики содержания, дидактической направленности и функции того или иного элемента модуля. Как показывает практика создания электронных учебно-методических комплексов, их модульное структурирование позволяет сохранить открытость и адаптивность электронного

образовательного ресурса с учетом ситуации возможного изменения структуры и содержания образования, требований и содержания образовательного стандарта, а также программно-методической документации.

В качестве дидактических свойств модулей – электронных компонентов ЭУМК, применяемого на первой ступени высшего образования, целесообразно выделить следующие:

- управляемость процессом обучения (возможность управления деятельностью субъектов обучения);
- обеспечение системного подхода к процессу обучения (применение компонентов ЭУМК в сочетании с традиционными средствами обучения на всех этапах организации учебной деятельности студентов при ее алгоритмизации);
- способность достижения полноты усвоения знаний (организация процесса обучения предусматривает овладение содержанием учебного материала в соответствии с заданным уровнем его усвоения);
- индивидуализация обучения (организация учебного процесса, при которой студент свободно выбирает и осуществляет нужный ему вид деятельности в приемлемом для него темпе);
- диагностирование результатов процесса обучения (возможность автоматизированного учета учебных достижений и динамики их изменения с помощью контрольно-измерительного инструментария ЭУМК).

В силу своего совокупного дидактического и технологического потенциала ЭУМК по учебной дисциплине «Спортивно-педагогическое совершенствование» является действенным средством обеспечения процесса организации и осуществления обучения на первой ступени высшего образования.

Его преимуществами являются:

- концентрированное наличие сгруппированного нормативного и дидактического материала;
- оптимизированность компонентов и гибкость структуры ЭУМК по отношению к содержанию образования и положениям учебной программы;
- технологическая интегрируемость в процесс обучения;
- наличие обратной связи в управлении процессом обучения;
- обеспечение студентов постоянной информацией о ближайших и отдаленных целях обучения и степени их достижения;
- обеспечение усвоения содержания учебного материала в соответствии с многокомпонентным составом учебных знаний (теоретические, методологические; оценочные знания и способы учебной деятельности);
- обеспечение оперативности в поиске необходимой учебной информации;
- оптимизация диагностического и контрольно-оценочного инструментария по отношению к существующим критериальным требованиям интегральной десятибалльной системы оценивания и уровням усвоения учебного материала);
- возможность интенсификации профессиональной деятельности преподавателя и учебной (в том числе, и организуемой самостоятельной) деятельности студентов;

– адаптивность возможным изменениям структуры и содержания образования, требований и содержания образовательного стандарта, а также программно-планирующей и программно-методической документации.

Выводы

Применяемый на первой ступени высшего образования ЭУМК по учебной дисциплине «Спортивно-педагогическое совершенствование» позволяет осуществлять эффективное управление учебно-познавательной деятельностью студентов, обеспечивая рациональное сочетание различных ее видов в зависимости от результатов усвоения учебного материала и освоения соответствующих профессиональных психолого-педагогических компетенций. Необходимая эффективность достигается как качеством созданного ЭУМК, так и выполнением соответствующих организационных и методических условий применения, из которых одним из важнейших является практикоориентированность. Именно аспект практической направленности усиливает дидактическую роль предметного электронного учебно-методического комплекса, применимого в учреждении высшего образования на его первой ступени, с учетом специфики осуществляемой учебно-тренировочной и соревновательной деятельности студентов, получающих образование в сфере физической культуры и спорта.

1. Агеев Н.В., Древе Ю.Г. Электронные издания: концепции, создание, использование. М.: МГУП, 2003. 236 с.
2. Архипова А.И., Кочубей И.В., Иус Д.В. Концептуальные подходы к созданию УМК нового поколения [Электронный ресурс]. Кубанский государственный университет. URL: http://www.ieeetclt.org/icalt2002/proceedings/t416_icalt166_End.pdf (дата обращения 16.02.2017).
3. Беспалько В.П. Образование и обучение с участием компьютеров (педагогика третьего тысячелетия). М.: Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та; Воронеж : МОДЭК, 2002. 352 с.
4. Воробьев В.А., Сосновский О., Филиппов А.М. Электронный учебно-методический комплекс: разработка и использование в учебном процессе // Высшая школа. 2011. № 1. С. 38–43.
5. Жук А.И., Воротницкий Ю.И., Мандрик П.А. Современный электронный учебно-методический комплекс – основа информационно-образовательной среды вуза // Информатизация образования – 2010: педагогические аспекты создания информационно-образовательной среды: материалы междунар. науч. конф., Минск, 27–30 октября 2010 г. /редкол.: С.В. Абламейко [и др.]. Минск, 2010. С. 197–201.
6. Кодекс Республики Беларусь об образовании: постановление Совета Республики Национального Собрания Республики Беларусь, 22 декабря 2010 г. № 388-№ 4/V // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2011. № 1, 4/6637.
7. Лоцицкий В.Л., Яковлев А.Н. Спортивно-педагогическое совершенствование. Электронный учебно-методический комплекс для первой ступени высшего образования / E-Learning «Полесский государственный университет». Учебные курсы

Moodle [Электронный ресурс]. URL: <http://194.158.204.219/moodle> (дата обращения 04.03.2017).

8. Макаров А.В. Учебно-методический комплекс: модульная технология разработки: учеб.-метод. пособие. Минск: РИВШ, БГУ, 2002. 118 с.

Транслитерация

1. Ageev N.V., Drevs Yu.G. Elektronnye izdaniya: kontseptsii, sozдание, ispol'zovanie. M.: MGUP, 2003. 236 p.
2. Arkhipova A.I., Kochubei I.V., Ius D.V. Kontseptual'nye podkhody k sozdaniyu UMK novogo pokoleniya. Kubanskii gosudarstvennyi universitet. URL: http://www.ieeetclt.org/icalt2002/proceedings/t416_icalt166_End.pdf.
3. Bespal'ko V.P. Obrazovanie i obuchenie s uchastiem komp'yuterov (pedagogika tret'ego tysyacheletiya). M.: Izd-vo Mosk. psikh.-sotsial. in-ta; Voronezh : MODEK, 2002. 352 p.
4. Vorob'ev V.A., Sosnovskii O. Filiptsov A.M. Elektronnyi uchebno-metodicheskii kompleks: razrabotka i ispol'zovanie v uchebnom protsesse // *Vysshaya shkola*, 2011, No 1, pp. 38–43.
5. Zhuk A.I., Vorotnitskii Yu.I., Mandrik P.A. Sovremennyi elektronnyi uchebno-metodicheskii kompleks – osnova informatsionno-obrazovatel'noi sredy vuza / *Informatizatsiya obrazovaniya – 2010: pedagogicheskie aspekty sozdaniya informatsionno-obrazovatel'noi sredy: materialy mezhdunar. nauch. konf.*, Минск, 27–30 oktyabrya 2010 g. / BGU; redkol.: S.V. Ablameiko [i dr.]. Минск, 2010. Pp. 197–201.
6. Kodeks Respubliki Belarus' ob obrazovanii: postanovlenie Soveta Respubliki Natsional'nogo Sobraniya Respubliki Belarus', 22 dekabrya 2010 g. No 388-№.4/V // Natsional'nyi reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'. 2011. No 1, 4/6637.
7. Lozitskii V.L., Yakovlev A.N. Sportivno-pedagogicheskoe sovershenstvovanie. Elektronnyi uchebno-metodicheskii kompleks dlya pervoi stupeni vysshego obrazovaniya / E-Learning «Poleskii gosudarstvennyi universitet». Uchebnye kursy Moodle. URL: <http://194.158.204.219/moodle>.
8. Makarov A.V. Uchebno-metodicheskii kompleks: modul'naya tekhnologiya razrabotki: ucheb.-metod. posobie. Минск: RIVSh, BGU, 2002. 118 p.

© В.Л. Лозицкий, 2017

© А.Н. Яковлев, 2017

Для цитирования: Лозицкий В.Л., Яковлев А.Н. Дидактическая роль электронного учебно-методического комплекса на первой ступени высшего образования (на примере учебной дисциплины «Спортивно-педагогическое совершенствование») // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9, № 3. С. 191–200.

For citation: Lozitsky V.L., Yakovlev A.N. Didactic role of an electronic educational and methodical complex at the first step of the higher education (on the example of the subject matter «Pedagogics and psychology of the higher school»), *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, Vol. 9, No 1, pp. 191–200.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3/191-200

Дата поступления: 09.06.2017.

О.Н. Данилова¹
И.А. Слесарчук²
Т.А. Зайцева³

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Юань Фэнхуа⁴

Шэнсийский политехнический университет
Сяньян. Китай

Формообразование современной одежды на основе использования национальных традиций

В дизайне костюма применяются комбинации модного силуэта одежды, элементов традиционной культуры и актуальных материалов. В этом процессе необходимо использовать модель международного дизайна одежды на основе национальной и международной реструктуризации. Культурная жизнеспособность традиционной одежды должна сохраняться в сочетании с современной концепцией дизайна, чтобы создать гармоничное взаимодействие цивилизации восточного и западного мира. Актуальность темы исследования подтверждается необходимостью разработки комплексного подхода для решения проектных задач. Целью работы является систематизация средств формообразования современного костюма на основе результатов сравнительного анализа приемов создания формы национального костюма славянских и азиатских народов. Фронтальная проекция костюма послужила информационным источником для проведения графического сравнительного анализа традиционного и современного костюма России, Китая, Японии и Кореи. Визуальный анализ проекции фронтального силуэта костюма проводился с помощью принятого в швейном производстве классификатора форм и силуэтов одежды. Результаты сравнительного анализа показали, что в современной одежде активно используются конструктивные средства формообразования традиционного костюма: минимальное количество членений, сквозные конструктивные линии и специальные средства формообразования. Несквозные конструктивные линии практически не применяются. В результате проведенных исследований выявлена прямолинейность конструктивных срезов, что позволяет упростить процесс конструирования. Выявленная тенденция коррелирует со сложившейся в современной моде ситуацией универсальности одежды, стирания гендерных и национальных различий. В современном дизайне одежды с использованием средств формообразования традиционного костюма могут быть отражены настроение и образ национальной культуры, что также демонстрирует визуальную самоидентификацию в международном сообществе дизайнеров моды.

Ключевые слова и словосочетания: международная мода, формообразование одежды, конструктивные средства формообразования, визуальный анализ, традиционная культура.

¹ Данилова Ольга Николаевна – канд. техн. наук, доцент кафедры дизайна и технологий Института сервиса, моды и дизайна; e-mail: odanilova@inbox.ru.

² Слесарчук Ирина Анатольевна – канд. техн. наук, доцент кафедры дизайна и технологий Института сервиса, моды и дизайна; e-mail: Irina.Slesarchuk@vvsu.ru.

³ Зайцева Татьяна Александровна – доцент кафедры дизайна и технологий Института сервиса, моды и дизайна; e-mail: Tatyana.Zaytseva@vvsu.ru.

⁴ Юань Фэнхуа – доцент кафедры дизайна костюма.

O.N. Danilova¹
I.A. Slesarchuk²
T.A. Zaytseva³

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

Yuan Fenghua²
Shaanxi Polytechnic Institute
Xianyang, China

Formation of modern clothing based on the use of national traditions

In the design of suit, combinations of the fashionable clothes silhouette, elements of traditional culture and actual materials are used. In this process, it is necessary to use the model of international clothing design based on national and international restructuring. The cultural viability of traditional clothing should be preserved in conjunction with the modern design concept in order to create a harmonious interaction of the civilization of the eastern and western worlds. The relevance of the research topic is confirmed by the need to develop an integrated approach for solving project problems. The purpose of the research work is to systematize the means of shaping a modern costume based on the results of a comparative analysis of the methods of creating a form of a national costume of the Slavic and Asian peoples. The frontal projection of the costume served as an information source for graphic comparative analysis of traditional and modern costume of Russia, China, Japan and Korea. Visual analysis of the projection of the frontal silhouette of the costume was carried out using the classifier of shapes and clothes silhouettes adopted in the garment industry. The results of the comparative analysis showed that in modern clothes constructive means of shaping the traditional costume are actively used: the minimum number of divisions, through constructive lines and special means of shaping. Non-structural construction lines are practically not used. As a result of the conducted studies, the straightness of constructive sections was revealed, which makes it possible to simplify the design process. The revealed tendency correlates with the situation in the modern fashion of the universality of clothing, the erasure of gender and national differences. The mood and image of the national culture can be reflected in the design of clothes using elements of traditional costume, which also demonstrates self-esteem in the international fashion designers community.

Keywords: international fashion, design form, constructive means of shaping, visual analysis, traditional culture.

Процессы проектирования современного костюма осуществляются в условиях информационной избыточности и глобализации модной индустрии. Инновационные разработки в дизайне характеризуются стремлением к достижению гармоничного и технически совершенного образа на основе развития смыслового контекста, использования высоких технологий и актуальных материалов для одежды [4, с. 76–80].

¹ Danilova Olga Nikolaevna – Candidate of Technical Science, Associate Professor of Design and Technologies Department; e-mail: odanilova@inbox.ru.

² Slesarchuk Irina Anatolievna – Candidate of Technical Science, Associate Professor of Design and Technologies Department; e-mail: Irina.Slesarchuk@vvsu.ru.

³ Zaytseva Tatyana Aleksandrovna – Associate Professor of Design and Technologies Department; e-mail: Tatyana.Zaytseva@vvsu.ru.

⁴ Yuan Fenghua – Associate Professor.

Формообразование поясной и плечевой одежды различного назначения рассматривается как результат синтеза научно-технического и художественного творчества, при этом модные тенденции постоянно корректируются в зависимости от степени влияния этнокультурной ассимиляции. Современный костюм (одежда, обувь, аксессуары, make-up, прически), выполненный с учетом национальных приемов создания и пропорционирования объемно-силуэтной формы одежды, типа телосложения человека и традиций использования материалов определенной цветовой гаммы, занимает одну из важнейших позиций в процессах международной коммуникации и выступает в качестве инструмента трансляции культурных ценностей [1, с. 166–175]. Иерархия в системе позиционирования объектов проектирования и назначения костюма (арт-объект, экспонат, предмет высокой моды, продукт промышленного изготовления и проч.) служит определяющим фактором для дальнейшего выбора методов и средств создания объемно-пространственной формы, композиционной структуры и конструктивно-декоративных членений костюма [4, 9, 11, 12, 22, 24].

В современных коллекциях моделей одежды наблюдается обращение к уникальным средствам формообразования традиционного костюма и развитие этнонациональных образов. Ведущие европейские дизайнеры Gucci, Ralph Lauren, Louis Vuitton, Valentino и др. предлагают коллекции, интерпретирующие китайскую и японскую культуру в международной моде. Тенденции интеграции национальных традиций востока и запада прослеживаются в творчестве молодых российских дизайнеров. В 2015 г. дизайнер Дима Неу представил свою коллекцию женской одежды под девизом «ЮКА» на Российской Неделе моды (MBFWR). В образном решении коллекции переплетаются элементы японского дизайна, стилизованный макияж «о-сирой» и одежда, напоминающая одновременно традиционный крой и детали русского народного костюма и кимоно [20].

Актуальность темы исследования подтверждается также необходимостью разработки комплексного подхода для решения проектных задач на уровне профессиональной подготовки дизайнеров костюма. Современные тенденции глобализации fashion-индустрии влияют на организацию и содержание процессов дизайн-образования, в частности, на разработку учебных планов с учетом ряда аспектов взаимовлияния европейской и азиатской проектной культуры. Тесное культурное, политическое и экономическое сотрудничество университетов стран АТР реализуется на практике в формате международных мастер-классов, выставок творческих работ, конкурсов и фестивалей молодых дизайнеров костюма [2]. В частности, на Неделе моды и стиля (University Pacific Style Week), на XXIV международном конкурсе молодых дизайнеров «Пигмалион» (17–25 апреля 2017 г., г. Владивосток, ВГУЭС) вузы стран АТР представляли российские, китайские, корейские и японские студенты. При этом многостороннее взаимодействие представителей различных школ дизайна способствует расширению профессиональных и культурных связей, пополнению знаний о методах формообразования современного костюма, обогащению творческих подходов в проектной деятельности.

Постановка проблемы создания универсальной системы информации об особенностях формообразования современного костюма с учетом национальных традиций определяет предмет данного исследования.

Цель работы – систематизация средств формообразования современного костюма на основе результатов сравнительного анализа приемов создания формы национального костюма славянских и азиатских народов (русского, китайского, корейского, японского костюма).

Задачи исследования:

1. Визуальный и графический анализ силуэтных проекций традиционного и современного костюма коллекций русского, китайского, корейского и японского костюма.

2. Выявление актуальных средств формообразования традиционного и современного костюма.

3. Анализ основных средств и методов структурно-геометрического формообразования костюма для дальнейшего использования в проектной деятельности.

В соответствии с поставленными задачами исследования источники информации включают научные публикации по проблемам изучения традиционного и национального костюма, зарисовки одежды и обуви, выполненные автором в музейных фондах городов Москвы (Государственный музей Востока, Государственный исторический музей (ГИМ)), Санкт-Петербурга (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ), Государственный этнографический музей (ГЭМ)), Омска (Омский государственный историко-краеведческий музей (ОГИК музей)) и Владивостока (Приморский государственный объединенный музей им. В. К. Арсеньева (ПГОМ им. В. К. Арсеньева)), учебно-методическую литературу по методам формообразования современного костюма, а также опубликованные коллекции современной мужской и женской одежды, в которых интерпретируются национальные традиции.

Основополагающей источниковой базой исследования служат монографии отечественных и зарубежных ученых, в которых зафиксированы схемы кроя и дано описание традиционного костюма. В публикациях Ким Мийа (Kim Mi-Ja), Р.Ш. Джарылгасиновой, Ю.В. Ионовой проанализирован традиционный корейский костюм [3, 5, 21]. Монографии Юань Цзеин, Л.П. Сычёва и В.Л. Сычёва служат фундаментальным источником для изучения народного китайского костюма и костюма императоров [14, 15, 20]. Японский костюм и особенности кроя плечевой и поясной одежды рассмотрены в публикациях Р.А. Ксенофонтовой. На основе изучения публикаций японских ученых Norio Yamanako, О.А. Хованчук рассматривают этапы формирования национального японского костюма [8, 16, 17, 23]. Ф.М. Пармон впервые подошел к проблеме изучения народного костюма с позиций разработки классификационных таблиц для дальнейшего использования графической и аналитической информации в процессе автоматизированного проектирования костюма [12].

В настоящее время в российской школе конструирования и дизайна одежды под руководством В.Е. Кузьмичева, Е.Б. Кобляковой, Е.М. Матузовой, Л.П. Шершневой,

А.И. Мартыновой, Т.В. Козловой, Г.И. Петушковой и др. создана научно-методическая база по вопросам формообразования современного костюма [6, 7, 9–11, 18].

Изучение особенностей покроя традиционной одежды проведено в соответствии с методикой Н.Ф. Прытковой, разработанной для анализа объектов материальной культуры, включая этнонациональный костюм [13]. Выразительность и жизнеспособность форм народного костюма достигалась за счет применения традиционных или заимствованных функционально-конструктивных средств формообразования на основе целесообразного использования свойств материалов [1; 12, с. 253–251].

В результате изучения объектов традиционного костюма установлено, что выполненная из ткани народная одежда русских, китайцев, корейцев и японцев не имеет плечевых швов и классифицируется как туникообразный покрой, имеющий древнее происхождение. Ширина деталей плечевой одежды зависит от ширины ткацкого станка. В Корее популярностью пользовались привозные японские и китайские ткани, т.к. они были одинаковой ширины с тканями местного производства (30–48 см) [12, с. 250–251; 5, с. 154, 156–157]. Конструктивная основа русской рубахи и японского кимоно – прямоугольное полотнище ткани. Покрой японского кимоно со средним швом спинки относится к восточному типу, в отличие от покроя плечевой одежды тунгусо-маньчжуров и китайцев – кимоно западного типа без среднего шва спинки [15]. Формы и конструкции одежды, обусловленные шириной ткани и количеством полотнищ, обеспечивали эргономические показатели качества на участке плечо–пройма за счет прибавок на свободу движения. Дополнительные членения в русской рубахе и корейской женской чоги в виде вставок-клиньев (ластовицы, полики) обеспечивают эргономичное соответствие плечевой одежды фигуре человека в динамике. Проникновение фабричных тканей привело к конструктивному преобразованию формы народного костюма [3, с. 151–152, 155, табл. 1(3); 12, с. 250–251].

Верхняя русская плечевая одежда зимнего ассортимента отличается наличием криволинейных контуров деталей стана, вертикальных членений и рельефов, отрезной линией талии, рукавами с окатом различного оформления. В северном костюмном комплексе женской плечевой одежды линия талии была завышенной и смешалась до уровня O_{2IV} [12, с. 145–163; 253].

Криволинейный нижний срез рукава с расширением на уровне локтя и заужением книзу на уровне запястья характерен для женского корейского костюма, однако в мужской корейской одежде формообразование рукава происходит из прямоугольного куска ткани без дополнительного оформления срезов [3, с. 151–152, 155, табл. 2; 5, с. 161, рис. 4].

Корейские дизайнеры и стилисты переосмысливают линии традиционного ханбока и его многослойность как объект искусства haute couture. Фотосъемки для Vogue и ряда других журналов демонстрируют современное прочтение утонченного образа традиционного костюма для широкой международной аудитории [22, с. 18–19].

Особенность действующей на сегодняшний день китайской методики конструирования одежды заключается в использовании расчетно-пропорциональных

закономерностей для нахождения длин конструктивных отрезков по основным размерным признакам [9, с. 4–5].

В корейском, японском и китайском дизайне широкую популярность получили экспериментальные методы формообразования одежды и фантазийных линий членений. Японский дизайнер Шинго Сато (Shingo Sato) постоянно совершенствует способы получения новой формы одежды на манекене, используя метод наколки в сочетании с принципами трансформации традиционного оригами [24].

Актуальные модные тенденции устанавливают приоритет азиатского типа телосложения, что находит отражение в объемно-силуэтной форме костюма. Поскольку основным инструментом для задания объемно-пространственной формы одежды, как известно, служит манекен, объективную визуальную оценку графических образов современного костюма необходимо осуществлять с учетом национальных особенностей манекенов типовых фигур различных стран.

Для технического проектирования манекенов используется стандартная цифровая и графическая информация в виде антропометрических данных современной типологии населения, форме фигур типового телосложения, а также разовая информация о взаимосвязи поверхности одежды и тела человека. Функциональные, эргономические и эксплуатационные требования к манекенам ограничивают число размеров манекенов с учетом степени обобщенности формы поверхности манекена. Вертикальные проекции (абрисы) манекенов соответствуют абрисам фигур типового телосложения, полученным исходя из цифровой информации о взаиморасположении основных антропометрических точек, имеющих в размерных антропологических стандартах [6, с. 105–112].

Форму и размеры участков манекенов проектируют с учетом силуэтной формы отечественных и зарубежных образцов моделей. В результате сравнительного анализа размерных параметров российских и корейских манекенов типовых фигур с $O_{2III}=84$ см (табл. 1) выявлено, что манекены внутренней формы, которые используются в проектировании европейской и азиатской одежды, имеют существенные различия в зависимости от антропологических размеров и формы тела человека. Сравнительный анализ горизонтальных сечений формы поверхности манекенов для одежды на уровне основных конструктивных поясов показал, что корейские манекены имеют более сглаженную форму: O_{2III} меньше, чем аналогичный размерный признак у российского манекена на 3,53%; O_m – больше на 3,25%; O_b меньше на 1,12%.

Таблица 1

Сравнительный анализ размерных параметров российских и корейских манекенов типовых фигур ($O_{2III}=84$, см)

Обозначение размерного признака	Абсолютная величина параметра манекена, см		Относительное отклонение величины параметра, %
	российский манекен	корейский манекен	
O_{2III}	85,0	83,0	- 2,41
O_m	62,0	64,0	+ 3,25
O_b	89,0	88,0	-1,12
$Шг$	30,0	31,5	- 4,76
B_{2II}	24	27	- 11,11
$Дтп_{II}$	45	41	- 9,75

Однако для проведения визуальной оценки проекций силуэтной формы костюма в работе были приняты некоторые допущения: изображения исследовались без учета изменений размерных параметров типовых фигур (российская типология: 164–88–92; корейская, китайская и японская типология: 160–84–88) и фигур манекенщиц (176–84–88).

Размеры и форма модной одежды приближенно соответствуют форме тела человека [6, с. 24]. Бесконтактные методы исследования размеров и формы поверхности тела человека и одежды использованы в процессе геометрической параметризации изображений моделей одежды [4, с. 81–91].

В основе сравнительного анализа лежит методика параметризации моделей одежды В.Е. Кузьмичева. Методика основана на использовании двух групп показателей: количественных (измеряемых геометрических параметров) и показателей, получаемых с помощью условных шкал по принципу семантического дифференциала [10]. Шкалы семантических дифференциалов использованы для описания эстетических, геометрических и утилитарных показателей [10, с. 44].

В процессе проведения графического исследования фронтальная проекция костюма послужила информационным источником для сравнительного анализа традиционного и современного костюма России, Китая, Японии и Кореи. Основными группами показателей для распознавания актуальных средств формообразования современной женской плечевой одежды на основе использования традиционных элементов костюма явились форма и силуэт (рис. 1).



Рис. 1. Схема показателей для анализа женской плечевой одежды

Сравнительный анализ силуэта и пропорций традиционного и современного костюма России, Китая, Японии и Кореи проведен на основе соотношений между габаритными размерами участков, определение параметров объемно-силуэтной формы представлены в табл. 2.

Визуальный анализ проекции фронтального силуэта костюма проводился с помощью принятого в швейном производстве классификатора форм и силуэтов одежды. В качестве ориентиров использованы основные антропометрические уровни фигуры человека. Репрезентативная выборка моделей традиционной и современной одежды составила 400 изделий. На рисунках 2–5 отражены фрагменты графического анализа силуэтной формы моделей женской одежды на уровне плечевого пояса, линии груди, линии талии и линии низа изделия.



Рис. 2. Графическая схема для сравнительного анализа фронтальной проекции формы традиционного китайского костюма (а) и современного костюма (б)

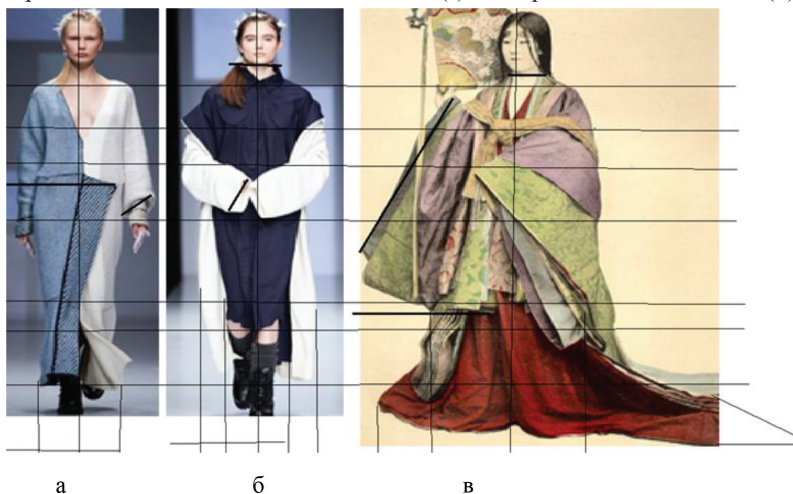


Рис. 3. Графическая схема для сравнительного анализа современного костюма (а, б), созданного по мотивам традиционного японского костюма (в)

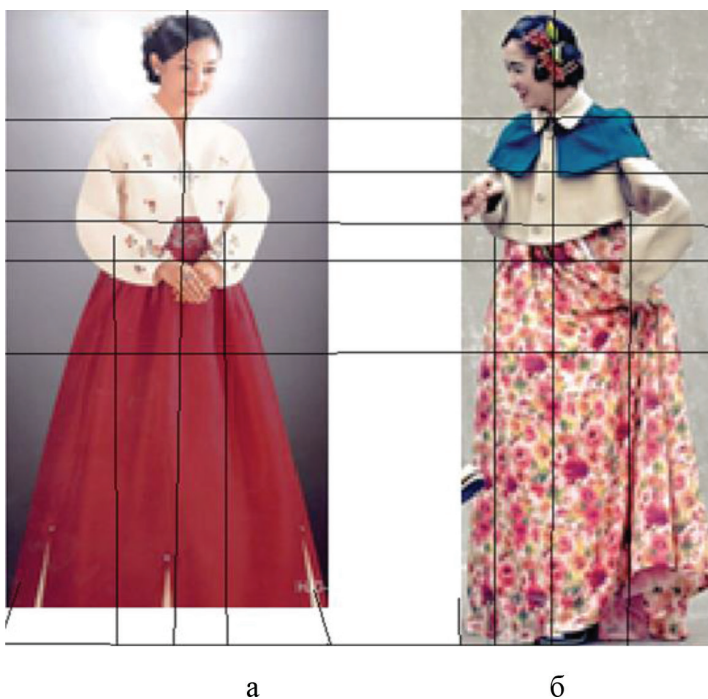


Рис. 4. Графическая схема сравнительного анализа формы традиционного корейского костюма (а) и созданного по его мотивам современного костюма (б)



Рис. 5. Графическая схема сравнительного анализа фронтальной проекции формы традиционного русского костюма (а) и современного костюма (б, в)

Таблица 2

Сравнительный анализ объемно-силуэтных форм традиционного и современного костюмов России, Китая, Японии и Кореи

Страна	Характеристики объемно-силуэтной формы костюма	
	традиционного	современного
1	2	3
Силуэт		
Китай	Трапециевидный с умеренным расширением к низу	Прямой
Япония	Трапециевидный объемный	Прямой вытянутый прямоугольник
Корея	Трапециевидный с активным расширением к низу изделия ниже линии груди	Трапециевидный с активным расширением к низу изделия ниже линии груди
Россия	Трапециевидный с активным расширением к низу изделия ниже линии груди	Трапециевидный с расширением к низу изделия ниже линии груди
Конфигурация плечевого контура		
Китай	естественная	спрямленная
Япония	овальная	а – спрямленная б – овальная
Корея	наклонная	естественная
Россия	овальная	а – естественная б – овальная
Длина плечевого контура		
Китай	естественная	удлиненная (спущенная)
Япония	удлиненная (спущенная)	удлиненная (спущенная)
Корея	расширенная	естественная
Россия	естественная	естественная
Форма участка перехода к окату рукава		
Китай	скользящий	плавный нечитаемый
Япония	плавный нечитаемый	а – плавный б – плавный нечитаемый
Корея	скользящий	рельефный
Россия	скользящий	а – четко выраженный б – скользящий
Линия груди		
Китай	не выявлена	не выявлена
Япония	не выявлена	не выявлена
Корея	выявлена	выявлена
Россия	выявлена	выявлена
Линия талии		
Китай	не выявлена	не выявлена
Япония	не выявлена	не выявлена
Корея	выявлена, выше естественного уровня	выявлена, выше естественного уровня
Россия	выявлена, выше естественного уровня	выявлена, выше естественного уровня
Линия низа изделия		
Китай	до середины икры	до середины колена

Окончание табл. 2

1	2	3
Япония	увеличенная длина	до щиколотки
Корея	до пола	до пола
Россия	до щиколотки	а – до щиколотки б – выше линии колена
Покрой рукава		
Китай	цельновыкроенный с активным расширением книзу	втачной рубашечный с равномерным наполнением
Япония	щелевидная пройма	втачной рубашечный с равномерным наполнением
Корея	щелевидная пройма	втачной
Россия	реглан	а – втачной б – реглан

Результаты сравнительного анализа показали, что в современном костюме в настоящее время активно используются конструктивные средства формообразования традиционного костюма: минимальное количество членений, сквозные конструктивные линии и специальные средства формообразования (фалды, складки, защипы и др.). Несквозные конструктивные линии (вытачки, подрезы) практически не применяются.

Членения в основном присутствуют вертикальные, позволяющие установить равновесие, добиться устойчивости формы. Горизонтальное членение формы (горизонтальная линия отреза под грудью), используемое в русском и корейском традиционном костюме и созданной на их основе современной одежде, дает ясное представление об основных пропорциях фигуры человека, подчеркивает значимость частей формы.

В исследуемых костюмах отмечена прямолинейность конструктивных срезов (боковой шов, щелевидная пройма), что дает возможность использовать так называемый плоскостной крой, позволяющий упростить процесс конструирования. Это хорошо коррелирует со сложившейся в современной моде ситуацией универсальности одежды, стиранием гендерных и национальных различий.

Таким образом, в современном дизайне одежды с использованием средств формообразования традиционного костюма могут быть отражены настроение и образ национальной культуры, что также демонстрирует визуальную самоидентификацию в международном сообществе дизайнеров моды.

1. Данилова О.Н. Функционально-эстетическое зонирование объектов экодизайна: монография. Владивосток: Дальнаука, 2011. 202 с.
2. Данилова О.Н., Зайцева Т.А. Визуальные символы как составная часть имиджа // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. № 1. С. 154–161.
3. Джарылгасинова Р.Ш. Корейская национальная одежда в коллекции МАЭ. Женская одежда // Культура народов зарубежной Азии и Океании: сб. МАЭ. Л.: Наука ЛО, 1969. Т. 25. С. 147–157.

4. Данилова О.Н., Зайцева Т.А., Завертан А.В. и др. Информационно-технические и технологические аспекты проектирования костюма: монография. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2016. 172 с.
5. Ионова Ю.В. Характерные черты одежды корейцев и некоторые вопросы ее развития // Одежда народов зарубежной Азии: сб. стат. / Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред. Р.Ф. Итс, А.М. Решетов. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 150–168.
6. Коблякова Е.Б. Основы проектирования рациональных размеров и форм одежды. М.: Легкая и пищевая промышленность, 1984. 208 с.
7. Конструирование одежды с элементами САПР / под ред. Е.Б. Кобляковой. М.: Легпромбытиздат, 1988. 464 с.
8. Ксенофонтова Р.А. Японская одежда. Одежда народов зарубежной Азии: сб. статей / Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред. Р.Ф. Итс, А.М. Решетов. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 111–149.
9. Кузьмичев В.Е. Китайские методики конструирования одежды. Иваново: Иван. гос. текстильная акад., 2010. 300 с.
10. Кузьмичев В.Е., Ахмедулова Н.И., Юдина Л.П. Художественно-конструктивный анализ и проектирование системы «фигура-одежда». Иваново: Иван. гос. текстильная акад., 2005. 64 с.
11. Мартынова А.И., Андреева Е.Г. Конструктивное моделирование одежды: учеб. пособие. М.: МГАЛП, 2002. 216 с.
12. Пармон Ф.М. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества: монография. М.: Легпромбытиздат, 1994. 272 с.
13. Прыткова Н.Ф. Программа по изучению одежды народов Сибири // Программы и вопросники по изучению материальной культуры: В помощь участникам этнографических практик и экспедиций. Омск: Омский гос. ун-т, 1989. С. 29–48.
14. Стариков В.С., Сычев В.Л. К проблеме генезиса традиционной одежды южных китайцев // Одежда народов зарубежной Азии: сб. стат. / Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР; [отв. ред. Р.Ф. Итс, А.М. Решетов]. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 198–229.
15. Сычѳв Л.П., Сычѳв В.Л. Китайский костюм: символика, история, трактовка в литературе и искусстве. М.: Гл. ред. Восточной литературы, 1975. 132 с.
16. Хованчук О.А. Японский национальный костюм (конец XIX–нач. 60-х гг. XX в.) // Вестник ДВО РАН. 2005. №4. С. 70–79.
17. Хованчук О.А. Особенности формирования японского традиционного костюма и эстетического мировоззрения // Ойкумена. 2009. №4. С. 58–64.
18. Шершнева Л.П., Ларькина Л.В. Конструирование одежды: Теория и практика: учеб. пособие. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2006. 288 с.
19. Юань Цзеин, Article of clothing China History. Пекин. 332 с.
20. Dima Neu.MBFWR. Коллекция «ЮКА». URL: <http://www.whitedress.ru/club/~EkaterinaSavitskaya/?id=1830&show=theme> (дата обращения 09.04.2015).
21. Kim Mi-Ja, The traditional clothes of Korea. The Chosun Dynasty. Korean costumes in Portraits. The Chosun kingdom (a. d. 1392–1910), Seoul, 1998. 192 p.

22. Kim Un-Su. Лидеры корейской моды выходят на мировую сцену // *Koreana*. 2012. Vol. 8. No 4. 2012. pp. 16–21.
23. Norio Yamanako, *The book of kimono*. Tokyo, NY, London: Kodonsha International, 1986. 211 p.
24. Shingo Sato, *Transformational Reconstruction Volume 1–3*. Center for Pattern design. URL: <https://www.centerforpatterndesign.com/products/transformational-reconstruction>

Транслитерация

1. Danilova O.N. *FunktSIONal'no-esteticheskoe zonirovaniye ob'ektov ekodizaina: monografiya*, Vladivostok: Dal'nauka, 2011, 202 p.
2. Danilova O.N., Zaitseva T.A. *Vizual'nye simvolyy kak sostavnaya chast' imidzha (The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service) Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, 2016, № 1, pp. 154–161.
3. Dzhar'ylgasinova R.Sh. *Koreiskaya natsional'naya odezhda v kolleksii MAE. Zhenskaya odezhda, Kul'tura narodov zarubezhnoi Azii i Okeanii*, Sb. MAE, Vol. 25, L.: Nauka LO, 1969, pp. 147–157.
4. Danilova O.N., Zaitseva T.A., Zavertan A.V. i dr. *Informatsionno-tekhnicheskie i tekhnologicheskie aspekty proektirovaniya kostyuma: monografiya*, Vladivostok: Izd-vo VGUES, 2016, 172 p.
5. Ionova Yu.V. *Kharakternye cherty odezhdy koreitsev i nekotorye voprosy ee razvitiya, Odezhda narodov zarubezhnoi Azii: sb. statei*, Institut etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya AN SSSR; otv. red. R.F. Its, A.M. Reshetov, Leningrad: Nauka, Leningr. otd-nie, 1977, pp. 150–168.
6. Koblyakova E.B. *Osnovy proektirovaniya ratsional'nykh razmerov i form odezhdy*, M.: Legkaya i pishchevaya promyshlennost', 1984, 208 p.
7. *Konstruirovaniye odezhdy s elementami SAPR / Pod red. E.B. Koblyakovoi*. M.: Legprombytizdat, 1988. 464 s.
8. Ksenofontova R.A. *Yaponskaya odezhda, Odezhda narodov zarubezhnoi Azii: sb. statei*, Institut etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya AN SSSR; otv. red. R.F. Its, A.M. Reshetov, Leningrad: Nauka, Leningr. otd-nie, 1977, pp. 111–149.
9. Kuz'michev V.E. *Kitaiskie metodiki konstruirovaniya odezhdy*, Ivanovo: Ivan. gos. tekstil'naya akad., 2010, 300 p.
10. Kuz'michev V.E., Akhmedulova N.I., Yudina L.P. *Khudozhestvenno-konstruktivnyi analiz i proektirovaniye sistemy «figura-odezhda»*, Ivanovo: Ivan. gos. tekstil'naya akad., 2005, 64 p.
11. Martynova A.I., Andreeva E.G. *Konstruktivnoye modelirovaniye odezhdy: ucheb. posobie*, M.: MGALP, 2002, 216 p.
12. Parmon F.M. *Russkii narodnyi kostyum kak khudozhestvenno-konstruktorskii istochnik tvorchestva: monografiya*, M.: Legprombytizdat, 1994, 272 p.
13. Prytkova N.F. *Programma po izucheniyu odezhdy narodov Sibiri, Programmy i voprosniki po izucheniyu material'noi kul'tury: V pomoshch' uchastnikam etnograficheskikh praktik i ekspeditsii*, Omsk: Omskii gos. un-t, 1989, pp. 29–48.

14. Starikov V.S., Sychev V.L. K probleme genezisa traditsionnoi odezhdy yuzhnykh kitaitsev, *Odezhda narodov zarubezhnoi Azii: sb. statei*, Institut etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya AN SSSR; otv. red. R.F. Its, A.M. Reshetov, Leningrad: Nauka, Leningr. otd-nie, 1977, pp. 198–229.
15. Sychev L.P., Sychev V.L. Kitaiskii kostyum: simbolika, istoriya, traktovka v literature i iskusstve, M.: Gl. red. Vostochnoi literatury, 1975, 132 p.
16. Khovanchuk O.A. Yaponskii natsional'nyi kostyum (konets XIX–nach. 60-kh gg. XX v.), *Vestnik DVO RAN*, 2005, No 4, pp. 70–79.
17. Khovanchuk O.A. Osobennosti formirovaniya yaponskogo traditsionnogo kostyuma i esteticheskogo mirovozzreniya, *Oikumena*, 2009, No 4, pp. 58–64.
18. Shershneva L.P., Lar'kina L.V. Konstruirovaniye odezhdy: Teoriya i praktika: ucheb. posobie, M.: FORUM: INFRA-M, 2006, 288 p.
19. Yuan' Tszein, Article of clothing China History. Beijing. 332 p.
20. Dima Neu.MBFWR. Kolleksiya «YuKA». URL: <http://www.whitedress.ru/club/~EkaterinaSavitskaya/?id=1830&show=theme>
21. Kim Mi-Ja, The traditional clothes of Korea. The Chosun Dynasty. Korean costumes in Portraits. The Chosun kingdom (a. d. 1392–1910), Seoul, 1998. 192 p.
22. Kim Un-Su. Лидеры корейской моды выходят на мировую сцену // *Koreana*. 2012. Vol. 8. No 4. 2012. pp. 16–21.
23. Norio Yamanako, The book of kimono. Tokyo, NY, London: Kodonsha International, 1986. 211 p.
24. Shingo Sato, Transformational Reconstruction Volume 1–3. Center for Pattern design. URL: <https://www.centerforpatterndesign.com/products/transformational-reconstruction>

© О.Н. Данилова, 2017

© И.А. Слесарчук, 2017

© Т.А. Зайцева, 2017

© Юань Фэнхуа, 2017

Для цитирования: Данилова О.Н., Слесарчук И.А., Зайцева Т.А., Фэнхуа Юань. Формообразование современной одежды на основе использования национальных традиций // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9, № 2. С. 201–214.

For citation: Danilova O.N., Slesarchuk I.A., Zaytseva T.A., Fenghua Yuan. Formation of modern clothing based on the use of national traditions, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, Vol. 9, No 2, pp. 201–214.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3/201-214

Дата поступления: 19.05.2017.

В.В. Гетманцева¹

М.А. Гусева²

Е.Г. Андреева³

ФГБОУ ВО Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
Москва, Россия

Ф.А. Колиева⁴

ФГБОУ ВО Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
Владикавказ, Россия

Методика параметрического моделирования одежды из различных материалов в автоматизированной интеллектуальной среде

В статье рассмотрен процесс интеллектуализации автоматизированного проектирования одежды путем внедрения авторской методики параметрического моделирования деталей одежды сложных форм на примере рукавов в изделиях из различных материалов. Преимуществом предложенного способа виртуального конструирования одежды является формализация творческого этапа работы дизайнера и сокращение материалоемкого этапа примерки макетов изделий. Объективность конструкторских процедур в САПР базируется на многоуровневом процессе проектирования, использовании баз данных трехмерных графических аналогов манекенов и прототипов изделий, разработке блоков алгоритмов моделирования и аккумулировании исходной информации (вариантов антропоморфной характеристики человеческих фигур, конструктивных параметров изделия с учетом свойств материалов). Выбор алгоритмов проектных процедур с учетом вида используемых материалов (текстиль, трикотаж, мех и т.п.) осуществляется дизайнером-пользователем в САПР после распознавания художественного эскиза модели. Предлагаемая методика позволяет оценивать рациональность сгенерированной пространственной формы проектируемого изделия автоматически и в диалоговом режиме, чтобы оптимизировать работу дизайнера и улучшить качество готового изделия.

Ключевые слова и словосочетания: конструирование одежды из текстильных материалов и меха, конструктивное моделирование, 2D и 3D параметрическое проектирование одежды.

¹ Гетманцева Варвара Владимировна – канд. техн. наук, доцент кафедры художественного моделирования, конструирования и технологии швейных изделий Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина; e-mail: getmantseva@inbox.ru.

² Гусева Марина Анатольевна – канд. техн. наук, доцент кафедры художественного моделирования, конструирования и технологии швейных изделий Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина; e-mail: guseva_marina67@mail.ru.

³ Андреева Елена Георгиевна – д-р техн. наук, профессор кафедры художественного моделирования, конструирования и технологии швейных изделий Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина; e-mail: elenwise@mail.ru.

⁴ Колиева Фатима Азамбековна – канд. техн. наук, доцент кафедры технологии швейных изделий Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова; e-mail: fatimakolieva@yandex.ru.

V.V. Getmantseva¹

M.A. Guseva²

E.G. Andreeva³

The Kosygin State University of Russia
Moscow, Russia

F.A. Kolieva⁴

North Ossetian State University
Vladikavkaz, Russia

The technique of parametric modeling of clothing from different materials in an automated smart environment

The article describes the process of intellectualization of computer-aided design of clothing through the introduction of author's techniques for parametric modeling of clothing items of complex shapes: example of sleeves from various materials. The advantage of the proposed method of virtual design is the formalization of the creative phase of the work of the designer and the reduction in material-intensive stage of fitting layouts products. The objectivity of the design procedures in the CAD is based on a multi-level design process, using databases of three-dimensional graphic analogues of the dummies and prototypes of the products, the development of the blocks of the modeling algorithms and the accumulation of information (variants anthropomorphic characteristics of human figures, constructive parameters of the garment based on the properties of the materials). The designer chooses algorithm of procedures in CAD taking into account the type of materials used (textiles, knitwear, fur, etc.) after recognition of the artistic sketch of the model. The proposed method allows to estimate the rationality of the generated spatial shape of the designed product automatically and in a dialog mode to optimize the work of the designer and improve the quality of the finished product.

Keywords: designing of clothes from textile materials and of fur, constructive modeling, 2D and 3D parametric design of clothing.

Процесс глобальной автоматизации проектирования и производства товаров народного потребления в первую очередь ориентирован на решение технических задач, реализация которых предопределяет разнообразие вариантов и способов автоматизированного решения творческих задач, обеспечивающих высокий эстетический уровень выпускаемой продукции [1]. Поэтому системы автоматизированного проектирования (САПР) выступают не только в роли технического «исполнителя» проекта, но и в качестве интеллектуальных партнеров конструктора. В этом случае процесс интеллектуализации заключается в предоставлении конструктору технических и творческих средств для выбора или поиска проектно-конструкторских

¹ Getmantseva Varvara Vladimirovna – Candidate of Technical Science, Associate Professor; e-mail: getmantseva@inbox.ru.

² Guseva Marina Anatolievna – Candidate of Technical Science, Associate Professor; e-mail: guseva_marina67@mail.ru.

³ Andreeva Elena Georgievna – Doctor of Technical Science, Professor; e-mail: elenwise@mail.ru.

⁴ Kolieva Fatima Azambekovna – Candidate of Technical Science, Associate Professor; e-mail: fatimakolieva@yandex.ru.

решений и последующей оценки степени их рациональности. Методологии решения данной проблемы посвящен ряд отечественных исследований [2–7]. В работах рассмотрены различные теоретические аспекты процесса интеллектуализации САПР швейных изделий [8–12]. Однако для практического внедрения данных разработок в производственную практику производителей одежды важно учитывать и «творческую» специфику работы модельера-конструктора при реализации инженерных средств трехмерной графики в САПР одежды.

Традиционно процесс проектирования одежды сложной формы включал этап корректировки конструкции по итогам нескольких примерок изготовленных макетов проектируемых изделий. Поиск внешней формы изделия выполнялся как с помощью приемов конструктивного моделирования [13], так и муляжным методом с последующей параметризацией полученной конфигурации деталей [14]. Применение технологии виртуального моделирования швейных изделий позволяет усовершенствовать процесс проектирования, получить объективную визуализацию формы и разверток деталей изделия на любом этапе.

На пространственную форму проектируемых изделий значительное влияние оказывают используемые материалы [15], что особенно актуально для виртуального проектирования меховых изделий. Особенности современного дизайна внешней формы одежды [16], сложная топография поверхности изделий из меха [17], а также специфическая фактура пушно-мехового полуфабриката [18], влияющая на технологию изготовления [19], свойства волосяного покрова и кожаной ткани [20; 21] значительно усложняют процесс автоматизации проектирования меховых изделий [22], так как доля субъективных решений при их моделировании очень высока.

Для развития автоматизированных методов проектирования изделий из меха [23] детально рассмотрен этап проектирования модельных конструкций с целью определения возможных вариантов интеллектуализации данного процесса.

Важное значение для стилового и силуэтного решения меховой одежды [24] имеют особенности внешней формы воротника и рукавов (рис. 1). Покрой рукавов [25] обуславливает выбор значений прибавок в модельной конструкции меховых изделий [26].



Рис. 1. Модели одежды из меха [27]

В основу 3D-проектирования меховых изделий положен параметрический метод моделирования швейных изделий сложных пространственных форм [28], заключающийся в использовании исходных модельных 3D-форм (ИМФ), полученных из графических моделей базовых форм (БФ) (рис. 2). Модификация ИМФ в модельную форму (МФ) осуществляется посредством варьирования параметрических характеристик внешней формы в соответствии с дизайнерским решением. Одним из преимуществ данного метода является то, что в информационное описание ИМФ может быть заложено описание топографических особенностей исходного мехового полуфабриката, что значительно облегчит программный процесс визуализации пространственной формы изделия из меха. В этом случае модификация исходной формы осуществляется только посредством варьирования конструктивно-композиционных параметров, в отличие от изделий из ткани, где в качестве управляющих параметров выступают показатели свойств материала.

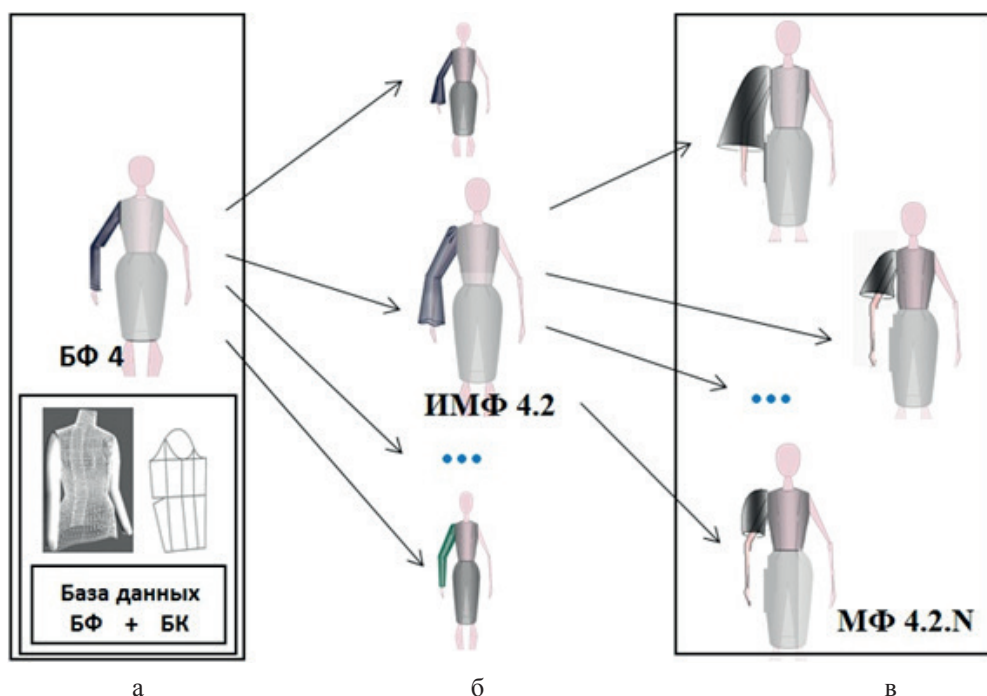


Рис. 2. Последовательность формирования модельной пространственной формы на примере рукава: а) база данных базовых форм (БФ), включающая алгоритм построения развертки; б) база исходных модельных форм (ИМФ), построенных на основе алгоритма преобразования БФ-ИМФ; в) модельная форма (МФ), полученная путем модификации параметров ИМФ

Алгоритмы преобразования БФ в ИМФ основаны на методиках конструктивного моделирования, представляющих собой формализуемую задачу. В то время как на этапе модификации ИМФ в МФ требуется включение интеллектуальных поддержек, которые плохо формализуемы.

Модификация прототипа изделия (ИМФ) в желаемую модельную форму (МФ) на уровне пользователя решается набором управляемых и интерактивно изменяемых параметров, представленных в виде диалогов. Диалоги реализуются на основе алгоритмов моделирования внешней пространственной формы и конструкции изделия. На уровне компьютерного программирования модельная форма задаётся с помощью информационных формализованных моделей вербального и математического описания внешней формы изделия [28].

Организация интеллектуальных поддержек в рамках диалога конструктора и автоматизированной системы возможна за счет детальной проработки действий конструктора при разработке объекта, а также детального анализа структуры параметрического описания объекта проектирования.

Этапы разработки способов интеллектуальной поддержки процесса 3D-моделирования пространственной формы изделий можно проиллюстрировать на примере короткого втачного рукава увеличенного объема со сборкой по окату. Для выделения этапов моделирования выбранной внешней формы определены основные параметры пространственной формы рукава, а именно: **длина детали, объем детали вверху, объем детали внизу** (табл. 1; рис. 3).

Результаты проведенного анализа позволили систематизировать информацию, описывающую процесс 3D-моделирования, чтобы установить параметры, используемые конструктором при модификации заданной пространственной формы (табл. 1, стб. 1) и конструкции детали изделия (табл. 1, стб. 2), установить связь параметров 3D-формы и модельной конструкции (МК) (табл. 1, стб. 3). Итогом систематизации является разработка вариантов организации диалогов между конструктором и автоматизированной системой (табл. 1, стб. 4) с вариантами интеллектуальной поддержки (табл. 1, стб. 5).

Таблица 1

Информационное описание процесса параметрического моделирования деталей одежды

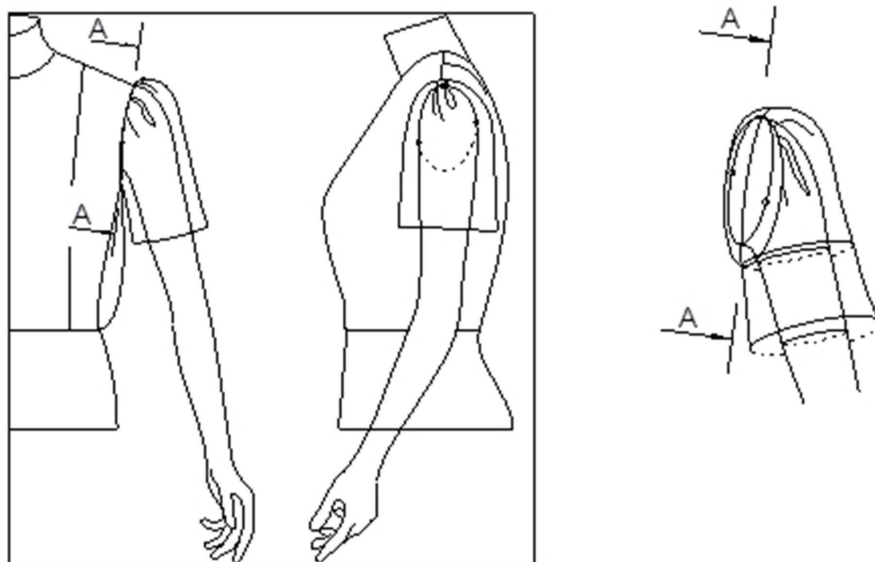
№	Параметры 3Dформы	Параметры МК	Описание связи «3D форма-МК»	Вариант диалогового окна**	Виды и способы интеллектуальной поддержки*
1	2	3	4	5	6
1	Длина модельной формы рукава				
	ДлрМФ= ДлрБФ+ ΔДлр	ДлрМК= ДлрБК+ ΔДлр	Значение параметра длины рукава равны ДлрМФ= ДлрМК	1 вариант: Введите новую длину рукава 2 вариант: Выберите описание длины рукава из списка	1. Рекомендуемое значение длины рукава (исходное значение длины базовой формы рукава), ΔДлр=0 2. Список вариантов вербального описания длины рукава и соответствующее числовое значение (установленное экспериментально)

1	2	3	4	5	6
2	Объем (ширина) рукава на уровне глубины проймы				
	ШроМФ= ШвоБФ + ΔШро	ШоМК= ШоБК + ΔШо	ШроМФ= ШоМК При пересчете на проекционные измерения Dпоп=кпоп* ШроМФ Dпр=кпр* ШроМФ [12]	1 вариант: Введите значение ширины рукава на уровне глубины проймы	1. Рекомендуемое значение «условно рациональной» величины ширины рукава на уровне глубины проймы для изделий из различных материалов
2 вариант: Введите значение прибавки к ширине рукава вверху				2. Рекомендуемое значение прибавки для изделий из различных материалов, установленное экспериментально	
3	Объем (ширина) рукава внизу				
	ШрнМФ= ШвнБФ + ΔШрн	ШнМК= ШнБК + ΔШн	ШрнМФ= ШнМК При пересчете на проекционные измерения Dпоп=кпоп* ШрнМФ Dпр=кпр* ШрнМФ	1 вариант: Введите значение ширины рукава внизу	1. Рекомендуемое значение «условно рациональной» рассчитанное в зависимости от вида меха и значения параметра « ширина рукава на уровне глубины проймы »
2 вариант: Введите значение прибавки к ширине рукава внизу				2. Рекомендуемое значение прибавки, рассчитанное в зависимости от вида меха и значения параметра « ширина рукава на уровне глубины проймы »	

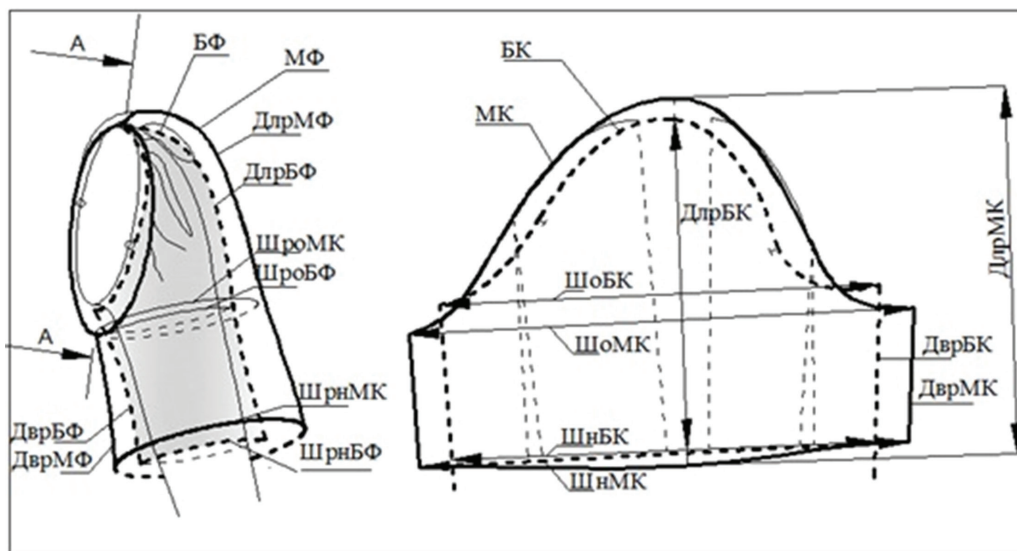
* На каждом этапе необходима визуализация графического решения в эскизе и конструкции для возможности оценки принятого решения.

** В системах должны быть реализованы все варианты диалогов, что обеспечит конструктору более высокий комфорт в процессе работы.

Система параметрических характеристик рукава содержит необходимую информацию о его плоскостной развертке и объемной форме. Разработанная система параметров структурирована в соответствии с последовательностью действий конструктора и решений, принимаемых им при разработке моделей одежды.



а



б

Рис. 3. Схема параметризации внешней формы и модельной конструкции рукава:
а) фронтальная, профильная проекция и пространственная форма; б) сопоставление параметров 3D-формы и МК

Рекомендуемые значения параметров, установленные экспериментально на основе исследования промышленных коллекций ведущих производителей меховых изделий, целесообразно обновлять с учетом тенденций текущего сезона, чтобы сохранить глобальную связь и виртуальный диалог конструктора с другими специалистами.

Разработанная структура информационного описания процесса параметрического моделирования рукавов используется для систематизированного описания и других частей одежды. Полученная информация будет использована для разработки интерфейса программы автоматизированного проектирования и моделирования изделий из меха, разработки структуры и формировании баз данных и знаний.

1. Научные исследования и разработки в области конструирования швейных изделий / Андреева Е.Г., Лунина Е.В., Петросова И.А., Гусева М.А., Гетманцева В.В. и др. М.: Спутник +, 2016. 169 с.
2. Средства разработки САПР одежды с учетом 3D-специфики / Бояров М.С., Гетманцева В.В., МаксUTOва М.Т., Андреева Е.Г. // Дизайн и технологии. 2011, №22 (64). С. 39–42.
3. Киселева М.В. Разработка параметрического метода 3D-моделирования женских поясных изделий: дис. ... канд. техн. наук: 05.19.04. М.: МГУДТ, 2011. 232 с.
4. Мурашова Н.Г., Гетманцева В.В., Андреева Е.Г. Этапы разработки метода автоматизированного проектирования декоративных деталей одежды с элементами интеллектуализации // Дизайн. Материалы. Технология. 2011. № 1. С. 95–99.
5. Андреева Е.Г., Черемисина Т.А., Волкова Е.К. Совершенствование способов интеграции процесса художественного проектирования одежды с разработкой ее конструкции // Материалы 10-й Междунар. науч. конф. «Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии». СПб.: СПГУТД, 2007. С. 218–221.
6. Гетманцева В.В. Разработка методов интеллектуализации процесса автоматизированного проектирования женской одежды: дис. ... канд. тех. наук: 05.19.04. МГУДТ, М., 2006. С. 30–32.
7. Черемисина Т.А. Разработка метода интеграции эскизного проекта модели одежды с базой данных для разработки ее конструкции: дис. ... канд. техн. наук: 05.19.04. МГУДТ, Москва, 2008. 229 с.
8. Струневич Е.Ю. Разработка метода преобразования творческого эскиза в модельную конструкцию при автоматизированном проектировании женской одежды: дис. ... канд. техн. наук: 05.19.04. М.: МГУДТ, 2008. 240 с.
9. Гетманцева В.В., Струневич Е.Ю., Андреева Е.Г. Интеллектуализация начальных этапов проектирования моделей одежды // Дизайн и технологии. 2008. №9. С. 66–71.
10. Getmantseva V.V., Galtsova L.O., Boyarov M.S., Andreeva E.G. Virtual dummy development in 3D environment // В сборнике: Grand Fashion Proceedings, 2011. С. 45–47.
11. Бояров М.С. Разработка метода параметрического проектирования пространственной формы мужских плечевых изделий: дис. ... канд. техн. наук: 05.19.04. М.: МГУДТ, 2013. С. 74–81.
12. Рогожин А.Ю., Гусева М.А. Концепция идеальной системы автоматизированного проектирования одежды // Дизайн и технологии. 2016. № 52 (94). С. 67–75.
13. Мартынова А.И., Андреева Е.Г. Конструктивное моделирование одежды. М.: МГУДТ, 2006. 216 с.

14. Разработка конструкций швейных изделий сложных форм методом макетирования / Гусева М.А., Чижова Н.В., Петросова И.А., Андреева Е.Г., Гетманцева В.В. М.: МГУДТ, 2016. 81 с.
15. Влияние показателей физико-механических свойств тканей на пространственную форму плечевого изделия / Гетманцева В.В., Гончарова А.С., Никитина Н.Г., Андреева Е.Г. // Известия вузов. Технология текстильной промышленности. 2011. № 6. С. 88–94.
16. Гусева М.А., Андреева Е.Г. Композиция пространственной формы меховой одежды // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 119. С. 31–43.
17. Койтова Ж.Ю., Кучерова И.А., Роженцова С.П. Изучение топографии свойств пушно-меховых полуфабрикатов // Вестник Костромского государственного технологического университета. 1999. № 1. С. 59–60.
18. Рассадина С.П. Разработка методов оценки и исследование геометрических и оптических свойств волосяного покрова пушно-меховых полуфабрикатов: дис. ... канд. техн. наук: 05.19.01. Кострома: КГТУ, 2002. 266 с.
19. Борисова Е.Н. Свойства овчинного полуфабриката и их влияние на технологию изготовления и эксплуатацию одежды. Кострома: КГТУ, 2014. 103 с.
20. Способ бесконтактного определения рельефа поверхности материалов / Петросова И.А., Андреева Е.Г., Белгородский В.С., Новиков М.В., Сухинина Т.В., Горбачева М.В. // Патент на изобретение № 2606703; заявл. 26.08.2015, опубл. 10.01.2017; Бюл. № 1.
21. Новиков М.В. Показатели качества пушно-мехового полуфабриката // Ветеринария, зоотехния и биотехнология. 2015. № 8. С. 54–63.
22. Guseva M.A., Getmantseva V.V., Andreeva E.G., Korychichina M.A., Kalinina M.A. 3D research of form formation in fur clothes // 21 век: фундаментальная наука и технологии. North Charleston: CreateSpace, 2017. С. 137–139.
23. Three-dimensional virtual technology to simulate the garment with a complex surface topography / Guseva M.A., Andreeva E.G., Getmantseva V.V., Petrosova I.A. // Science, Technology and Higher Education Materials of the XIII International research and practice conference, 2017. С. 59–68.
24. Гусева М.А., Андреева Е.Г., Петросова И.А. Основные силуэтные и стиливые решения меховой одежды // Естественные и технические науки. 2015. № 11. С. 509–512.
25. Гусева М.А., Петросова И.А., Андреева Е.Г. Особенности покроя современной меховой одежды // Кожа и мех в XXI веке: технология, качество, экология, образование: материалы XI междунар. науч.-практ. конференции, 2015. С. 208–212.
26. Гусева М.А., Андреева Е.Г., Мартынова А.И. Исследование конструктивных прибавок в меховых изделиях различных силуэтов // Дизайн и технологии. 2016. № 52 (94). С. 50–59.
27. FurCollection. URL: <https://www.greek-furs.com/>
28. Разработка автоматизированной системы параметрического моделирования одежды сложных форм / Андреева Е.Г., Гетманцева В.В., Петросова И.А., Бояров М.С. // Отчет о НИОКР по Госконтракту Минпромторга РФ № 12411.0816900.19.076 от 03.04.2012. 195 с.

Транслитерация

1. Nauchnye issledovaniia i razrabotki v oblasti konstruirovaniia shveinykh izdelii/ Andreeva E.G., Lunina E.V., Petrosova I.A., Guseva M.A., Getmantseva V.V. et al. M.: Sputnik +, 2016. 169 p.
2. Boiarov M.S., Getmantseva V.V., Maksutova M.T., Andreeva E.G. Sredstva razrabotki SAPR odezhdy s uchedom 3D-spetsifiki, *Dizain i tekhnologii*, 2011, No 22 (64), pp. 39–42.
3. Kiseleva M.V. Razrabotka parametriceskogo metoda 3-D modelirovaniia zhenskikh poiasnykh izdelii: dis. ... kand. tekhn. nauk: 05.19.04. M., MGUDT, 2011. 232 p.
4. Murashova N.G., Getmantseva V.V., Andreeva E.G. Stages of cloth decorative details automated design development with elements of intellectualization, *Design. Materials. Technology*, 2011, No 1, pp. 95–99.
5. Andreeva E.G., Cheremisina T.A., Volkova E.K. Sovershenstvovanie sposobov integratsii protsessa khudozhestvennogo proektirovaniia odezhdy s razrabotkoi ee konstruksii. *Materialy 10-i Mezhdunar. nauch. konf. «Moda i dizain: istoricheskii opyt – novye tekhnologii»*. SPb.: SPGUTD, 2007, pp. 218–221.
6. Getmantseva V.V. Razrabotka metodov intellektualizatsii protsessa avtomatizirovannogo proektirovaniia zhenskoi odezhdy: dis. kand. tekhn. nauk: 05.19.04. MGUDT, M., 200, pp. 30–32.
7. Cheremisina T.A. Razrabotka metoda integratsii eskiznogo proekta modeli odezhdy s bazoi dannykh dlia razrabotki ee konstruksii: dis. ... kand. tekhn. nauk: 05.19.04. MGUDT, Moskva, 2008. 229 p.
8. Strunevich E.Iu. Razrabotka metoda preobrazovaniia tvorcheskogo eskiza v model'nuu konstruksiiu pri avtomatizirovannom proektirovanii zhenskoi odezhdy: dis. ... kand. tekhn. nauk: 05.19.04. MGUDT. M., 2008. 240 p.
9. Getmantseva V.V., Strunevich E.Iu., Andreeva E.G. Intellektualizatsiia nachal'nykh etapov proektirovaniia modelei odezhdy, *Dizain i tekhnologii*, 2008, No 9, pp. 66–71.
10. Getmantseva V.V., Galtsova L.O., Boyarov M.S., Andreeva E.G. Virtual dummy development in 3D environment, *Grand Fashion Proceedings*, 2011, pp. 45–47.
11. Boiarov M.S. Razrabotka metoda parametriceskogo proektirovaniia prostranstvennoi formy muzhskikh plechevykh izdelii: dis. ... kand. tekhn. nauk: 05.19.04. MGUDT. M., 2013, pp. 74–81.
12. Rogozhin A.Iu., Guseva M.A. Kontseptsiia ideal'noi sistemy avtomatizirovannogo proektirovaniia odezhdy, *Dizain i tekhnologii*, 2016, No 52 (94), pp. 67–75.
13. Martynova A.I., Andreeva E.G. Konstruktivnoe modelirovanie odezhdy. M.: MGUDT, 2006. 216 p.
14. Guseva M.A., Chizhova N.V., Petrosova I.A., Andreeva E.G., Getmantseva V.V. Razrabotka konstruksii shveinykh izdelii slozhnykh form metodom maketirovaniia. M.: MGUDT, 2016, 81 p.
15. Getmantseva V.V., Goncharova A.S., Nikitina N.G., Andreeva E.G. Vliianie pokazatelei fiziko-mekhanicheskikh svoistv tkanei na prostranstvennuu formu plechevogo izdeliia, *Izvestiia vuzov. Tekhnologiia tekstil'noi promyshlennosti*, 2011, No 6, pp. 88–94.
16. Guseva M.A., Andreeva E.G. Composition of spatial forms of fur garments, *Scientific journal of KubSAU*, 2016, No 119, pp. 31–43.
17. Koitova Zh.Iu., Kucherova I.A., Rozhentsova S.P. Izuchenie topografii svoistv pushno-mekhovykh polufabrikatov, *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 1999, No 1, pp. 59–60.

18. Rassadina S.P. Razrabotka metodov otsenki i issledovanie geometricheskikh i opticheskikh svoystv volosianogo pokrova pushno-mekhovykh polufabrikatov: dis. ... kand. tekhn. nauk: 05.19.01. Kostroma: KGTU, 2002. 266 p.
19. Borisova E.N. Svoystva ovchinnogo polufabrikata i ikh vliianie na tekhnologiiu izgotovleniia i ekspluatatsiiu odezhdy. Kostroma, KGTU, 2014. 103 p.
20. Petrosova I.A., Andreeva E.G., Belgorodskij V.S., Novikov M.V., Suhinina T.V., Gorbacheva M.V. Sposob beskontaktnogo opredelenija rel'efa poverhnosti materialov. Patent na izobrenenie №2606703; zajavl. 26.08.2015, opubl. 10.01.2017.
21. Novikov M.V. Indicators of quality fur semi-finished product, *Veterinary medicine, animal science and biotechnology*, 2015, No 8, pp. 54–63.
22. Guseva M.A., Getmantseva V.V., Andreeva E.G., Korychichina M.A., Kalinina M.A. 3D research of form formation in fur clothes, *21 vek: fundamental'naia nauka i tekhnologii*. North Charleston: CreateSpace, 2017. pp. 137–139.
23. Guseva M.A., Andreeva E.G., Getmantseva V.V., Petrosova I.A. Three-dimensional virtual technology to simulate the garment with a complex surface topography, *Science, Technology and Higher Education Materials of the XIII International research and practice conference*, 2017, pp. 59–68.
24. Guseva M.A., Andreeva E.G., Petrosova I.A. The basic silhouette and style fur garments, *Natural and technical Sciences*, 2015, No 11, pp. 509–512.
25. Guseva M.A., Petrosova I.A., Andreeva E.G. The modern cut of fur garments, *Proceedings of the XI international conference «Leather and fur in XXI century. Technology, quality, environmental, management, education»*, 2015, pp. 208–212.
26. Guseva M.A., Andreeva E.G., Martynova A.I. Study of structural increments in the fur garments of different silhouettes, *Design and technology*, 2016, No 52 (94), pp. 50–59.
27. FurCollection. URL: <https://www.greek-furs.com/>
28. Andreeva E.G., Getmantseva V.V., Petrosova I.A., Boiarov M.S. Razrabotka avtomatizirovannoi sistemy parametricheskogo modelirovaniia odezhdy slozhnykh form, *Report R&D (Minpromtorg RF) No 12411.0816900.19.076; 03.04.2012*. 195 p.

© В.В. Гетманцева, 2017

© М.А. Гусева, 2017

© Е.Г. Андреева, 2017

© Ф.А. Колиева, 2017

Для цитирования: Методика параметрического моделирования одежды из различных материалов в автоматизированной интеллектуальной среде / Гетманцева В.В., Гусева М.А., Андреева Е.Г., Колиева Ф.А. // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9, № 3. С. 215–225.

For citation: Getmantseva V.V., Guseva M.A., Andreeva E.G., Koliyeva F.A. The technique of parametric modeling of clothing from different materials in an automated smart environment, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, Vol. 9, No 1, pp. 215–225.

DOI [dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3/215-225](https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3/215-225)

Дата поступления: 22.08.2017.

Правила оформления статей

Статьи в научном журнале «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса» публикуются бесплатно.

Тематика статей, публикуемых в журнале, соответствует следующим отраслям науки согласно Государственному рубрикату научно-технической информации (ГРНТИ):

- 06.00.00 Экономика. Экономические науки;
- 10.00.00 Государство и право. Юридические науки;
- 11.00.00 Политика. Политические науки;
- 24.00.01 Теория и история культуры;
- 20.00.00 Информатика.

Направление авторских рукописей в адрес редакции рассматривается как передача авторами прав на их публикацию редакцией научного журнала «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса». После утверждения рукописи к печати автор(ы) подписывают лицензионный (авторский) договор между редакцией и автором (авторами) и направляют его электронную версию в редакцию.

В одном номере журнала может быть опубликовано не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

Электронный вариант рукописи направляется по адресу электронной почты vestnik_vgues@vvsu.ru. Имя файла в латинской транскрипции должно совпадать с фамилией автора (например, [ivanov.doc/Ivanov.docx](#)).

Бумажный вариант рукописи предоставляется в редакцию научного журнала. Почтовый адрес: 690014, ул. Гоголя, 41, каб. 1341, г. Владивосток, Приморский край, Россия.

Основные требования

Бумажный и электронный варианты рукописи, предназначенной для публикации, должны быть идентичными и обязательно содержать следующие данные:

- тематическая рубрика статьи;
- шифр УДК;
- название статьи (на русском и английском языках);
- фамилия, имя, отчество (если есть) всех авторов полностью (на русском и английском языках);
- полное название организации – место работы/учебы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языках). Если все авторы статьи работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно;
- подразделение организации (по желанию) (на русском и английском языках);

- должность, звание, ученая степень и иная информация об авторах (на русском и английском языках);
- адрес электронной почты (e-mail) для каждого автора;
- корреспондентский почтовый адрес и контактный номер телефона;
- аннотация статьи на русском и английском языках (200–250 слов);
- ключевые слова и словосочетания (на русском и английском языках) (не более 12);
- список литературы (оформляется в виде нумерованного списка пристатейных источников в конце статьи). Вначале в алфавитном порядке приводятся русскоязычные источники, затем – иностранные. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка. Список необходимо оформлять в строгом соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления.

Заполнение всех перечисленных пунктов является обязательным для принятия статьи к публикации в научном журнале.

Требования к аннотации и структуре статьи

Аннотация

Аннотация (200–250 слов) в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье).

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы следует описывать предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Статья

Структура статьи должна соответствовать стилю изложения текста в научно-исследовательской работе. В ее содержании обязательно должны присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения следующие разделы:

- **Введение** (включает актуальность темы исследования, постановку проблемы исследования, формулирование научной гипотезы, формулирование цели и задач исследования).
- **Предмет и источниковая база исследования, противоречия в имеющихся исследованиях и авторская позиция.**
- **Методы исследования, методологические принципы и инструменты, методика и инструментарий исследования.**
- **Основная часть, апелляция к оппонентам и позициям, описание содержания исследования, его значимости** (экспериментальная часть, анализ, обобщение и разъяснение собственных данных или сравнение теорий, доктрин, анализ действующего нормативно-правового материала и т.д.).
- **Выводы и научная новизна.** Статья обязательно должна содержать в себе ответы на вопросы, поставленные вводной частью, демонстрировать конкретные выводы, предложения, практические положения по совершенствованию, корректировке и проч., а также отражать научную и практическую новизну, полученных выводов, их дальнейшего использования и т.п.
- **Список литературы** включает только используемые в статье авторские исследования, статистику, эмпирические и аналитические данные, архивные и нормативно-правовые источники. Содержит только рецензируемые источники. Оформляется в алфавитном порядке.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение. Для научной полемики следует обращаться к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не следует наполнять научную статью цитатами из материалов газет, популярных журналов, интернет-сайтов, ссылками на высказывания по телевидению. Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, а также материалы, опубликованные ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению для публикации.

Оформление текста

- Текст статьи (от 12 до 20 тысяч печатных знаков) должен быть сохранен в формате DOC/DOCX или RTF (шрифт Times New Roman, кегль 12, межстрочный интервал одинарный, отступ красной строки – 1,25 см, поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см, левое – 3 см, ориентация – книжная).
- Рисунки в формате JPEG и диаграммы представляются в отдельных файлах и в тексте статьи. Все рисунки должны быть пронумерованы и иметь подрисуночную подпись с объяснением элементов рисунка. Все рисунки публикуются на страницах журнала в черно-белой гамме.
- Таблицы должны быть пронумерованы и озаглавлены. После каждой таблицы в примечании указывают источник данных, приведенных в таблице.
- Формулы выполняются во встроенном «Редакторе формул». Формулы необходимо нумеровать справа в круглых скобках. Допускается размещение формул в формате рисунков (JPEG, EPS).
- В связи с тем, что электронные версии публикаций обрабатываются в специальных программах для размещения в различных электронных библиотечных системах, математические символы, формулы с надстрочными и подстрочными индексами и буквы греческого алфавита в заголовках статей, аннотациях и ключевых словах теряются. Убедительная просьба избегать употребления таких символов в указанных частях публикации!
- Страницы должны быть пронумерованы и не содержать разрывов, колонтитулов.

Научное издание

**ТЕРРИТОРИЯ
НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ**
**Вестник Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса**

2017, № 3

[Том 9]

Научный журнал

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1
-------------	-----------------------------------------------------------------

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3

Журнал «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-70135
ISSN 2073-3984

Дата выхода в свет 20 сентября 2017 г.

Адрес редакции:

690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41, каб. 1341
тел. (423) 240-40-54; e-mail: vestnik_vgues@vvsu.ru

Ответственный за выпуск Л.Е. Стрикаускас
Ответственный секретарь Л.А. Харитонова
Корректор М.А. Шкарубо
Компьютерная верстка Л.А. Харитонова
Дизайн обложки Ю.А. Лакиза, Т.Ю. Малышенко

Подписано в печать 11.09.2017. Формат 70 x 100/16.
Бумага писчая. Печать цифровая. Усл.-печ. л. 18,38, уч.-изд.л. – 20,0.
Тираж 200 экз. Заказ
Цена на территории РФ свободная

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41